

Министерство науки и высшего образования РФ
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Межрегиональная общественная организация
"Русское общество истории и философии науки"

The Digital Scholar: **Philosopher's lab**

Vol. 6. • no 4.

Цифровой ученый: **лаборатория философа**

Т. 6. • №4.

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2023

Цифровой ученый: лаборатория философа **2023. Т. 6. №4.**

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

Главный редактор: И.Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва, Россия;
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия)

Зам. главного редактора: А.Н. Ткачев (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Ответственный секретарь: С.В. Шибаршина (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

А.М. Бекарев (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), Ю.К. Волков (Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского), А. Гельферт (Берлинский технический университет, Берлин, Германия), И.Н. Грифцова (МПГУ, Москва), А.М. Дорожкин (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), Е.В. Масланов (Институт философии РАН, Москва), М.А. Можейко (БГУКИ, Минск, Республика Беларусь), И.Д. Невважай (СГЮА, Саратов), О.А. Останина (ВятГУ, Киров), К.А. Очеретяный (СПбГУ, Санкт-Петербург), О.В. Париков (Приволжский филиал РГУП, Нижний Новгород), В.С. Пронских (Национальная Ускорительная Лаборатория им. Э. Ферми, Батавия, США; ОИЯИ, Дубна), В.М. Розин (Институт философии РАН, Москва), Н.С. Розов (НГУ, Новосибирск), Руане Луис Паулу (Федеральный университет Сан-Жуан-дел-Рей, Бразилия), А. Рузер (Университет Агдера, Кристиансанн, Норвегия), В.В. Савчук (СПбГУ, Санкт-Петербург), Х. Чанг (Кембриджский университет, Кембридж, Великобритания), Е.Э. Чеботарева (СПбГУ, Санкт-Петербург), Л.В. Шиповалова (СПбГУ, Санкт-Петербург), А.Ф. Яковлева (ИМЭМО РАН, ГАУГН, Москва).

Редакционный совет:

В.А. Бажанов (УлГУ, Ульяновск),

М.Дж. Веллер (Открытый Университет, Милтон-Кинс, Великобритания),

В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва), В.Н. Порус (НИУ ВШЭ, Москва),

С.У. Фуллер (Университет Уорика, Ковентри, Великобритания),

Чувильдеев В.Н. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

Журнал включен в ERIH PLUS, Ulrichs Periodicals Directory, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цифровой идентификатор объекта (DOI) присваивается через НЭИКОН.

Высшая аттестационная комиссия РФ (ВАК) включила журнал в список рецензируемых научных журналов, в которых должны публиковаться результаты кандидатских и докторских диссертаций:

09.00.01 - Онтология и теория познания, 09.00.08 - Философия науки и техники,

09.00.11 - Социальная философия, 09.00.13 - Философская антропология, философия культуры.

Учредители: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Межрегиональная общественная организация "Русское общество истории и философии науки".

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 72454 от 05.03.2018

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2018 г.

Адрес редакции: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23, корп. 3.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кафедра философии.

Официальный сайт журнала: <http://www.digital-scholar.unn.ru>

Подписной индекс в Объединенном каталоге "Пресса России" — 39461

The Digital Scholar: Philosopher's lab

2023. Vol. 6. No 4.

Quarterly peer-reviewed journal

Editor-in-chief: Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

Editorial Assistants: Andrey Tkachev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia); Svetlana Shibarshina (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

Editorial Board:

Adrian Bekarev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Hasok Chang (University of Cambridge, Cambridge, England, United Kingdom), Elena Chebotareva (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Aleksandr Dorozhkin (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Axel Gelfert (Technische Universität Berlin, Germany), Irina Gritsova (Moscow State University of Education, Moscow, Russia), Evgeny Maslanov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Marina Mozheyko (Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus), Igor Nevazhay (Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia), Konstantin Ocheretyany (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Olga Ostanina (Vyatsky State University, Kirov, Russia), Oleg Parilov (Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia), Vitaly Pronskikh (Fermi National Accelerator Laboratory, Batavia, USA; Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia), Vadim Rozin (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Nikolay Rozov (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia), Luiz Paulo Rouanet (Universidade Federal de São João Del-Rei, Brasil), Alexander Ruser (University of Agder, Kristiansand, Norway), Valery Savchuk (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Lada Shipovalova (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia), Yuri Volkov (Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia), Alexandra Yakovleva (IMEMO RAS, GAUGN, Moscow, Russia).

Editorial Council:

Valentin Bazhanov (Ulyanovsk State University, Russia), Martin Weller (The Open University, Milton Keynes, England, United Kingdom), Vladislav Lectorsky (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Vladimir Porus (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), Steve Fuller (University of Warwick, Coventry, England, United Kingdom), Vladimir Chuvildeev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia).

Abstracting and indexing:

ERIH PLUS,
Ulrichs Periodicals Directory, Russian Index of Science Citation (RISC).
DOI assignment by NEICON.

The Russian Certification Committee (VAK) has included the Journal into their list of the peer-reviewed scholarly journals.

Publisher: Nizhny Novgorod State University Press, Russian Society for History and Philosophy of Science.

The Mass Media Registration Certificate: No. FS77-72454 on 05.03.2018

Frequency: 4 times per year. First issue: 2018.

Place of publication: 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod, 603950, Russia

Official website: <http://www.digital-scholar.unn.ru>

Subscription index in the integrated catalogue «The Press of Russia» is 39461.

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТ

<i>Дуров В.И.</i> Цифровые ресурсы и поддержка исследовательских задач в гуманитарной сфере (на примере исторической науки).....	6
<i>Тухватулина Л.А.</i> Образы науки в обществе знания.....	21

КОНЦЕПЦИЯ

<i>Деникин А.А.</i> Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций.....	33
<i>Костина А.О.</i> Платформенные технологии и метаданные: проблемы структурирования и коммуникации научного знания.....	54
<i>Кушнир Т.А.</i> Генеалогия коммуникативных правил в контексте цифрового поворота.....	71
<i>Соколова Т.Д.</i> О необходимости и возможности консенсуса в научных исследованиях и философии.....	85
<i>Тинус Н.Н.</i> Лаццарато о многомерности высказывания в философии М. Бахтина: перевод статьи Маурицио Лаццарато «Теория высказывания Михаила Бахтина».....	99
<i>Ткачев А.Н.</i> Проблема оснований скептицизма.....	115

CASE STUDIES

<i>Куприянов В.А.</i> II конгресс по истории наук и техники 1931 г. Лондоне в историографии истории науки первой половины XX в. Часть I. Зарождение идеи международных конгрессов по истории науки.....	127
<i>Куприянов В.А.</i> II конгресс по истории наук и техники 1931 г. в Лондоне в историографии истории науки первой половины XX в. Часть II. Проведение конгресса и его значение для историографии.....	145
<i>Бараш Р.Э.</i> Психозомоциональное состояние и актуальный проблемный фон российского общества в конце 2022 г.: по материалам фокус-групповых дискуссий.....	168
<i>Седова Н.Н.</i> Перспективы солидаризации и коллективных действий в контексте развития ценностных установок российской молодежи.....	186

TABLE OF CONTENTS

UNIVERSITY

<i>Viktor I. Durov</i> . Digital resources and support for research tasks in the humanities (an example of historical science).....	6
<i>Liana A. Tukhvatulina</i> . Images of science in the knowledge society.....	21

VIEWPOINTS

<i>Anton A. Denikin</i> . Discursive aspects of posthuman communications.....	33
<i>Alina O. Kostina</i> . Platform technologies and metadata: the issues of structuring and communication of scientific knowledge....	54
<i>Timofey A. Kushnir</i> . Genealogy of communicative rules in the context of the digital turn.....	71
<i>Tatiana D. Sokolova</i> . On the necessity and possibility of consensus in scientific research and philosophy.....	85
<i>Nikita N. Tinus</i> . M. Lazzarato on the multidimensionality of utterance in Bakhtinian philosophy: translation of Maurizio Lazzarato's article "Mikhail Bakhtin's theory of the utterance".....	99
<i>Andrey N. Tkachev</i> . The problem of foundations of skepticism.....	115

CASE STUDIES

<i>Viktor A. Kupriyanov</i> . The Second Congress on the History of Science and Technology in London, 1931, in the history of science of the first half of the 20th century. Part I. The origin of the idea of international congresses on the history of science.....	127
<i>Viktor A. Kupriyanov</i> . The Second Congress on the History of Science and Technology in London, 1931 in the history of science of the first half of the XXth century. Part II. The holding of the congress and its significance for historiography.....	145
<i>Raisa E. Barash</i> . Psychological and emotional status and actual problem background of Russia's society at the end of 2022: the focus group discussions conclusions.....	168
<i>Natalia N. Sedova</i> . Prospects for solidarity and collective action in the context of the development of value attitudes of Russian youth..	186

УНИВЕРСИТЕТ

УДК 004:9

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-6-20

ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ И ПОДДЕРЖКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ)

Дуров Виктор Иванович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории права и государства Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Российская Федерация, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95; e-mail: viktor_durov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3766-384X

В статье представлены обзор и рефлексия основных тенденций развития цифровых ресурсов гуманитарного знания. Анализ осуществляется в основном на примере исторической науки. Используется синхронный сравнительный метод, который позволяет выявить общее и особенное в отечественной и европейской исторических науках. На основе инструмента Google Ngram Viewer показано различие в употреблении понятий «электронные ресурсы» и «цифровые ресурсы». Для российской науки характерно доминирование первого понятия, для английской – второго. В статье оба понятия используются как синонимичные. В первой части статьи дана характеристика ресурсам общего назначения. Рассмотрены электронные библиотеки, электронные архивы, фото- и видеоархивы; проанализированы особенности их наполнения. Вторая часть работы посвящена тематическим научно-образовательным ресурсам. В отдельный тип автор выделяет пользовательские ресурсы: социальные сети, любительские сайты, форумы. В статье рассмотрены положительные стороны и недостатки каждого типа. Автор указывает на некоторые междисциплинарные методы, которые позволяют расширить исследовательский инструментарий историков. При этом большой проблемой цифровых ресурсов является их ограниченное существование, что ведёт к потере данных, затрудняет верификацию.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, информационные ресурсы, историческая информатика, информационная система, цифровая история

Цитирование: Дуров В.И. Цифровые ресурсы и поддержка исследовательских задач в гуманитарной сфере (на примере исторической науки) // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4.. С. 6-20. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-6-20

Рукопись получена: 5 ноября 2023

Пересмотрена: 25 ноября 2023

Принята: 27 ноября 2023

DIGITAL RESOURCES AND SUPPORT FOR RESEARCH TASKS IN THE HUMANITIES (AN EXAMPLE OF HISTORICAL SCIENCE)

Viktor I. Durov – PhD in History, Assistant Professor, Chair of Theory and History of Law and State at the Central Branch of the Russian State University of Justice. 95, 20-letiya Otkrytiya St., 394006 Voronezh, Russian Federation; e-mail: viktor_durov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3766-384X

The article provides an overview of the main trends in the development of digital resources of humanities knowledge. The subject of analysis is mainly the situation in historical science. One of the research methods is the comparative method, which allows you to see the similarities and differences between domestic and foreign historical digital resources. The author uses the Google Ngram Viewer tool to see the differences in the use of the concepts «electronic resources» and «digital resources». In Russian science, «electronic resources» are frequently used, while in English «digital resources» dominate. The author uses both concepts as synonymous. In the first part, the article characterizes general-purpose resources: electronic libraries, electronic archives, photo and video archives, and the features of their content. The second part of the work analyzes thematic scientific and educational resources. The author identifies user resources as a separate type. These include social networks, amateur websites, forums. The article discusses the positive aspects of each type and notes their disadvantages. The author points out some interdisciplinary methods that allow us to expand the research tools of historians. At the same time, the big problem of digital resources is their limited existence, which leads to data loss and makes verification difficult.

Keywords: digital humanities, information resources, historical informatics, information science, digital history

How to cite: Durov, V.I. (2023). Digital resources and support for research tasks in the humanities (an example of historical science). *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 6-20. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-6-20 (In Russian).

Received: 5 November 2023

Revised: 25 November 2023

Accepted: 27 November 2023

Мы переживаем новую (четвертую) промышленную революцию, которую часто называют Индустрией 4.0. Пришедшая цифровая эра ставит новые задачи перед обществом. Под влиянием цифрового поворота появилась цифровая наука. В результате в гуманитарном знании сложилось новое направление – *Digital Humanities* (цифровые гуманитарные науки; далее *DH*). Сегодня *DH* хоть и не имеют общепринятого определения (Террас и др. (ред.), 2017, с. 325-343), но уверенно шагают по планете, что проявляется прежде всего в их институционализации (Там же, с. 17-21). Были сформир-

рованы направления, возникшие благодаря развитию компьютерных технологий (например, корпусная лингвистика). Важной особенностью *DH* служит их междисциплинарность, которая в то же время ставит перед научным сообществом вопросы о роли и связи субдисциплин (дисциплин, направлений), наличии единой информационной платформы и др.

Как отмечает отечественный исследователь А.Ю. Володин, большинство специалистов сегодня сходятся во мнении, что отличительной чертой *DH* является не применение компьютера в качестве инструмента, но прежде всего «расширение цифрового историко-культурного наследия путём публикации электронных ресурсов, реконструкций и визуализаций» (Володин, 2014, с. 6). В то же время следует отметить, что не все цифровые ресурсы (доступные онлайн или офлайн) появились и создаются благодаря деятельности цифровых гуманитариев или цифровых отраслевых специалистов (например, цифровых лингвистов, цифровых историков, IT-архивистов и т. д.).

В данной статье мы рассмотрим особенность создания и функционирования цифровых ресурсов, их практическую значимость для исследователей. Ввиду ограниченности объёма публикации рассмотрим проблему на примере историко-ориентированных ресурсов и постараемся определить, какое место они занимают в *DH*. Интересно также выяснить, насколько такие ресурсы способствуют получению нового знания, как их оценивает научное сообщество.

Вместе с тем отметим, что создание цифровых ресурсов, значимых для исторической науки, прямым образом соседствует с совершенствованием архивоведения и библиотечного дела. Ведь роль электронных библиотек и архивов в информационном обеспечении науки и образования трудно переоценить – причём это применимо в целом и к *DH*.

В статье используются термины «цифровые ресурсы» и «электронные ресурсы» как синонимичные. Для выявления исторических тенденций использования определённых понятий и терминов эффективен, на наш взгляд, инструмент *Google Ngram Viewer*. Он строится на количественном анализе оцифрованных текстов, находящихся в базе данных *Google*. Сегодня всё больше исследователей обращаются к данному инструменту (Madsen, Slåtten, 2022; Holloway, 2020; Sampsel, 2021). Запрос в сервисе *Google Ngram Viewer* показал, что в английском сегменте Интернета примерно с 2015 г. по частотности термин «digital resources» обходит «electronic resources» и по состоянию на 2019 г. уверенно доминирует (см. рис. 1). Это расходится с картиной, зафиксированной в 2014 г. крупным специалистом в сфере исторической информатики И.М. Гарсковой (Гарскова, 2014). В Рунете же ситуация почти не изменилась: термин «электронные ресурсы» сохраняет лидерство (см. рис. 2).

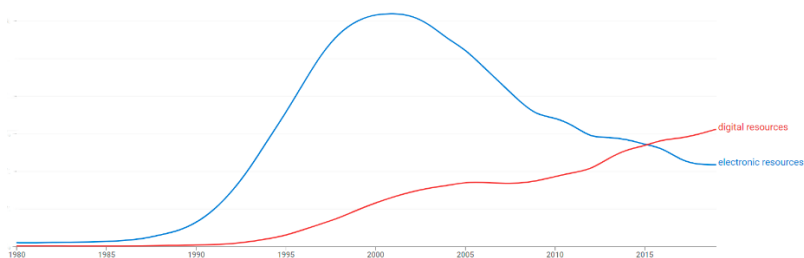

Рис. 1. Динамика частоты встречаемости терминов «digital resources» и «electronic resources» (публикации на английском языке)

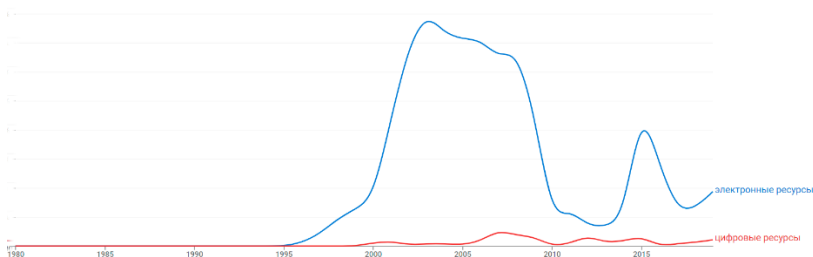

Рис. 2. Динамика частоты встречаемости терминов «цифровые ресурсы» и «электронные ресурсы» (публикации на русском языке)

Формирование электронных собраний и научно-справочного аппарата (далее НСА) в архивах и библиотеках началось в 1980-х гг. с разработкой персональных компьютеров, что выразилось в мультимедийных изданиях на CD-ROM. В начале 1990-х гг. формируется общемировая сеть, открывшая лёгкий доступ к сетевым ресурсам, тогда же появляются первые информационные ресурсы. На рубеж XX-XXI вв. приходится бурный скачок числа и масштабов профессиональных исторических электронных ресурсов, что отражало общемировой тренд. В мире (и в России) началась активная фаза перевода историко-культурного наследия, НСА, каталогов в электронную форму, а также оцифровка наиболее значимых единиц хранения и создание доступной среды в Интернете. Цифровые ресурсы делят на два типа: ресурсы общего назначения и тематические научно-образовательные ресурсы (Гарскова, 2018, с. 108-109; Юмашева, 2018, с. 2).

К первому типу относятся электронные библиотеки, электронные архивы, цифровые музеи, фото- и киноархивы. В серии статей Ю.Ю. Юмашева продемонстрировала их богатство и разнообразие (см.: Юмашева, 2018; 2019б). Многие страны выделяют крупные

средства на цифровизацию архивов¹ с целью сделать их доступными для всех. Создаются НСА, позволяющие вести поиск хронологический, по ключевым словам, по персоналиям и др. Но здесь ещё предстоит множество работы. Например, не все описи переведены в электронный вид (только наиболее востребованные), иногда описи лишь отсканированы и доступны только в *JPG* или *PDF* (База данных..., web). Это может показаться большим недостатком, но, наверное, не для провинциалов. Вспоминаются аспирантские годы, когда в Российском государственном военно-историческом архиве требовалось сначала получить опись, и только после ознакомления с ней сделать заказ. На получение дела на руки уходила почти неделя. Теперь описи многих фондов доступны онлайн, хотя для работы с делами нужно ехать в Москву. И здесь парадокс: многие дела оцифрованы, их выдают в читальный зал, где... их можно фотографировать с экрана компьютера. На самом деле и это большой шаг вперёд в сравнении с прежним ограничением в пять дел или возможностью работать в читальном зале только с карандашом и листом бумаги. Вопрос во времени и средствах...

В ряде архивов часть документов (наиболее востребованных среди посетителей) доступна удалённо после регистрации на сайте или даже без неё. Большим подспорьем исследователю стала возможность заказа дел через электронную почту. Историкам могут быть полезны виртуальные выставки в архивах или музеях, подготовленные к памятным датам и содержащие редкие документы и фотографии (Электронные описи..., web; Электронные путеводители..., web; Dublin..., web). Альтернативой являются платные услуги. Например, электронный архив *Irish Newspaper Archives* широко представлен основными ирландскими газетами XVIII-XXI вв. (Irish..., web).

Архивное дело развивается, ведётся подготовка по созданию к концу 2023 г. единой платформы архивов России, которая агрегирует множество существующих сайтов региональных и муниципальных архивов в один портал. Отметим при этом разработку положений по приёму и хранению электронных документов, или *born digital* исторических источников (Радченко, 2018, web). Ведение электронного документооборота и электронные запросы существенно повысили эффективность диалога архива и граждан (Проценко, 2021, web). Растёт посещаемость сайтов архивов. Из графика на рис. 3 виден поступательный рост посещаемости сайтов «Росархив» и «Архивы России». Всплески связаны с юбилейными датами (2010, 2015, 2017 гг.).

¹ Например, на цифровизацию фондов только Национального архива Ирландии выделено 22 млн евро (Virtual Meeting..., web).

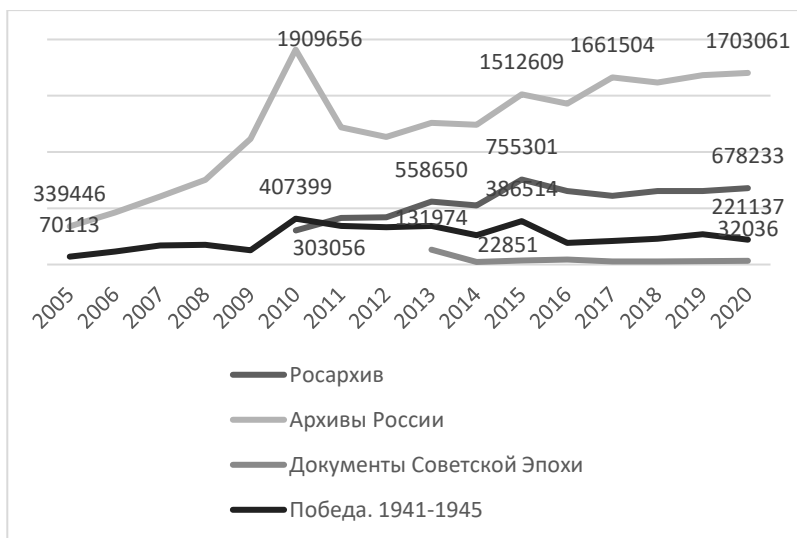

Рис. 3. Динамика роста посещаемости сайтов «Росархив» и «Архивы России» (Статистика..., web)

Отметим, что, согласно исследованию Е.В. Бобровой, большую часть посетителей систем архивов составляют архивисты или пользователи, занимающиеся изучением генеалогии. В то время как профессиональные историки составляют лишь 6 % (!) посетителей и работают с ресурсами не чаще раза в неделю. Примечателен тот факт, что больше всего пользователи работают с порталами региональных архивов (Боброва, 2022, web). На наш взгляд, описанная ситуация является типичной для современного общества, которое живёт в период цифровой трансформации, способствующей демократизации и доступности культурного наследия. Данная тенденция неминуемо ведёт к расширению аудитории и популяризации истории. Например, в Европе всё большее число пользователей ведёт блоги, живые журналы, в которых обращается к региональной и даже мировой истории. По качеству материала они нередко соответствуют традиции исторической науки. Таким образом, получает развитие новое направление – публичная история.

Исследователи критикуют цифровизацию источников за частую потерю ряда источниковедческих характеристик (невозможность внешней критики, отсутствие шифров хранения и др.) (Саломатина, 2019, с. 110-111; Юмашева, 2019а, с. 127-128). Это справедливые замечания, к которым оцифровщики стараются прислушиваться и создавать метаданные к электронным копиям.

В цифровизации классических библиотек для исследователя, на наш взгляд, наибольшую ценность представляют создание удобных поисковых систем в электронных каталогах, перевод части фонда в цифровой формат и подписные электронные ресурсы (оте-

чественные и особенно зарубежные). Большой набор подписных электронных ресурсов, значимых для историка, предлагают, например, Государственная публичная историческая библиотека и Российская государственная библиотека. На таких ресурсах можно не только познакомиться с периодикой и самыми современными разработками в отдельных направлениях, но и с диссертациями.

Существуют также платные и открытые библиотечные электронные ресурсы. К открытым можно отнести *The Internet Archive* (The Internet Archive, web). На октябрь 2023 г. он содержит 41 млн книг и текстов, 14,7 млн аудиозаписей, 8,4 млн видео и 4,4 млн изображений. Среди российских хотелось бы выделить Президентскую библиотеку им. Б.Н. Ельцина (Президентская..., web).

Второй тип – тематические научно-образовательные ресурсы – весьма разнообразен. Это и исторические информационные системы, создаваемые для хранения, организации исторической информации и обеспечивающие доступ к ней и её анализ в соответствии с исследовательскими или образовательными задачами. По назначению они могут подразделяться на геоинформационные, библиографические, просопографические, историографические и т. д. Выделяют два подхода к их созданию: источник-ориентированный и проблемно-ориентированный (М. Таллер и П. Доорн), на основе которых может быть построен смешанный подход, объединяющий достоинства первых двух типов (Гагарина, Кириянов, Корниенко, 2011, с. 35).

Назовём, например, «Парламентскую историю России начала XX века», «Этнические воинские формирования в Первой мировой и Гражданской войнах», «Пермскую губернскую периодику: 1914-1922» (Гагарина, Кириянов, Корниенко, 2011; Пермская..., 2014, web; Этнические..., 2013, web).

Часто новые цифровые ресурсы появляются в канун или в ходе юбилейных торжеств, когда их материал особенно актуален запросам общества и исследователей. Примерами могут служить столетие Первой мировой войны. Так, в *Ireland's Memorial Records* (Ireland's Memorial Records, web) собрана база данных о 49 тыс. ирландцев, погибших во Фландрии. Поиск возможен по имени, месту рождения, званию, воинской части, дате смерти и месту погребения. Интересный, содержащий широкий спектр источников и материала ресурс – электронная энциклопедия *1914-1918 Online* (1914-1918 Online..., web). Масштабные мероприятия по созданию цифровых ресурсов проходят в Ирландии в связи с памятными мероприятиями в честь значимых периодов истории страны в 1912-1922 гг. (Bureau..., web; Dublin..., web; Virtual Meeting..., web).

Акценты на те или иные события, представленные источники в рамках цифровизации интересны для исследований в рамках *Memory Studies*, изучающих историческую политику и политику памяти (Сафронова, 2020, с. 196-204).

Некоторые ресурсы включают электронные коллекции текстов. Так, для исследователей Ирландии (историков, филологов, культурологов) ценным является действующий с 1997 г. ресурс *CELT, the Corpus of Electronic Texts*, содержащий тексты в расширении *XML* по ирландской литературе и истории (*CELT, web*). Исследователям почти не требуется дополнительная подготовка источников для использования сервисов анализа текста (например, контент-анализа в *Atlas.ti*).

Отметим ресурсы, которые создаются силами отдельных граждан, публикующих документы семейных архивов. Например, архив генерала Хрулёва будет интересен как в научных, так и в образовательных целях (*Записки..., web*).

К дополнительному типу отнесём форумы, сообщества и группы в соцсетях, любительские сайты и т. п. Они более открыты, чем большинство академических сообществ. Это гармонично сочетается с миссией открытости *DH* под «большим шатром», в который принимаются не только профессиональные гуманитарии со степенью и штатным местом на кафедре в университете или НИИ, но и увлечённые *DH* энтузиасты. На просторах форумов, в рамках сообществ исследователи могут обмениваться идеями, делиться источниками и находить новые. Сам данный тип представляет научный интерес как объект исследования.

На форумах по ирландской истории (как общей, так и локальной) встречается много интересных фотографий начала XX в., полезных ссылок на литературу, оригинальных идей. Случайно на одном из них была обнаружена подборка газет *The Irish Volunteer* за 1914-1916 гг. в формате *PDF*. Однако ключевое слово здесь «случайно». При трудностях с физическим присутствием исследователя в библиотеках или архивах роль Интернета в научном поиске высока. Систематический поиск по данному типу ресурсов, как показывает практика, может быть весьма полезен в случае наличия времени и недостаточности источников, предоставляемых посредством ресурсов первых двух типов.

Не вызывает сомнений, что наиболее посещаемыми являются общие ресурсы, предлагающие большой спектр тем, выставок, материалов, обзора и ссылок на другие платформы. К ним чаще обращаются обучающиеся и обычные пользователи. Исследователи будут работать и со специализированными ресурсами. Вероятно, данное соображение может объяснить заметное снижение интереса к сайтам «Документы советской эпохи» и «Победа. 1941-1945» (см. рис. 3).

Благодаря междисциплинарности *DH* релевантными (цифровой) истории могут быть инструменты из других дисциплин. Например, Национальный корпус русского языка (*НКРЯ, web*). Он имеет несколько корпусов (газетный, параллельный, основной, исторический, мультимедийный и др.), которые могут быть полез-

ны не только филологам и лингвистам, но также журналистам, историкам и юристам.

Как справедливо отмечает И.М. Гарскова, цифровые ресурсы оказывают гуманитариям методическую, программную, технологическую поддержку в режиме онлайн. Это может быть визуализация, контент-анализ, виртуальная реконструкция, усиливающие аналитическую составляющую исследований (Гарскова, 2018, с. 110).

Важно напомнить, что цифровые ресурсы – это не только онлайн сервисы. Большую роль играют электронные ресурсы, создаваемые для локальных сетей или записанные на цифровые носители информации. Они особенно востребованы на режимных объектах. Большое распространение получают электронные образовательные ресурсы. Наиболее важными их преимуществами являются доступность, наглядность и интерактивность, а также индивидуализация обучения и возможность создания новых образовательных траекторий (Дуров, 2021, с.86).

Значимым является вопрос о том, как методологически повлияли цифровые ресурсы на историческую науку. Профессор Кёльнского университета М. Таллер не считает взаимосвязанными процессы роста обилия цифрового материала и повышения уровня аналитического инструментария (Таллер, 2012, с. 7). О том, что методологические основы исторического исследования существенным образом не изменились под влиянием цифрового поворота, говорят в своих исследованиях Ю.Ю. Юшкова и С.А. Саломатина (Саломатина, 2019 с. 111; Юмашева, 2019а, с. 130-133). Однако явным преимуществом *DH* для исследователя является общетехнологический метод, который позволяет вскрыть латентную информацию, содержащуюся в источнике. Здесь отметим потенциал анализа текста, статистических методов, геоинформационных систем в историческом исследовании. Требования к открытым данным *FAIR*: «находимость», доступность, функциональная совместимость и возможность повторного использования (Антопольский, Бонч-Осмоловская, Бородкин и др., 2023, с. 245) – должны разрешить ряд сложностей, указанных выше.

Итак, цифровые ресурсы – это неотъемлемая часть современного мира. Электронный документооборот создаёт новые виды источников и подходы к их исследованию. Оцифровка аналоговых документов, их размещение электронными ресурсами демократизируют гуманитарные науки, способствуют переносу исследовательских центров из столиц в другие города и страны. Качественно разработанный НСА позволяет выстраивать индивидуальные поисковые запросы. Знания и обмен ими открываются широкому кругу пользователей.

Историкам становится доступна верификация (пример которой приведён в статье). Междисциплинарность расширяет исследова-

тельный инструментарий и предметную область, даёт возможность получения нового знания с опорой на имеющиеся источники.

Цифровые ресурсы способствовали преобразованию самой науки. Например, в исторической науке информационные ресурсы, созданные одной группой учёных, приводят к появлению целой серии публикаций, построенных на анализе материалов данного продукта *DH*. Аналогичная ситуация наблюдается и в других направлениях (лингвистические исследования на основе корпусов, социологические работы на основе открытых результатов переписи и т. д.).

Одной из особенностей электронных ресурсов является срочность, то есть их жизненный цикл может быть ограничен грантовым финансированием, по прекращении которого доступ к ресурсам прекращается или проект перестаёт развиваться. Информация, содержащаяся на подобных цифровых ресурсах, может быть утрачена или перестанет быть доступна другим исследователям, так как хранится локально. Эта проблема беспокоит многих исследователей (Grant et al., 2020), но пока она по объективным причинам не может быть изменена.

Некоторые источники являются ещё не машиночитаемыми и требуют дополнительных усилий от гуманитариев – например, для текстового анализа. Обозначенный недостаток относится в основном к ранним этапам оцифровки и создания цифровых ресурсов.

Приведённые аргументы доказывают рост аналитической составляющей гуманитарных наук в целом и исторической науки в частности с применением цифровых ресурсов. Исследования, построенные на традиционных методах и возможностях *DH*, несут большой эвристический потенциал. Не вызывает сомнения, что с ростом объёма информации, который наблюдается сегодня, инструменты *DH* для работы с *Big Data* станут неотъемлемой частью жизни учёного-гуманитария. Возможно, что отмеченная тенденция приведёт к исчезновению самого понятия *DH*, так как без использования цифровых методов не будет обходиться ни одно исследование в гуманитарных науках, а следовательно, выделение *digital humanities* в самостоятельное междисциплинарное исследовательское направление перестанет быть релевантным. Таким образом, будущее науки без цифровых ресурсов представить себе сложно.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Антопольский, Бонч-Осмоловская, Бородкин и др., 2023 – Антопольский А.Б., Бонч-Осмоловская А.А., Бородкин Л.И. [и др.]. Цифровые гуманитарные исследования. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 272 с.

База данных..., web – База данных электронных описей архива // Российский государственный военно-исторический архив. URL: <http://rgvia.pf/nsa/perechen-fondov.shtml> (дата обращения: 16.10.2023).

Боброва, 2022, web – Боброва Е.В. Архивные информационные ресурсы: результаты опроса пользователей // Отечественные архивы. 2022. № 4. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyy-arhiv/7854/bobrova-arhivnye-informacionnye-resursy-rezultaty-oprosa-polzovateley> (дата обращения: 29.10.2023).

Володин, 2014 – Володин А.Ю. Digital Humanities (Цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 3 (26). С. 5-12.

Гагарина, Кириянов, Корниенко, 2011 – Гагарина Д.А., Кириянов И.К., Корниенко С.И. Историко-ориентированные информационные системы: опыт реализации «пермских» проектов // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 2 (16). С. 35-39.

Гарскова, 2014 – Гарскова И.М. Информационное обеспечение гуманитарных исследований в цифровую эпоху: модели формирования и развития // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 3 (26). С. 76-88.

Гарскова, 2018 – Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

Дуров, 2021 – Дуров В.И. Особенности преподавания истории в условиях цифровизации образования // Цифровые трансформации в образовании (E-Digital Siberia'2021): материалы V Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 21-22 апреля 2021 г.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2021. С. 85-91.

Записки..., web – Записки интенданта. Рукопись мемуаров Андрея Васильевича Хрулёва // Генерал армии Андрей Васильевич Хрулёв: Официальный сайт семьи. URL: <https://general-khrulev.com/notes-intendant/> (дата обращения: 29.10.2023).

Можаяева, 2015 – Можаяева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика: сб. статей. 2015. Вып. 9. С. 8-23.

НКРЯ, web – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 29.10.2023).

Пермская..., 2014, web – Пермская губернская периодика: 1914-1922. 2014. URL: <http://permnewspapers.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

Президентская..., web – Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <http://prlib.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

Проценко, 2021, web – Проценко Л. Анастасия Ракова: Благодаря цифровизации Главархив Москвы выполняет в день по 1200 запросов москвичей // Российская газета – Столичный выпуск. № 49. 10.03.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/10/reg-cfo/anastasiia-rakova-glavarhiv-moskvy-vypolniaet-v-den-po-1200-zaprosov.html> (дата обращения: 10.10.2023).

Радченко, 2018, web – Радченко А.В. Архивы в цифровую эпоху: ближе к людям, организациям и Интернету // Отечественные архивы. 2018. № 6. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/5083/radchenko-arhivy-v-cifrovuyu-epohu-blizhe-k-lyudyam-organizaciyam-i-internetu> (дата обращения: 10.10.2023).

Саломатина, 2019 – Саломатина С.А. Историк в современной информационной среде и «единство непохожих» // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 108-114. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.30739>

Сафронова, 2020 – Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.

Статистика..., web – Статистика посещаемости информационных ресурсов Росархива // Федеральное архивное агентство. URL: <https://archives.gov.ru/statistican.shtml> (дата обращения: 12.07.2021).

Таллер, 2012 – Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5-13.

Террас и др. (ред.), 2017 – Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / Ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 352 с.

Электронные описи..., web – Электронные описи // Российский государственный военный архив. URL: <http://opisi.rgvarchive.ru/> (дата обращения: 17.10.2023).

Электронные путеводители..., web – Электронные путеводители и описи // Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://statearchive.ru/383> (дата обращения: 17.10.2023).

Этнические..., 2013, web – Этнические воинские формирования в Первой мировой и Гражданской войнах. 2013. URL: <http://ethniconunit.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

Юмашева, 2018 – Юмашева Ю.Ю. Документные ресурсы архивов, библиотек и музеев в сети Интернет // Историческая информатика. 2018. № 1. С. 1-13. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2018.1.25513>

Юмашева, 2019а – Юмашева Ю.Ю. Влияние информационного общества на методологию исторических исследований // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 124-149. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.30679>

Юмашева, 2019б – Юмашева Ю.Ю. Обзор фотоколлекций национальных архивов, библиотек, музеев, представленных в сети Интернет // Историческая информатика. 2019. № 1. С. 47-117. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.1.29100>

Bureau..., web – Bureau of military history // Military Archives. URL: <https://www.militaryarchives.ie/collections/online-collections/bureau-of-military-history-1913-1921> (дата обращения: 17.10.2023).

CELT, web – CELT, the Corpus of Electronic Texts. URL: <https://celt.ucc.ie/> (дата обращения: 17.10.2023).

Dublin..., web – Dublin metropolitan police movement of extremists files, 1915-1916 // Decade of Centenaries. National Archives. URL: <https://www.nationalarchives.ie/article/chief-secretarys-office-crime-branch->

dublin-metropolitan-police-dmp-movement-extremists-29-may-1915-20-april-1916/ (дата обращения: 17.10.2023).

Grant et al., 2020 – Grant K., Dombrowski Q., Ranaweera K., Rodriguez-Arenas O., Sinclair S., Rockwell G. Absorbing DiRT: tool directories in the digital age // *Digital Studies / le Champ Numérique*. 2020. No. 10 (1). <https://doi.org/http://doi.org/10.16995/dscn.325>

The Internet Archive, web – The Internet Archive. URL: archive.org (дата обращения: 17.10.2023).

Ireland's Memorial Records, web – Ireland's Memorial Records. URL: <http://imr.inflandersfields.be/search.html> (дата обращения: 17.10.2023).

Irish..., web – Irish Newspaper Archives. URL: <https://www.irishnewsarchive.com/> (дата обращения: 17.10.2023).

Holloway, 2020 – Holloway St. W. Big Data, Big Deal: use of Google Books Ngram Viewer and JSTOR Data for research for charting the rise of Assyriology // A. Garcia-Ventura, L. Verderame (Eds.). *Perspectives on the History of Ancient Near Eastern Studies*. Penn State University Press, 2020. Pp. 299-325. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1hcg0d9.20>

Madsen, Slåtten, 2022 – Madsen D.Ø., Slåtten K. The possibilities and limitations of using Google Books Ngram Viewer // *Research on Management Fashions. Societies*. 2022. No. 12 (171). <https://doi.org/10.3390/soc12060171>

Sampsel, 2021 – Sampsel L. J. Teaching the Google Books Ngram Viewer and JSTOR Text Analyzer // *The Graduate Music Bibliography Course: Benefits, Issues, and Challenges. Notes*. 2021. Vol. 77. No. 4. Pp. 539-560. <https://doi.org/10.1353/not.2021.0035>

Virtual Meeting..., web – Virtual Meeting of the Expert Advisory Group on Centenary Commemorations, 3/11/2020 // *Decade of Centenaries*. URL: <https://www.decadeofcentenaries.com/wp-content/uploads/2021/04/03-11-2020-EAG-Minutes.pdf> (дата обращения: 17.10.2023).

1914-1918 Online..., web – 1914-1918 Online. *International Encyclopedia of the First World War*. URL: <http://www.1914-1918-online.net/> (дата обращения: 17.10.2023).

References

Antopolskiy, A. B., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Borodkin, L. I. et al. (2023). *Digital Humanities Research*. Siberian Federal University Publ. (In Russian)

Bobrova, E. V. (2022). Archival information resources: results of a user survey. *Domestic Archives*, 4. Retrieved October 29, 2023, from <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/7854/bobrova-arhivnye-informacionnye-resursy-rezultaty-oprosa-polzovateley> (In Russian)

Bureau of military history. *Military Archives*. Retrieved October 17, 2023, from <https://www.militaryarchives.ie/collections/online-collections/bureau-of-military-history-1913-1921>

CELT, the Corpus of Electronic Texts. Retrieved October 17, 2023, from <https://celt.ucc.ie/>

Database of electronic archive inventories. *Russian State Military Historical Archive*. Retrieved October 16, 2023, from <http://prgvia.pf/rsa/perechen-fondov.shtml>

Dublin metropolitan police movement of extremists files, 1915-1916. *Decade of Centenaries. National Archives*. Retrieved October 17, 2023, from

<https://www.nationalarchives.ie/article/chief-secretarys-office-crime-branch-dublin-metropolitan-police-dmp-movement-extremists-29-may-1915-20-april-1916/>

Durov, V. I. (2021). Features of teaching history in the context of digitalization of education. In *Digital Transformations in Education (E-Digital Siberia'2021): Materials of the V International Scientific Practical Conference* (pp. 85-91). (In Russian)

Electronic guides and inventories. *State Archives of the Russian Federation*. Retrieved October 17, 2023, from <https://statearchive.ru/383> (In Russian)

Electronic inventories. *Russian State Military Archive*. Retrieved October 17, 2023, from <http://opisi.rgvarchive.ru/> (In Russian)

Ethnic Military Formations in the First World War and the Civil War. Retrieved October 15, 2023, from <http://ethnucunit.ru/> (In Russian)

Gagarina, D. A., Kiryanov, I. K., Kornienko S. I. (2011). Historically oriented information systems: experience in implementing «Perm» projects. *Perm University Bulletin. History*, 2 (16), 35-39. (In Russian)

Garskova, I. M. (2014). Information support of the humanities research in digital era: models of formation and development. *Perm University Bulletin. History*, 3 (26), 76-88. (In Russian)

Garskova, I. M. (2018). *Historical Information Science. Evolution of Interdisciplinary Field of Research*. Aleteiya Publ. (In Russian)

Grant, K., Dombrowski, Q., Ranaweera, K., Rodriguez-Arenas, O., Sinclair, S., Rockwell, G. (2020). Absorbing DiRT: tool directories in the digital age. *Digital Studies / le Champ Numérique*, 10 (1). <http://doi.org/10.16995/dscn.325>

Holloway, St. W. (2020). Big Data, Big Deal: use of Google Books Ngram Viewer and JSTOR Data for research for charting the rise of Assyriology. In A. Garcia-Ventura & L. Verderame (Eds.) *Perspectives on the History of Ancient Near Eastern Studies* (pp. 299–325). Penn State University Press. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1hcg0d9.20>

Ireland's Memorial Records. Retrieved October 17, 2023, from <http://imr.inflandersfields.be/search.html>

Irish Newspaper Archives. Retrieved October 17, 2023, from <https://www.irishnewsarchive.com/>

Madsen, D. Ø., Slåtten, K. (2022). The possibilities and limitations of using Google Books Ngram Viewer. *Research on Management Fashions. Societies*, 12, 171. <https://doi.org/10.3390/soc12060171>

Mozhaeva, G. V. (2015). Digital Humanities: digital turn in the humanities. *Humanitarian Informatics*, 9. 8-23. (In Russian)

National Corpus of the Russian Language. Retrieved October 29, 2023, from <https://ruscorpora.ru/new> (In Russian)

Perm provincial periodicals: 1914-1922. 2014. Retrieved October 15, 2023, from <http://permnewspapers.ru> (In Russian)

Presidential Library named after B.N. Yeltsin. Retrieved October 15, 2023, from <http://prlib.ru> (In Russian)

Prozenko, L. (2021). Anastasia Rakova: Thanks to digitalization, the Moscow Main Archive fulfills 1,200 requests from Muscovites per day. *Russian Newspaper – Capital Issue*, 49, 10.03.2021. Retrieved October 10, 2023, from <https://rg.ru/2021/03/10/reg-cfo/anastasiia-rakova-glavarhiv-moskvy-vypolniaet-v-den-po-1200-zaprosov.html> (In Russian)

Quartermaster's notes. Manuscript of Andrei Vasilyevich Khrulev's memoirs. *Army General Andrei Vasilyevich Khrulev: Official Website of the*

Family. Retrieved October 29, 2023, from <https://general-khrulev.com/notes-intendant> (In Russian)

Radchenko, A. V. (2018). Archives in the digital age: closer to people, organizations and the Internet. *Domestic Archives*, 6. Retrieved October 10, 2023, from <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyeh-arhivy/5083/radchenko-arhivy-v-cifrovuyu-epohu-blizhe-k-lyudyam-organizaciyam-i-internetu> (In Russian)

Safronova, Yu. A. (2020). *Historical Memory: Introduction*. Publ. house of the European University of Saint Petersburg. (In Russian)

Salamatina, S. A. (2019). A Historian in Modern Information Environment and “the unity of the different”. *Historical Information Science*, 3. 108-114. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.30739> (In Russian)

Sampsel, L. J. (2021). Teaching the Google Books Ngram Viewer and JSTOR Text Analyzer. *The Graduate Music Bibliography Course: Benefits, Issues, and Challenges*. Notes, 77, 4, 539-560. Project MUSE, <https://doi.org/10.1353/not.2021.0035>

Statistics of attendance of information resources of Rosarkhive. *Federal Archive Agency*. Retrieved July 12, 2021, from URL: <https://archives.gov.ru/statistican.shtml> (In Russian)

Taller, M. (2012). Discussions around Digital Humanities. *Historical Information Science. Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education*, 1. 5-13. (In Russian)

Terras, M., Nyhan, J., Vanhoutte, E. and Inna Kizhner. (2017). *Defining Digital Humanities: A Reader*. Siberian Federal University Publ. (In Russian)

The Internet Archive. Retrieved October 17, 2023, from archive.org

Virtual meeting of the expert advisory group on Centenary Commemorations (2020). November 3. *Decade of Centenaries*. Retrieved October 17, 2023, from <https://www.decadeofcentenaries.com/wp-content/uploads/2021/04/03-11-2020-EAG-Minutes.pdf>

Volodin, A. Y. (2014). Digital Humanities in search of self-defining. *Perm University Bulletin. History*, 3 (26), 5-12. (In Russian)

Yumasheva, Yu. Yu. (2018). Document resources of archives, libraries and museums on the Internet. *Historical Information Science*, 1, 1-13. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2018.1.25513> (In Russian)

Yumasheva, Yu. Yu. (2019). Review of photo collections of national archives, libraries, museums presented on the Internet. *Historical Information Science*, 1, 47-117. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.1.29100> (In Russian)

Yumasheva, Yu. Yu. (2019). The influence of information society on historical research methodology. *Historical Information Science*, 2019, 3, 124-149. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.30679> (In Russian)

1914-1918 Online. *International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved October 17, 2023, from <http://www.1914-1918-online.net/>

УДК 167.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32

ОБРАЗЫ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru; ORCID: 0000-0002-9390-9701

В статье предпринимается попытка реконструировать некоторые особенности формирования образа науки в современном обществе. При этом современное общество (вслед за немецким социологом Нико Штером) понимается в первую очередь как общество знания (knowledge society). Основной тезис статьи состоит в том, что образ науки формируется в рамках социологических и социально-эпистемологических исследований науки и лишь затем воспринимается обществом как общезначимый. Специфика этого образа определяет основные черты общества знания, где политическая легитимность основывается на экспертизе, социальные конфликты зависят от борьбы за право определения общечеловеческих нужд, обладание знанием становится фактором неравенства, а человек рассматривается как носитель ответственности за социальные риски принимаемых им решений. Благополучие в обществе знания связывается с развитием науки, однако отношение к научному знанию становится всё более противоречивым. Размыванию его авторитета, по мнению автора, способствовали в том числе философские исследования науки. Отказ от классического образа научной рациональности – в частности, от кумулятивной модели накопления знания, критика экспертизы как формы присвоения политической власти, разоблачение научного консенсуса как «сфабрикованного согласия» способствуют укреплению недоверия науке. В заключение ставится вопрос о необходимости изменения вектора эпистемологических исследований науки в связи с этими тенденциями в отношении к научному знанию.

Ключевые слова: наука, общество знания, экспертиза, общество, дениализм

Цитирование: Тухватулина Л.А. Образы науки в обществе знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 21-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32

Рукопись получена: 23 ноября 2023

Пересмотрена: 13 декабря 2023

Принята: 14 декабря 2023

IMAGES OF SCIENCE IN THE KNOWLEDGE SOCIETY

Liana A. Tukhvatulina – PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1, Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru; ORCID: 0000-0002-9390-9701

The author tries to reconstruct some features of the formation of the image of science in modern society. The modern society (following the German sociologist Nico Stehr) is understood primarily as a knowledge society. The main thesis of the article is that the image of science emerges within the framework of sociological and socio-epistemological studies of science and only then is perceived by society as generally significant. The specificity of this image determines the main features of a knowledge society, where political legitimacy bases on expertise, social conflicts result from the struggle for the right to determine universal human needs, the possession of knowledge becomes a factor of inequality, and a person is considered as a bearer of responsibility for the societal risks of the decisions he or she makes. Well-being in a knowledge society is associated with the development of science, but attitudes towards scientific knowledge are becoming increasingly contradictory. The author believes that the erosion of authority of science has also been facilitated by philosophical studies of science. Refusal of the classical image of scientific rationality, criticism of expertise as a form of appropriation of political power, and exposure of scientific consensus as a “fabricated consensus” contribute to the strengthening of distrust in science. In conclusion, the author raises the question about the need to change the direction of epistemological research of science in the context of negative trends in relation to scientific knowledge.

Keywords: science, knowledge society, expertise, society, denialism

How to cite: Tukhvatulina, L.A. (2023). Images of science in the knowledge society. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 21-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-21-32 (In Russian)

Received: 23 November 2023

Revised: 13 December 2023

Accepted: 14 December 2023

Современное общество в работах исследователей обозначается как «общество риска», «общество потребления», «информационное общество», «цифровое общество», «постиндустриальное общество» и т. д. Несмотря на различия подходов к объяснению его специфики, пожалуй, можно утверждать, что их всех объединяет признание решающей роли знания в организации этого общества. Знание рассматривается как ключевой фактор экономического ро-

ста и становится важнейшим ресурсом политической легитимности. Отношение к тому или иному типу знания оказывается основанием для самоидентификации человека. С обладанием знанием связываются надежды на построение более справедливого и благополучного мира. При этом оно же является источником новых рисков и угроз. Несмотря на то, что сетевая структура современного общества предполагает множественность форм знания, невозможно отрицать то, что научное знание в нём занимает совершенно особое место. При этом представления об устройстве научного познания и об общественной миссии науки сегодня в значительной степени определяются теми образами науки, которые появляются в рамках исследований по социальной эпистемологии. Эти исследования в целом ориентированы на анализ процесса производства научного знания и разоблачение определённых мифов, закреплённых в рамках классической модели рациональности в науке. В этой статье я хотела бы дать обобщённую характеристику некоторых трендов в социально-эпистемологических исследованиях науки в той мере, в какой они определяют образ науки в контексте становления общества знания.

В своей книге «Капитализм знания» немецкий социолог Нико Штер – автор концепции общества знания – среди прочих его характеристик выделяет следующие:

- политическая легитимность в обществе знания основывается на экспертизе;
- нарастают ожидания, связанные с тем, что люди возьмут на себя весомую долю ответственности за решения, которые они принимают, а также за последствия и риски этих решений;
- обладание знанием (особенно тем, которое может лечь в основу экспертизы) становится фактором социальной солидарности и социального неравенства;
- наблюдается изменение природы социальных конфликтов – от борьбы за распределение благ и прав собственности к борьбе по поводу определения общечеловеческих нужд (Stehr, 2022, pp. 179-180).

При этом «ключевая особенность общества знания – в том, что наука и технологии одновременно способны инициировать сопротивление и защиту гомогенной трансформации (общества – Л.Т.). Дело в том, что наука и техника обладают серьёзными возможностями, которые способны увеличивать и расширять социальные действия, преумножать количество доступных стратегий, создавать множество центров силы в обществе, повышать гибкость или влиять на способности власть имущих осуществлять контроль и сдерживание, которые ограничивают выбор, сокращать варианты, минимизировать иллюзию уверенности, определять издержки и риски» (Stehr, 2022, p. 180). Глобальная трансформация современного общества требует постановки вопроса о том, может ли знание

(и обладание знанием) определять специфику социальной стратификации, классовую структуру общества, распределение власти (не в смысле формальных полномочий, а как возможности задавать характер принимаемых политических решений), оказывать влияние на изменения в сфере повседневности и частной жизни человека. Утвердительный ответ на этот вопрос осложняется многообразием режимов производства знания, что не позволяет говорить о безусловной монополии науки на знание.

Собственно, монополия науки на привилегированный доступ к действительности «как она есть» размывалась в связи с разрушением классического «мифа» о науке. Основы этого «мифа» связаны с новоевропейским представлением о рациональности как незамутнённом зеркале природы. Этот образ рациональности подразумевал, что поскольку «разум человека и постигаемая разумом природа действуют на основе устойчивых, неизменных принципов, то и отношение между ними тоже предполагается устойчивым и неизменным. В таком случае задача философа заключается в том, чтобы анализировать и объяснять неизменные и универсальные принципы человеческого понимания, согласно которым формировались идеи и которые управляли человеческим мышлением. ... Неизменный разум господствует над неизменной природой согласно неизменным принципам. Реальным был лишь вопрос: „Каковы эти неизменные принципы?“» (Тулмин, 1984, с. 36). Изрядное влияние на разрушение этого образа оказало развитие социологических исследований науки, а также социальной эпистемологии. В рамках этой повестки произошёл радикальный разрыв с идеей объективности как эпистемической незамутнённости научного метода, знание предстало в виде конструкта, будучи неразрывно связанным с социально-историческим, политическим, институциональным контекстом (Аргмакова, 2022). Социальная оптика определила отказ от представления о кумулятивном характере развития научного знания и научном прогрессе (Соколова, 2023), о поступательном движении от незнания к знанию, о планомерном научно-техническом овладении миром и постепенном вытеснении иных форм рациональности. Неокантианский тезис о свободе от оценки как принципе научного познания был поколеблен дискуссией о невозможности существования науки, свободной от ценностей, не связанных напрямую с поиском истины (*value-free science*). Позитивистские поиски «чистого» метода – от естественных наук до социально-гуманитарных дисциплин – сменились дискуссией о теоретической нагруженности познания, о концептуальных рамках, которые определяют условия видимости, объяснимости и подконтрольности исследуемых феноменов. Кажется, эпистемологи сегодня сходятся во мнении, что «когда конкурирующие практические и эпистемические ценности становятся предметом дискуссий между учёными, или же между учёными и обывателями, рацио-

нальность в науке работает лучше, если эти нормативные различия становятся видимыми, и если признаётся то обстоятельство, что, будучи познающими субъектами, мы всегда связаны обязательствами относительно того, что мы считаем ценным, как мы получаем знание и во что верим» (Doppelt, 2007, p. 214).

Социальные предпосылки познания занимают центральное место и в нормативных подходах современной эпистемологии – например, в эпистемологии добродетелей, которая развивалась в том числе как ответ на теоретические вызовы постпозитивизма, пошатнувшего веру в авторитет и нормативную функцию классической эпистемологии. Так, с позиции эпистемического ситуационизма Д. Притчард показывает, что формирование убеждений и приобретение знаний решающим образом определяется влиянием среды на субъекта. С точки зрения качества приобретаемого знания удачное расположение субъекта в информационном пространстве позволяет ему минимизировать личные усилия (применение интеллектуальных добродетелей) в процессе познания. Неудачное расположение (например, попадание в такой информационный пузырь, где распространяются антинаучные убеждения или же дезинформация), наоборот, потребует экстраординарных усилий, едва ли не когнитивного героизма, которого невозможно ожидать от каждого – пусть даже и ответственного – субъекта. Подобный взгляд на специфику познания смещает фокус внимания с познающего субъекта на среду, в которой он пребывает. Одним из следствий такого сдвига становится дискуссия о допустимости технологических интервенций, которые позволили бы ограничивать распространение ложной информации или же способствовали бы потреблению конкретного типа контента. Несмотря на то, что эта дискуссия затрагивает чувствительные морально-политические вопросы (в том числе проблему цензуры), технологии «подталкивания и продвижения» (*nudge and boost*) «правильной» информации уже сейчас находят применение в цифровой реальности. Помимо прочего, ситуационизм по-новому обозначает область эпистемической ответственности: субъект отвечает не столько за убеждения, носителем которых оказывается, сколько за выбор среды, способствующей формированию этих убеждений. Однако поскольку нахождение в той или иной среде вовсе не всегда является результатом осознанного выбора, ответственность размывается и приходится признавать, что формирование убеждений происходит по большей части спонтанно. В этой связи любопытно, что и незнание в современных эпистемологических концепциях всё реже рассматривается как предмет персональной ответственности субъекта – его добровольное невежество (*willful ignorance*), а всё чаще трактуется как следствие эпистемической несправедливости и порождаемых ею искажений в ходе производства и распределения знания (Костина, 2023).

Меняется и облик дискуссии об объективности в познании. В современных теориях часто претензия на объективность и истинность суждений сопровождается легитимным вопросом – «истина, объективность – с чьей перспективы?». Признание историчности, локализованности, телесности субъекта считается не столько препятствием, сколько условием возможности дискуссии об объективности, в рамках которой признаётся «радикальная историческая случайность всех претензий на знание и познающих субъектов», а задачей становится «критическая практика распознавания наших собственных “семиотических технологий” создания значений...» (Hagaway, 1988, p. 579). Отрицание такого образа объективности, а также реактуализация её классического идеала рассматриваются как нелегитимная попытка вытеснить ту или иную «перспективу» из сферы познания, препятствуя тем самым формированию солидарности по принципу «общности перспективы» и возможности коллективного действия.

Исследования науки и техники также не оставляют места для дискуссии об объективности как возможности занять уникальную эпистемическую позицию, обеспечивающую доступ к природе вещей. Наиболее радикальная позиция в этом контексте связана с развитием тезиса о науке как феномене постистины (С. Фуллер). Постистина в данном случае понимается как непрерывная борьба за право определения режима истинности, в которой участвует всякая система знания. Поскольку принципы приписывания суждениям истинности рассматриваются как результат политического (в широком смысле) противостояния, всякая претензия на эпистемическое превосходство объявляется неправомерной. Системы знания не могут быть упорядочены иерархически, они скорее образуют сетевую структуру. Очевидно, что здесь и наука лишается права на признание за ней когнитивного верховенства по отношению ко всем остальным формам познавательной практики. Основания для скепсиса по поводу науки создают в первую очередь исследования по социологии науки и социальной эпистемологии. В этой оптике «наука – то, что образуется, когда опубликована научная статья, а не то, что обеспечило публикацию этой статьи, поскольку реализующийся ход исследований всегда открыт для множества противоборствующих интерпретаций» (Фуллер, 2021, с. 113). Действительно, положение дел в науке, а также состояние научного знания по поводу той или иной проблемы оказываются доступными как профессиональному сообществу, так и более широкому кругу наблюдателей благодаря научным журналам. Именно журналы обеспечивают максимально оперативную коммуникацию как внутри научного сообщества, так и между учёными и внешней аудиторией. Эта функция ключевого посредника налагает на редколлегии дополнительные обязательства, связанные с тем, что повестка научных журналов задаёт и повестку научных дискуссий.

То, какие проблемы, позиции и подходы будут представлены на страницах изданий, во многом определяет и вектор дальнейших исследований в науке. При этом редакционная политика журналов (особенно в социально-гуманитарной сфере) нередко становится фактором несправедливого распределения внимания по отношению к тем или иным подходам и проблемам. Стоит подчеркнуть, что этот эффект неминуемо возникает на «рынке идей» и лишь усиливается благодаря добросовестной работе редколлегий, придерживающихся определённых принципов редакционной политики. При этом чем яснее задана редакционная политика журнала, чем конкретнее определена его повестка, тем плотнее информационный пузырь, который формируется этим журналом. Авторитет журнала, подкрепляемый его наукометрическими показателями, обеспечивает интерес читательской аудитории и воспроизводство предлагаемой повестки на страницах других научных изданий. Подобная механика агрегации и трансляции знания сопряжена с целым рядом случайных факторов, внимание к которым способствует сомнению в объективной значимости предлагаемой повестки.

Столь же условный характер носит и научный консенсус. Поскольку научное знание имеет рефлексивный характер, а динамика его развития описывается как постоянное движение между знанием и незнанием, оформление консенсуса может рассматриваться как результат волевого (а значит, не-неотменимого) решения о приостановке научных споров, а само согласие – как своего рода фикция. По-видимому, эта фикция необходима прежде всего в тех областях научного знания, которые напрямую связаны с экспертизой. Именно экспертное сопровождение политических решений требует от учёного сообщества единодушия в понимании природы и способов решения общественно значимой проблемы, и именно в этой сфере разногласия в сообществе может служить фактором дискредитации экспертных решений. Экспертная деятельность предполагает, что сомнение как имманентная черта научного познания выносится за скобки, то есть остаётся в поле научной дискуссии, но не допускается в сферу экспертизы². Такое условие является обязательным для реализации режима, при котором экспертные решения обретают безотлагательный характер и обеспечиваются силой политического принуждения. Экспертиза, которая нередко реализуется в режиме чрезвычайного положения (как в случае с пандемией коронавируса), предполагает, что за рамки дискуссии выносятся и мера компетентности официальных экспертов, а значит и легитимность экспертизы. При том, что такие категории, как компетентность и экспертиза, призваны служить знаком качества

² Здесь показателен пример пандемии, когда дискуссии о лабораторной утечке как возможном источнике коронавируса табуировались в академическом сообществе в связи с возможными политическими рисками распространения этой информации.

транслируемого знания для обывателя, сами критерии экспертности и компетентности «являются довольно растяжимыми, поскольку их условия определяются силовой динамикой, устанавливающейся между специфическими коалициями заинтересованных сторон» (Фуллер, 2021, с. 113). Однако «коалиции заинтересованных сторон» могут формироваться не только под воздействием внутринаучной борьбы за академическое признание, но и при активном влиянии иных – вненаучных – факторов. Часто решающую роль в кооптации представителей научного сообщества в состав экспертных групп имеет политическая лояльность – причём не в смысле личного одобрения господствующими элитами, а в связи с соответствием транслируемого знания актуальным политическим задачам. Несмотря на то, что сама идея экспертизы предполагает готовность политиков следовать за рекомендациями экспертов, атрибуция звания официального эксперта остаётся прерогативой власти и потому оставляет большие возможности для контроля над экспертизой. В качестве ответа на этот и другие риски, связанные с экспертизой, в современной эпистемологии формулируется требование об изменении критериев участия в экспертизе, о допуске не только профессионалов, но и иных заинтересованных лиц (носителей локального знания) к формированию экспертных решений (Антипов, Шевченко, 2022; Масланов, 2020; Шиповалова, 2021 и др.).

Расширение сферы применения экспертизы и всё нарастающая включённость науки в общественные дискуссии могут интерпретироваться как аргумент в защиту тезиса о поступательной рационализации как глобальной тенденции развития общества. Однако можно говорить и о наличии противоположного тренда, который связан со значительным ростом недоверия учёным, с возрастающей популярностью псевдо- и антинаучных идей, распространением дениализма (как формы отрицания научного консенсуса вне нормативных рамок научной дискуссии). «“Тревожное” сохранение традиционных верований, или даже процесс “дерационализации” в некоторых сферах общества, даёт веские основания усомниться в общем утверждении об универсальной эффективности научного знания и непрестанном и непреодолимом стремлении к большей рационализации всех сфер жизни. Модернизация и рационализация не обязательно совпадают. Таким образом, требуется признание взаимной важности процессов рационализации и контррационализации, а также сохранения традиционных верований. Более сбалансированная точка зрения учитывала бы ограниченность силы научного знания в современном обществе и не допустила бы ошибки чрезмерной приверженности рационализации или традиции» (Stehr, 2022, p. 13). И всё же, несмотря на справедливость тезиса о наблюдаемых симптомах дерационализации, следует отметить, что авторитет науки как привилегированной формы

рациональности не ставится под сомнение даже сторонниками антинаучного протеста (Тухватулина, 2023). В рамках распространяющегося сегодня дениализма противники официальной экспертизы вовсе не стремятся выстроить аргументацию на альтернативных науке мировоззренческих основаниях (как это делают, например, сторонники псевдонауки вроде астрологии). Дениалисты (будь то антипрививочники или отрицатели изменения климата) борются против «плохой» науки, против экспертной предвзятости и политической ангажированности учёных. Основным поводом для противодействия становится укрепление тандема между учёными и политиками, а также активное вторжение экспертизы в частную жизнь обычного человека. В ходе этой экспансии размывается граница между публичным и приватным. Экспертные решения, которые всё чаще подкрепляются силой политического аппарата, требуют от людей серьёзных изменений как в вопросах, касающихся их здоровья и благополучия (например, вакцинация), так и в повседневных привычках (например, отдельный сбор мусора или отказ от личного автомобиля), поскольку прежняя рутина объявляется фактором глобальных рисков. Иными словами, вопросы, которые ранее были предметом личного самоопределения человека, сегодня становятся объектом всеобщего беспокойства и обретают общественно-политическое значение. Нежелание или отказ следовать экспертным рекомендациям в этих областях выступают как повод для морального осуждения человека или даже символического ostracism (ставится вопрос о возможности ограничения в правах тех, чей отказ от признания экспертизы создаёт дополнительные риски для других граждан). Ответной реакцией на такое давление является борьба за право на альтернативное самоопределение, на сопротивление «экспертному децизионизму». Директивный характер экспертной политики вызывает недовольство, которое формулируется как вопрос о том, в чьих интересах действуют эксперты и почему право на несогласие подвергается всё большему ограничению по мере расширения экспертного сопровождения политики. Всё это позволяет говорить о том, что протест против экспертов в современном мире имеет политическое измерение. Причём появление такой формы протеста вполне соответствует образу «общества знания»: если политическая легитимность основывается на обладании знанием, то протест против политических элит предполагает прежде всего сомнение в валидности этого знания. Как отмечает Нико Штер, «выдвинутый здесь тезис не подразумевает, что общества знания становятся едиными социальными и интеллектуальными сущностями. Это позволяет, например, сосуществовать (даже в условиях взаимозависимости) исторически различным формам социальной организации и мысли. Общества знаний не означают конец идеологии или иррациональности» (Stehr, 2022, p. 180).

В этой статье обозначены лишь некоторые особенности трансформации науки, зафиксированные в современных социально-эпистемологических исследованиях. Однако и они позволяют говорить о том, что на смену образу науки, связанному с классическим идеалом рациональности, приходит гораздо более сложная картина научного познания как социально укоренённого процесса. Отказ от идеи о кумулятивном развитии знания, о научном консенсусе как установлении истины, об экспертизе как эффективном способе реорганизации реальности с опорой на научное знание приводят к развенчанию «мифа» о науке. Экспансия научной экспертизы в сферу частного вызывает сопротивление и распространение антинаучных убеждений, что, в свою очередь, создаёт новые вызовы в обществе знаний. Нельзя не отметить, что отношение к науке и учёным в существенной мере определяется их репрезентацией в философских исследованиях по науке и технике. И в этой связи философы сталкиваются с дилеммой, которую им ещё предстоит разрешить: следует ли, придерживаясь принципов интеллектуальной честности, занимать критическую позицию в отношении процесса производства научного знания, или же необходимо сосредоточиться на построении нового, не стеснённого рамками классической рациональности «мифа» о науке? От способа разрешения этой дилеммы во многом зависит динамика отношений между обществом и наукой в условиях их возрастающей взаимозависимости.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Антипов, Шевченко, 2022 – *Антипов А.В., Шевченко С.Ю.* Биэтика и этика концептов вокруг движения за права индивидов // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 4. С. 685-696.

Аргамасова, 2022 – *Аргамасова А.А.* Объективность и метод социальной эпистемологии // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 6-14.

Костина, 2023 – *Костина А.О.* Роль незнания в эпистемических практиках: перспектива эпистемологии добродетелей и феминистской философии и методологии науки // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 43-59.

Масланов, 2020 – *Масланов Е.В.* Коллективный субъект научного познания: мега сайенс, гражданская наука, контрэкспертиза // Философия науки. 2020. № 3 (86). С. 3-14.

Соколова 2023 – Соколова Т.Д. Концептуализация научного прогресса: случай исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 23-34.

Тулмин, 1984 – Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.

Тухватулина, 2023 – Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 6-20.

Фуллер 2021 – Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Шиповалова, 2021 – Шиповалова Л.В. О субъекте «права на природу». Или эксперты-посредники в Новое время и в современности // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 3. С. 132-148.

Doppelt, 2007 – Doppelt G. The value ladenness of scientific knowledge // Value-Free Science? Ideas and Illusions / Eds. H. Kincaid, J. Dupré, A. Wylie. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 188-217.

Haraway, 1988 – Haraway D. Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14. No. 3. Pp. 575-599.

Stehr, 2022 – Stehr N. Knowledge Capitalism. N. Y.; L.: Routledge, 2022. 392 p.

References

Antipov, A. V., Shevchenko, S. Yu. (2022). Bioethics and conceptual ethics in the disability rights movement. *The Journal of Social Policy Studies*, 20 (4), 685-696. (In Russian)

Argamakova, A. A. (2022). Objectivity and method of social epistemology. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4), 6-14. (In Russian)

Doppelt, G. (2007). The value ladenness of scientific knowledge. In H. Kincaid, J. Dupré, A. Wylie (Eds.). *Value-Free Science? Ideas and Illusions* (pp. 188-217). Oxford University Press.

Fuller, S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as Power*. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Haraway, D. (1988). Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*, 14 (3), 575-599.

Kostina, A. O. (2023). Ignorance the in epistemic practices: The standpoints of virtue epistemology and feminist philosophy and methodology of science. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 7 (2), 43-59. (In Russian)

Maslanov, E. V. (2020). The collective subject of scientific knowledge: megascience, citizen science, counter-expertise. *Philosophy of Sciences*, 86 (3), 3-14. (In Russian)

Shipovalova, L.V. (2021). The owner of the right over nature, or expert mediators in the modern era and at present. *Epistemology & Philosophy of Science*, 58 (3), 132-148. (In Russian)

Sokolova, T. D. (2023). Conceptualizing scientific progress. The case of historical epistemology. *Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (2), 23-34. (In Russian)

Stehr, N. (2022). *Knowledge Capitalism*. Routledge.

Toulmin, S. (1984). *Human Understanding*. Progress Publ. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. (2023). Science as an object of faith and distrust: the phenomenon of denialism. *Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (1), 6-20. (In Russian)

КОНЦЕПЦИЯ

УДК 130.2; 316.77

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Деникин Антон Анатольевич – кандидат культурологии, доцент, кафедра звукорежиссуры и музыкального искусства Института кино и телевидения ГИТР. Российская Федерация, 123007, г. Москва, Хорошёвское ш., д. 32а. Кафедра звукорежиссуры Российского института театрального искусства ГИТИС. Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., д. 6; e-mail: oficial@list.ru, ORCID: 0000-0001-8101-7952

В данной статье с опорой на идеи транс-, пост- и нечеловеческой философии предпринята попытка рассмотрения отчасти оформившегося дискурсивного поля постчеловеческой коммуникативистики – сферы исследований постчеловеческих коммуникаций, их возможностей, закономерностей функционирования и развития. В статье анализируется то, как влияют современные философские теории, медиакоммуникации и творческие цифровые практики на человеческое общение. Для понимания и совершенствования постчеловеческих коммуникаций предлагается ряд концептуальных механизмов их описания и исследования. Трансгуманистические идеи экстропии и аболиционизма привлекают внимание к исследованию возможностей коммуникации с живой материей человеческого тела на биологическом и клеточном уровнях. Биоинженерные эксперименты рассматриваются как форма коммуникации с самой природой. Неантропоцентричные взаимодействия, представленные в арт-экспериментах современных художников, обнаруживают сущность машинного сознания и машинных коммуникаций. Постгуманистические коммуникации связываются с обязательным включением телесных режимов взаимодействия между человеком и компьютерными объектами. Такие коммуникации анализируются через концепт реляционности: коммуникация понимается как процесс выстраивания отношений, а качества взаимодействующих тел/объектов рассматриваются с точки зрения их способности изменяться и реагировать. В экокритических и экофеминистских коммуникационных стратегиях выявляется попытка устранения различий между человеческими и животными коммуникациями. Коммуникация рассматривается как форма ассамбляжа, не являющегося исключительно человеческой привилегией. Делается вывод о том, что в постчеловеческих коммуникационных практиках происходит переход от репрезентации к перформативности и физическому действованию, физической активности, агентности. В результате опыт компьютерно-человеческих и объектно-человеческих взаимодействий оказывается шире собственно задач традиционной коммуникации, шире восприятия и получения эстетического опыта. Это опыт реальной

материальной трансформации окружающей действительности. Такое смещение внимания с того, что означают вещи, на то, что они делают, имеет существенные последствия для понимания коммуникации – того, как что-то влияет, что-то подчиняет нас своей воле, производит впечатление, воздействует эффективно и аффективно.

Ключевые слова: коммуникация, постчеловеческая коммуникативистика, трансгуманизм, постгуманизм, новый материализм, энвайронментализм, реляционность

Цитирование: Деникин А.А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. С. 33-53. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53

Рукопись получена: 15 октября 2023

Пересмотрена: 27 ноября 2023

Принята: 30 ноября 2023

DISCURSIVE ASPECTS OF POSTHUMAN COMMUNICATIONS

Anton A. Denikin – PhD in Culturology, Associate Professor, Sound Engineering and Musical Art Department of GITR Film and Television School. 32a, Khoroshevskoe Rd., Moscow, 123007, Russian Federation. Sound Engineering Department of Russian Institute of Theatre Arts. 6, Maly Kislovsky Ln., Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: oficial@list.ru, ORCID: 0000-0001-8101-7952

In this article, based on the ideas of trans-, post- and non-human philosophy, an attempt is made to consider the partially formed discursive field of posthuman communication studies – the sphere of research of posthuman communications, their capabilities, patterns of functioning and development. The article analyzes how new philosophical theories, media communications and creative digital practices influence the change in human communication. To understand and improve posthuman communications, a number of conceptual mechanisms for their description and research are proposed. Transhumanist ideas of extropy and abolitionism attract attention to the study of the possibilities of communication with the living matter of the human body at the biological and cellular levels. Bioengineering experiments are considered as a form of communication with nature itself. The non-anthropocentric interactions presented in the art experiments of contemporary artists reveal the essence of machine consciousness and machine communications. Posthumanist communications are associated with the mandatory inclusion of bodily modes of interaction between a person and computer objects. Such communications are analyzed through the concept of relationality: communication is understood as the process of building relationships, and the qualities of interacting bodies/objects are considered in terms of their ability to change and react. Ecocritical and ecofeminist communication strategies reveal an attempt to eliminate the differences between human and animal communications. Communication is considered as a form of

assemblage, which is not exclusively a human privilege. It is concluded that in posthuman communication practices there is a transition from representation to performativity and physical action, physical activity, agency. As a result, the experience of computer-human and object-human interactions turns out to be broader than the actual tasks of traditional communication, broader than perception and aesthetic experience. This is an experience of a real material transformation of the surrounding reality. Such a shift of attention from what things mean to what they do has significant consequences for understanding communication – how something influences, something subordinates us to its will, impresses, affects effectively and affectively..

Keywords: communication, posthuman communication studies, transhumanism, posthumanism, new materialism, environmentalism, relativity

Received: 15 October 2023

Revised: 27 November 2023

Accepted: 30 November 2023

How to cite: Denikin, A.A. (2023). Discursive aspects of posthuman communications. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 33-53. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53 (In Russian).

Вопросы коммуникации в широком смысле, как межвидового взаимодействия, всё чаще оказываются в фокусе внимания многих современных философских исследований – например, в более-менее человеческих, трансчеловеческих, постчеловеческих философских концепциях, направлениях нового материализма, спекулятивного реализма, теории аффектов, междисциплинарных исследованиях животных, философии искусственного интеллекта и др. Эти направления объединяет стремление осмыслить реальность, в которой бытие человека не оказывает значимого влияния на существование разнообразия мира живой и неживой природы.

«Постчеловеческая коммуникация» понимается как взаимодействие физических, биологических и искусственно созданных существ, в результате чего во взаимовлияниях, или интраакциях (как о них пишет философ К. Барад), разнородных агентов (биологических и цифровых актантов)³ формируются необычные способы передачи информации и неязыковые виды медиакommunikаций. Это делает новые возможности общения нечеловеков, а также людей с нечеловеческими существами важным направлением для гуманитарных исследований.

Идея постчеловеческого привлекает внимание всё большего числа исследователей и создаёт новые области науки, такие как постчеловеческая риторика (Boyle, 2018), постчеловеческая эконо-

³ Подробнее об «агентном реализме» см.: (Barad, 2007).

мика (Schönpflug, Klapeer, 2017, pp. 204-220), постчеловеческая антропология (Smart, Smart, 2017) и пр.

Не менее актуальной научной дисциплиной могла бы стать *постчеловеческая коммуникативистика*.

Постчеловеческая коммуникативистика, как наука о месте и роли постчеловеческих коммуникаций, их возможностях, закономерностях функционирования и развития, предлагает пути междисциплинарного анализа феномена машинных, системных, природных и экологических коммуникаций. Она может изучать функционирование технобиоматериальных взаимодействий, характерные для них механизмы и тенденции взаимовлияния разнородных сил и процессов (как человеческих, так и нечеловеческих), приводящих к обмену действиями, аффектами, эмоциями и смыслами, к циркуляции энергетических сил и интенсивностей, материальному становлению и дискурсивному разнообразию и тем самым ведущих к материальным изменениям – умножению возможного через реализацию конкретных его инвариантов. Концентрируясь на исследовании материально-дискурсивных обменов, постчеловеческая коммуникативистика могла бы стать сферой интенсивного исследования актуальных вопросов современной медиакультуры, экологической и машинно-человеческой коммуникации.

Цель этой статьи – рассмотрение уже отчасти оформившегося дискурсивного поля постчеловеческой коммуникативистики и способов, которыми могут осуществляться постчеловеческие коммуникации. В статье анализируется то, как влияют друг на друга современные философские теории, медиакommunikации и творческие цифровые практики.

Философия трансгуманизма и биокибернетические коммуникации

Заметным среди идейных оснований постчеловеческой коммуникативистики является дискурс трансгуманизма.

Трансгуманизм определяют как «интеллектуальное и культурное движение, которое подтверждает возможность и целесообразность фундаментального улучшения условий жизни человека» (Кавинова, 2017, с. 4); как «новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает возможность и желательность безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас “естественными” пределы человеческих возможностей» (Манифест..., web); как «класс философий, которые стремятся направить нас к постчеловеческому состоянию» (More, 1990, web, pp. 6-12); как междисциплинарное исследование, утверждающее возможность фундаментального улучшения состояния человека с помощью внедрения нанобиологических, информационных и когнитивных наукотехнологий (НБИС) для устранения старения, повышения интеллектуальных и физических способностей человека.

Предлагая новый вид рационального мировоззрения, трансгуманизм утверждает необходимость эволюции-перехода человека, а вместе с ним общества и культуры в целом в иное качественное состояние. По мнению трансгуманистов, постчеловек должен будет преодолеть свою человеческую природу, став гибридом человека и машины, то есть киборгом.

Это означает, что любая коммуникация в рамках трансгуманистического дискурса понимается как технологически-технически-машинно опосредованная. Прогресс провоцирует цифровизацию всех сфер жизнедеятельности людей, вплоть до всеобщего включения в единую компьютерную сеть с единым центром – идея «технической сингулярности» (Виндж, 2019). Задачей максимум для трансгуманистов является достижение бессмертия человека благодаря возможности воссоздавать человеческое сознание в компьютерах и сетях передачи информации, где оно могло продолжать «жить» бесконечно в цифровом виде, вне зависимости от судьбы его исходной биологической основы, оболочки – тела. Подобный постчеловек в понимании трансгуманистов – это всё ещё субъект, но существо необратимо изменённое. Может оказаться, что коммуникация среди подобных техно-субъектов претерпит существенные изменения по сравнению с текущим общением людей.

В настоящий момент концептуальная база трансгуманизма весьма широка и включает в себя ряд идей, позволяющих дополнить и даже существенно переосмыслить человеческие и человеко-машинные коммуникации. Это: идея медицинско-биологических взаимодействий с человеческими телами ради последовательного улучшения жизни человека (усовершенствование тела, избавление от страданий, достижение счастья и пр.), идея коммуникаций с биологическими материалами на генетическом и нанобиологическом уровне для управления процессами функционирования человеческого организма, достижения бессмертия (победа над болезнями, старением), идея постчеловека как киборга, мутанта, небиологического создания (постчеловек как вершина эволюции) с выстраиванием коммуникаций с подобными созданиями, антитрансгуманистические идеи (идеи противников трансгуманизма, споры о последствиях трансгуманистических идей), которые предоставляют широкие возможности для рассуждения о постчеловеческих коммуникациях.

Трансгуманистическая экстропианская доктрина⁴ постулирует свободу физических действий не только как условие постоянного

⁴ Термин «экстропия» в философском контексте был определён Максом Мором в 1988 г. как «мера развитости интеллекта, функционального порядка, жизненности, энергии, опыта, стремления к развитию и росту биологической или организационной системы»; как мера самопреобразования, практического оптимизма; как интеллектуальные технологии, открытое общество, самоуправление и рациональное мышление; как поддержка социальных порядков, которые поощряют свободу общения, свободу действий, экспериментов, инноваций, стремление к большему интеллекту,

обновления/самосовершенствования, но и как способ расширения коммуникативных возможностей. Активность и самопроявление каждого человека через разнообразие индивидуальных действий и смену моделей поведения признаются обязательными для развития и роста, для наращивания информации и успешного проведения современных коммуникаций. Такая установка открывает пути для разработки и принятия людьми новых методов и способов познания «мира в действии», энактивных моделей коммуникации, свободного экспериментирования с техно-биологическими расширениями человеческого тела, для включения в сферу коммуникаций экспериментов с геномом человека и животных, исследования коммуникационных взаимодействий в рамках телематики, робототехники, искусственного интеллекта и других человеко-машинных технологий.

Ещё одно значимое для трансгуманизма направление мысли – *аболиционизм* – выдвигает на первый план использование комплекса высоких технологий для прекращения человеческих страданий, достижения максимально возможного уровня комфорта и счастья. Для реализации подобных задач предлагается использовать специальные медицинские, фармацевтические, нутрицевтические и биоинженерные технологии, широкий спектр методик улучшения физических функций вплоть до радикальной модификации человека. Благодаря методам и технологиям получения рекомбинантных РНК и ДНК выделения генов из организма (клеток), осуществления манипуляций с генами и введения их в другие организмы, генная инженерия может вмешиваться в уже существующие живые организмы, изменяя их. Частной задачей является редактирование генома человека, ведущее к выведению разных пород людей и разных индивидов.

Человеческое тело, таким образом, оказывается полигоном для самых разнообразных манипуляций и модификаций. Чаще всего разработка таких модификаций ведётся для задач медицины и улучшения качества жизни человека, но забота о теле вполне может рассматриваться и как своего рода коммуникация с самим человеческим телом, с человеческой природой: «диалог» с телом, влияние на работу тела, риторика телесных трансформаций. Сам опыт взаимодействия с процессами, протекающими в человеческом теле, может иметь существенную коммуникационную составляющую и представлять интерес для исследования.

В современной ситуации, когда генные технологии стремительно входят в разряд доступных трансформативных практик, всё более актуальным становится вопрос об изучении способов интеграции генномодифицированных организмов (в том числе мутирующего человека) в социум и о выработке способов взаимодействия

мудрости, эффективности и устранению политических, культурных, биологических и психологических ограничений для продолжения развития. В метафорическом смысле экстропия является полной противоположностью энтропии. Подробнее см.: (More, 2003).

и коммуникации с подобными созданиями, что может стать одной из задач постчеловеческой коммуникативистики.

Конечно, для современного человека встречи с мутантами в реальной жизни пока не стали привычными. Но благодаря работам художников и экспериментаторов-биодизайнеров образы изменённого человеческого тела становятся всё более доступными, а понятие технологической эволюции биологии человечества находит широкое осмысление в научной фантастике, в художественной литературе и кинофильмах, работах современных художников. Так, творчество Дж. Кунса, П. Маккарти, С. Шерман, Д. Херста, Ч. Рэя и ряда других отразило изменения в образе человека, вызванные технологиями, пластической хирургией, электронными средствами массовой информации, последствиями генной инженерии пр. Благодаря творчеству этих художников актуализируются новые дискурсы трансгуманистической коммуникации.

Современные художники-трансгуманисты специализируются на исследовании вопросов взаимодействия с постбиологическими телами и субъектами. Так, американская художница Наташа Вита-Мор реконструирует человеческие тела, визуализируя диалог о будущем телесных мутаций человека, Орлан изменяет собственное тело, поднимая этические вопросы посредством феминистической критики, а австралийская художница Патриция Пиччинини использует свою арт-практику как площадку для размышлений о возможностях биотехнологии, её влиянии на жизнь людей. Инсталляции Пиччинини подсказывают, как люди могли бы вести общение с генномодифицированными биосозданиями.

Коммуникационная проблематика биоинженерных экспериментов пока преимущественно концентрируется в области этических и политических вопросов: идентичности человека, свободы воли, личности, манипулятивности и физической опасности технологий для выживания и будущего человека. Кроме того, существенными являются вопросы общественного одобрения/неодобрения использования биомедицинских технологий, взаимодействия людей с биодополненными индивидуумами (С. Хокинг), социальной дифференциации вследствие применения новых технологий (Ф. Фукуяма), расслоения общества и неравенства в связи с недоступностью этих технологий для всех, а также морально-этические проблемы.

Таким образом, трансгуманистические идеи оказываются богатым полем для самых разнообразных взаимодействий и выстраивания современных коммуникаций, со своей спецификой, требующей соответствующих подходов и поиска методологии исследования.

**Объектно-ориентированные аспекты
нечеловеческих коммуникаций**

В отличие от трансгуманистов, рассуждения которых в целом соотносятся с понятием человека, более радикальное определение нечеловеческой коммуникации предлагают исследователи, желающие представить мир нечеловеческий. Они готовы рассуждать о природных, объектных и космических процессах вне какой-либо корреляции с человеческим сознанием и социальными причинами.

Предпосылки подобных тенденций отсылают к спекулятивному реализму (К. Мейясу, Р. Брассье), феноменологии «чужих» (Я. Богост), объектно-ориентированной онтологии (Т. Мортон, Г. Харман) и частично к акторно-сетевой теории (Б. Латур). Исследователи пытаются рассуждать о взаимодействиях объектов в мире вне какого-либо влияния человека. По мнению объектно-ориентированных мыслителей, антропоцентризм не даёт человеку доступа к познанию разнообразия объектов в мире из-за привычки соотношения всего сущего с позицией человеческого субъекта – то, что К. Мейясу называет «корреляционизмом» (Мейясу, 2015).

По мнению Мейясу, чтобы выйти за пределы «корреляционистского» круга, необходимо выйти вообще за пределы человеческого мышления, поскольку «изначальная» реальность не дана в мышлении: она «предшествует данности», находясь вне какого бы то ни было «проявления» (Мейясу, 2015, с. 48-50). Превознося абсолютов «иного», К. Мейясу предвидит начало конца времени существования телесного бытия человека, перехода к пост- / трансчеловеческому существованию и коммуникации нечеловеков.

Ещё один объектно-ориентированный мыслитель Л. Брайант утверждает, что сведение объектов к означаемым или различным языковым отношениям, которое характеризовало структурализм и постструктурализм, сделало «практически невозможным исследование эффективности материальных объектов в формировании социальных отношений» (Bryant, 2014, p. 3). То есть, рассуждая о тротуарах, океанских волнах или телевизионных сигналах исключительно с точки зрения того, как они определяются языковыми практиками, люди упускают либо сильно недооценивают те материальные силы, через которые эти объекты проявляют себя в повседневном мире, влияя не только на людей, но и на другие объекты. В этом случае, например, уличные тротуары – это не только удобное устройство для ходьбы. Сами они взаимодействуют с обувной резиной, лапами домашних питомцев, велосипедными шинами и другими предметами – в буквальном смысле – конкретными способами, которые придают им значение и способность действовать на другие объекты (коммуницировать в широком смысле).

Напротив, концепция «изъятия объекта» Грэма Хармана (Харман, 2019) постулирует подчеркнуто антиреляционную онтологию, в которой объекты находятся на расстоянии друг от друга и от се-

тей, в которые они встроены. Мир, который описывает объектно-ориентированная онтология Хармана – это «бесконечно глубокий мир, в котором каждый объект более высокого уровня сложен из объектов более низкого уровня» (Кралечкин, 2014, с. 317). Между объектами высшего и низшего уровня нет никакой разницы, так как все объекты равны по своей природе. Такая «философия нечеловеческого» указывает выход за пределы человеческого бытия и проникновение вглубь отношений (коммуникаций) между вещами-в-себе.

Таким образом, некорреляционные коммуникации не направлены на конкретные объекты/субъекты и не коррелируют с ними, но позволяют постсубъектам испытывать сингулярности, которые внутренне неопределимы и неадекватны для познания. Во всех этих отношениях некорреляционное мышление неоднозначно, эстетично, и потому, в соответствии с идеей Г. Хармана, «эстетика становится первой философией» (Харман, 2012, с.75-90).

В книге «Гиперобъекты. Философия и экология после конца света» Тимоти Мортон (Мортон, 2019) выступает против антропоцентризма и вводит понятие «гиперобъект», в корне меняющее представление об объекте как таковом. Объекты предстают как вязкие, нелокальные и волнообразные сущности, фазированные и интеробъективные. Объекты обладают уникальным свойством наводить мосты между жизненными мирами, объединяя «реальности», которые в противном случае существовали бы независимо.

Мортон приходит к необходимости понимания гиперобъектов через эстетические коммуникации, эстетический опыт, ведь только последний позволяет нам в течение краткого мгновения зафиксировать гиперобъекты в привычном человеческом пространстве-времени.

Закономерно, что своё непосредственное применение методы неантропоцентричных «коммуникаций» находят в арт-практиках современных художников, заменяющих человеческую деятельность самовыражением объектов. Так художник и философ Ян Богост отстаивает «эстетику чужих», как он её называет, которая сосредоточена не на человеческом восприятии объектов, а на «восприятии» объектами людей, отражает тайную «загадочность вещей» (Богост, 2019, с. 152).

Художники, объединённые направлением так называемой новой эстетики (Contreras-Koterbay Scott, Mirocha Łukasz, 2016), видят автоматическое документирование человеческих действий, минующее человеческое отношение к реальности, единственным способом работы с ней. Как указывает Я. Богост, новая эстетика «вопрошает, как компьютеры, бонобо, тостеры и лайнеры Boeing 787 Dreamliner организуют свою собственную эстетику» (Bogost, 2012).

Избегая человеческого фактора, объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, феноменология «чужих», плоская онтология и связанные с ними философские направления пред-

лагают модель, отражающую сущность машинного сознания и машинных коммуникаций.

В этом смысле интерес представляют последствия подобных направлений для изучения коммуникативных процессов и эволюции медиа.

Постчеловеческие технологии и машинно-телесные коммуникации

Качественную переоценку традиционным моделям коммуникации предлагает *постгуманизм* – особый дискурс и современное философское течение, осмысляющее технизацию, роботизацию и цифровизацию во всех аспектах человеческой жизни.

В отличие от трансгуманизма, постгуманизм не постулирует требование непрестанного прогресса, трансформации человеческого в новое постчеловеческое состояние. Постгуманизму близка мысль Б. Латура о том, что «мы никогда не были нововременными» (Латур, 2006, с. 72), что человеческое всегда развивалось, сосуществовало или сотрудничало с внешним, нечеловеческим. Постгуманизм ставит под сомнение антропоцентричную веру в человека как отличительную, уникальную и доминирующую форму жизни, отходит от традиционной гуманистической идеи «автономного, самодостаточного индивидуального субъекта» и приближается к понятию человеческого как «ассамбляжа, эволюционирующего совместно с другими формами жизни, тесно связанного с окружающей средой и технологиями» (Nayar, 2013, pp. 3-4).

Постгуманизм отстаивает принцип симбиоза человека со всем окружающим миром и всеми формами нечеловеческой жизни, которым придаётся статус равнозначных с человеком актантов, та же значимость и свобода действий (агентность), что и человеку. Фокус исследовательского интереса смещается с рассмотрения репрезентаций и способов авторского выражения на процедурные модели выражения, поведения, динамики функционирования компьютерных машин, работающих совместно с человеком.

Ряд исследователей полагают, что понимание постчеловеческого в современной культуре не обязательно означает устранение всего человеческого, тотальную роботизацию, отказ от человеческой телесности, памяти и субъектности (Брайдотти, 2021; Hayles, 2006; Hansen, 2004; Munster, 2006). Так, К. Хэйлз утверждает, что процессы технизации (техногенез) хотя и ведут к тому, что самодостаточный субъект заменяется представлением о субъективности как о «потоке и процессе», тем не менее именно человеческое тело или, точнее, взаимодействие между человеческими телесностями и машинами определяет то, чем является человек цифровой эпохи.

Исследователи, выбравшие для себя направление *материально и телесно-ориентированного постгуманизма*, стремятся доказать, что машины, алгоритмы и компьютерная техника не могут существовать и совершенствоваться без участия человека. Концепция

машинно-человеческих коммуникаций указывает на то, что цифровая информация и цифровые коммуникации всегда определяются теми телами и процессами, благодаря которым они осуществляются и циркулируют.

В книге *How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics* (1999 г.) Н. Кэтрин Хейлз делает акцент на материальности человеческого тела, условии его конечности и, следовательно, его зависимости от сотрудничества с остальным материальным миром: «Мой идеал – это версия постчеловека, которая охватывает возможности информационных технологий, не соблазняясь фантазиями о неограниченной власти и бестелесном бессмертии, которая признаёт и принимает конечность как условие человеческого существования и понимает человеческую жизнь как встроенную в материальный мир огромной сложности, где от нас зависит наше дальнейшее выживание» (Hayles, 1999, p. 5).

К. Хейлз полагает, что сам человеческий язык возникает из взаимодействия телесных и машинных реальностей, что на каждом этапе развития человечества именно соединение человеческих тел и технологии обеспечивает альтернативные модели информации и коммуникации.

Всё больше исследователей (Parisi, 2008; Rotman, 2008; Sha Xin Wei, 2013) обращают внимание на телесные режимы цифровых медиакоммуникаций и анализируют проекты, в которых машинно-человеческие взаимодействия оказываются ключевыми для получения нового опыта. Общим для указанных исследователей является признание важной роли человеческого тела в работе цифровых компьютеризированных систем. Они едины во мнении, что информация требует телесного воплощения и воплощённого человеческого субъекта в качестве инициатора оформления информации.

Включение человека в цепочку взаимодействия «машина – код» создаёт потенциал для внесения шума (неопределённости) в процесс передачи данных. Присутствие человека (постчеловека) позволяет направлять и ограничивать деятельность технологий, основанных на данных. Участие пользователя создаёт разрывы в технических петлях обратной связи, что обогащает конечные результаты техно-биологических взаимодействий.

В этом смысле очевиден симбиотический характер отношений между человеком и машиной, поскольку люди-агенты здесь являются генераторами данных, питающих технологии. Без участия человека в генерации наборов данных машины фактически не имеют социальной цели и оказываются информационно обеднёнными.

Чтобы выявить особенности современных машинно-человеческих коммуникаций, требуется учитывать множественные взаимозависимости и взаимосвязи, которые возникают в опосредованных и технологически взаимосвязанных социальных мирах. Постчеловеческие коммуникации в этом случае – это отношения между пользователями и машинными алгоритмическими процес-

сами как отношения без первоначального направления и без первичного действия, приписываемого одной отдельной стороне. Это мышление в терминах взаимозависимых отношений между всеми вовлечёнными элементами, в отличие от однонаправленной передачи информации и смысла.

Критический постгуманизм и реляционные коммуникации

Кроме эйфорически-одобряющих и антиутопических взглядов на постчеловеческие коммуникации, существуют подходы критически настроенных постгуманистов (Стефан Хербрехтер, Кэри Вулф, Рози Брайдотти, Нил Бадмингтон и др.), которые видят преимущества в технической эволюции человечества. Задача *критического постгуманизма* в том, чтобы предложить сбалансированный анализ текущих технологических новаций и разработать альтернативные, справедливые модели будущего постчеловеческого общества. Как таковые, эти идеи и устремления в основе своей гуманистичны (в том смысле, что они хотят доказать ценность всего живого, в том числе человеческой жизни).

В отличие от ряда трансгуманистических проектов, готовых пожертвовать человеческой природой ради усовершенствования *Homo sapiens*, версия коммуникаций, связываемых с критическим постгуманизмом, предполагает сохранение материальности человеческого тела, но при выстраивании настолько тесных связей между человеком и нечеловеческим окружением (природой, техносферой, любыми объектами), что человек уже не станет рассматриваться как центр мироздания.

Постчеловек существует как субъективность, которая постоянно находится в процессе аутопоззиса или перенастройки. Этот субъект представляет собой реляционную сущность, находящуюся в постоянном процессе изменения и адаптации к элементам и агентам, с которыми взаимодействует и которыми она окружена. Люди считаются равными участниками в сфере экологии, наряду с множеством других участников: животными, организмами, объектами, машинами, процессами и технологиями.

Так, например, особая область постгуманизма – новый материализм – трактует человека как встроенного в сеть совместно действующих актантов, взаимодействующего с множеством дискурсивных сил, телесностей и процессов. Философ Джейн Беннетт осуществляет исследование «вибрирующей материи» (Беннетт, 2018), выдвигая на первый план материальную хореографию тел и объектов и переосмысляя такие термины, как интеллект и знание. Новая материалистическая теория обращена к докогнитивным и телесно-воплощенным знаниям, исследует участие людей в проявлении нечеловеческих материальных сил.

Термин «интраакция», который К. Барад вводит в книге *Meeting the Universe Halfway* (Barad, 2017), относится к сложным взаимосвязям между людьми и не людьми. Если интерактивность, или

взаимодействие, предполагает изначальное присутствие независимых субъектов отношений, то интраакции представляются как «потoki совместного становления действующих агентов» (Венкова, 2021, с. 10). Посредством агентных интраакций свойства феноменов получают определённую, свою материальную оформленность и обретают конкретные понятия, становясь семантически значимыми.

Реляционность означает взаимовлияние динамических систем, образованных разнородными сущностями (людьми, машинами, протоколами, технологиями, обществом, культурой), где все компоненты взаимозависимы. Реляционность рассматривается как способ коммуникации, альтернативный технической интерактивности. Многие исследователи критикуют интерактивность за алгоритмически, программно контролируемые действия пользователей – по словам Б. Массуми, «своего рода тиранию интерактивности» (Massumi, 2008, web, p. 8). Такие «интерактивные произведения» скорее манипулируют поведением пользователей, нежели предлагают реальное пространство для диалога и взаимодействия. Так, например, в некоторых видеоиграх заранее запрограммированные события лишены эмерджентных качеств, а действия геймеров по сути задаются алгоритмами и правилами. Интерактивность здесь управляет рефлексам «по И.П. Павлову», стимулируя тривиальные действия геймеров посредством свода правил и вознаграждений.

Напротив, в современных реляционных медиа- и арт-проектах пользователи и компоненты интерактивных пространств взаимозависимы: цепь взаимных петель обратной связи (действие/реакция) преобразует каждого из участников. Такая коммуникация понимается как процесс выстраивания отношений, а качества взаимодействующих тел рассматриваются с точки зрения их способности изменяться и реагировать. Реляционное здесь – это эмерджентный процесс, в котором нечто новое возникает из отношений соучастников и условий в процессе проведения медиапроектов.

Для философа Э. Мэннинга реляционность – это процесс «раскрытия сложного поля множественности, ещё недифференцированного... пережитый опыт аффективной сонастройки» (Manning, 2013, p. 3). Здесь «аффективная настройка» – это досознательная расположенность, реализация которой приводит к новым перспективам отношений, которые, в свою очередь, влияют на то, как отдельные события проявляют себя во время события.

В этом смысле реляционные проекты импровизационны, сложнопредсказуемы и эмерджентны. Телесное воплощение каждого события всегда направлено на дальнейшие потенциальные дифференциации – продолжающуюся эволюцию события – и, следовательно, всегда открыто виртуальному. Коммуникативные акты здесь служат цели накопления энергии и циркуляции ритмов между телами и объектами.

Реляционное коммуникационное событие концентрируется на создании условий для возникновения новых связей. Это шаг к новому пониманию целей и задач коммуникации, заключающихся теперь в создании «линий ускользания» (Ж. Делёз) и изобретении новых потенциалов существования. Производство может рассматриваться не как статичный конечный продукт, а скорее как экосистема (Fuller, 2005; Guattari, 2000), где одно изменение в системе имеет последствия для всех её компонентов.

Таким образом, реляционные коммуникативные практики отказываются от идеи трансцендентности, от концентрации на достижении идеальной, заранее выбранной формы, и сосредоточены на создании новых форм и дальнейшей их дифференциации. Коммуникация в этом случае становится средством, организующим взаимосвязь переплетающихся полей и сил, способных развиваться непредсказуемым, разнородным образом.

Энвайронментализм, экофеминизм и более-чем-человеческие коммуникации

Своеобразный подход к более-чем-человеческим коммуникациям предлагают *энвайронментализм* и *экофеминизм* – современные гуманитарные течения, которые во многом противостоят трансгуманизму и отчасти постгуманизму. Новые экологически-ориентированные теории выступают за решительный отказ от технического развития, возвращение к природе, примат природы над «павшей» цивилизацией.

Энвайронментализм видит в человеке угрозу для существования мира природы, призывая к переоценке роли человека и его места в мире. Понятие антропоцена означает, что именно люди ответственны за свои деструктивные действия в отношении природы и обязаны обеспечить её сохранение. Так, по мнению Т. Мортон и К. Колбрук, продолжающееся изменение климата требует, чтобы мы думали о влиянии наших сегодняшних действий на будущее, в котором нас может и не быть (Мортон, 2019), а также о будущем других видов жизни на земле в условиях неизбежности вымирания человечества (Colebrook, 2014).

В экокритических и экофеминистских исследованиях человек одновременно контекстуализируется и как крошечная сущность по отношению к нечеловеческим масштабам времени, и как сила, формирующая новую геологическую эру. Так, философ Элизабет Гроц видит человека как «лишь мгновенную вспышку в истории и космологии, принципиально безразличной к человеку как к временному явлению» (Grosz, 2011, p. 25).

Современные экофеминистские попытки описать способ мышления, адекватный сложным материальным энергиям Земли, – гео-/зоэ-/техно-опосредованными способами – находят своё выражение в идее *симпозиса*, разрабатываемой философом-феминисткой Донной Харауэй (Харауэй, 2018).

Стейси Алаймо пишет о неотделимости человека от всех органических и неорганических процессов в окружающей среде. Она развивает свою постчеловеческую теорию через концепцию «транстелесности», которую описывает как «пространство-время, в котором человеческая телесность во всей своей материальной плоти неотделима от “природы” и “окружающего пространства”» (Alaimo, 2008, p. 238).

В социальных и естественных науках растёт интерес к потенциалу исследования более-чем-человеческих аспектов жизни (Whatmore, 2006, pp. 600-609).

Действенной стратегией экофеминизма является попытка устранения различий между человеческими и животными коммуникациями. Так, Кэри Вулф критикует парадигматическое гуманистическое различие между человечностью и животностью и оговаривает, что в современности «“человеческое” достигается путём избегания или подавления не только своего животного происхождения в природе, биологического и эволюционного, но и в более общем плане путём полного отказа от уз материальности и телесного воплощения» (Wolfe, 2010, p. 158).

Напротив, постгуманистическое переосмысление человека, как глубоко укоренённого в его биологическом и технологическом мирах, основано на «открытости по отношению к окружающей среде» (Wolfe, 2010, p. XXIII), которая берёт начало в самореферентном аутопозисе. Это означает признание социальных феноменов человеческого языка, сознания и коммуникации как неотъемлемых свойств окружающего мира.

Заключение

Резюмируя сказанное, можно заключить, что общим для постчеловеческих коммуникационных моделей является отказ от парадигмы человеческой исключительности. Коммуникация рассматривается как форма ассамбляжа, не являющегося исключительно человеческой привилегией. Познание и коммуникация распространяются «на все формы жизни, включая те, которые не имеют центральной нервной системы, такие как растения и микроорганизмы» (Hayles, 2017, p. 15).

При этом существенные изменения в методологических подходах к изучению постчеловеческих коммуникаций заключаются в следующем:

Во-первых, происходит переход от выявления анализа дискурсивных, властных стратегий коммуникаций на теоретическом уровне к множественным практикам взаимодействия самого исследователя с исследуемыми объектами – то, что получило название «прагматический поворот» (*practice turn*; Schatzki, Knorr-Cetina, Von Savigny (Eds.), 2001). Происходит переход от репрезентации к перформативности и физическому действию, физической

активности, актантности как основополагающим принципам постчеловеческой коммуникации.

Задачи исследования коммуникации смещаются с того, что она означает (показывает, представляет, пробуждает, символизирует), на то, что она делает, как влияет на коммуникантов и среду, в которой она осуществляется и развёртывается. В результате опыт соучастия в партиципаторных медиапроектах оказывается шире собственно задач традиционной коммуникации, шире восприятия и получения эстетического опыта. Это опыт реальной материальной трансформации окружающей действительности. В этом смысле действия и взаимодействия процессов/объектов/людей должны рассматриваться как творческая материя, а не как материальные объекты в качестве медиумов для творчества.

Во-вторых, процессуальные коммуникационные практики задействуют материю не в качестве формы выражения, а как поток творческих становлений, активных в рамках композиционных процессов. Такие становления являются более-чем-человеческими. В этом случае каждый участник-агент определяется не как независимый субъект-коммуникант, но как совокупность тел, связанных и трансформирующихся посредством творческого становления материи.

Исследование этих концепций само по себе становится формой перформативности, включается в процесс исследования-созидания – то, что Э. Мэннинг и Б. Массуми называют процессом исследования-создания (*research-creation*; Manning, 2013), в котором пересечение мышления и действия является условием для изобретения нового. Важным здесь является поиск коммуникативных техник, максимально пригодных для выражения более-чем-человеческого;

В-третьих, если традиционные модели коммуникации налагали на человека ответственность за передаваемые значения, то понимание постчеловеческих коммуникаций в большей степени связано с ответственностью за инициирование процессов и аффектов. Это смещение внимания с того, что означают вещи, на то, что они делают, имеет существенные последствия для понимания коммуникации – того, как что-то влияет, что-то подчиняет нас своей воле, производит впечатление, воздействует эффективно и аффективно.

Исследование коммуникации могло бы обращаться к более-чем-человеческим методам, техникам «изобретения в действии». Такие методы позволят по-разному включать, например, животных, биообъекты и технологические устройства в качестве агентов-провокаторов при решении исследовательских вопросов. Это совместное конфигурирование аффеktированного «поля свершения» (определяющего чувственное) через соучастие.

Очевидно, что для понимания и совершенствования постчеловеческих коммуникаций требуется выработка механизмов их исследования и описания. Такая работа могла бы вестись в рамках специальной дисциплины, обозначаемой как «постчеловеческая коммуникативистика».

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Беннетт, 2018 – *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя: политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 217 с.

Богост, 2019 – *Богост И.* Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь: Гиле Пресс, 2019. 200 с.

Брайдотти, 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.

Венкова, 2021 – *Венкова А.В.* Теоретическое исследование феномена иммерсивности в объектно-ориентированной онтологии и постгуманизме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 5-13.

Виндж, 2019 – *Виндж В.* Сингулярность / Пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина. М.: Издательство АСТ, 2019. 224 с.

Латур, 2006 – *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.

Кавинова, 2017 – *Кавинова И.П.* Философско-религиозные и социальные аспекты трансгуманизма, или преодоление «человеческого, слишком человеческого» в XXI в. // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана). 2017. № 3. С. 1-18. URL: <http://hmbul.ru/articles/420/420.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

Кралечкин, 2014 – *Кралечкин Д.* О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100). С. 293-318.

Манифест Российского трансгуманистического движения. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 05.02.2023)

Мейясу, 2015 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. Л. Медведева. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Мортон, 2019 – *Мортон Т.* Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В.И. Абраменко. Пермь: Hyle Press, 2019. 284 с.

Харман, 2012 – *Харман Г.* О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75-90.

Харман, 2019 – *Харман Г.* Спекулятивный реализм: введение / Пер. с англ. А.А. Писарев. М.: Рипол Классик, 2019. 496 с.

Харауэй, 2018 – *Харауэй Д.* Тентакулярное мышление // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология / Ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018. С. 180-227.

Alaimo, 2008 – *Alaimo S.* Trans-corporeal feminism and the ethical space of nature // *Material Feminisms* / Eds. S. Alaimo, S. Hekman. Bloomington: Indiana University Press, 2008. Pp. 237-264.

Barad, 2007 – *Barad K.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham; L.: Duke University Press, 2007. 544 p.

Bogost, 2012 – *Bogost I.* The new aesthetic needs to get weirder // The Atlantic. URL: <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needsto-get-weirder/255838> (дата обращения: 12.02. 2023).

Boyle, 2018 – *Boyle C. A.* Rhetoric as a Posthuman Practice. Columbus: Ohio State University Press, 2018. 232 p.

Colebrook, 2014 – *Colebrook C.* The Death of the PostHuman: Essays on Extinction, Volume One. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2014. 246 p.

Contreras-Koterbay, Mirocha, 2016 – *Contreras-Koterbay S., Mirocha L.* The New Aesthetic and Art: Constellations of the Postdigital. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2016. 280 p.

Fuller, 2005 – *Fuller M.* Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture. Cambridge: MIT Press, 2005. 264 p.

Guattari, 2000 – *Guattari F.* The Three Ecologies. L.; New Brunswick: The Athlone Press, 2000. 174 p.

Grosz, 2011 – *Grosz E.* Becoming Undone: Darwinian Reflections on Life, Politics, and Art. Durham; L.: Duke, 2011. 280 p.

Hansen, 2004 – *Hansen M.* New Philosophy for New Media. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2004. 362 p.

Hayles, 1999 – *Hayles N. K.* How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 364 p.

Hayles, 2006 – *Hayles N. K.* Unfinished work: from cyborg to cognisphere // *Theory, Culture & Society*. 2006. No. 7-8. Vol. 23. Pp. 159-166.

Hayles, 2017 – *Hayles N. K.* Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago: The University of Chicago Press, 2017.

Levi, 2014 – *Levi R. B.* Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 312 p.

Massumi, 2002 – *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; L.: Duke University Press, 2002. 336 p.

Massumi, 2008, web – *Massumi B.* The thinking-feeling of what happens // *Inflexions*. 2008. Vol. 1. P. 8. URL: http://www.inflexions.org/n1_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

More, 1990 – *More M.* Transhumanism: toward a futurist philosophy // *Entropy*. 1990. No. 6. Pp. 6-12.

More, 2003, web – *More M.* Principles of Extropy (Version 3.11): an evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition // Extropy Institute. 2003. URL: <http://www.extropy.org/principles.htm> (дата обращения: 05.02.2023).

Munster, 2006 – *Munster A.* Materializing New Media Embodiment. Embodiment in Information Aesthetics. Hanover, N.H.: Dartmouth College Press, University Press of New England, 2006. 256 p.

Nayar, 2013 – *Nayar P. K.* Posthumanism. L.: Polity, 2013. 208 p.

Parisi, 2008 – *Parisi L.* The nano-engineering of desire // *Queering the Non/Human* / Eds. N. Giffney, M. Hird. Aldershot: Ashgate, 2008. Pp. 283-309.

Rotman, 2008 – Rotman B. *Becoming Beside Ourselves: The Alphabet, Ghosts, and Distributed Human Being*. Durham, N.C.; L.: Duke University Press, 2008. 216 p.

Schatzki, Knorr-Cetina, Von Savigny (Eds.), 2001 – *The Practice Turn in Contemporary Theory* / Eds. T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. Von Savigny. L.: Routledge, 2001. 252 p.

Schönpflug, Klapeer, 2017 – *Schönpflug K., Klapeer C. M. Towards a posthumanist economics. The end of self-possession and the disappearance of Homo oeconomicus // Varieties of Alternative Economic Systems: Practical Utopias for an Age of Global Crisis and Austerity* / Eds. W. Richard, R. Albritton, J. Seongjin. Routledge, 2017. Pp. 204-220.

Smart, Smart, 2017 – *Smart A, Smart J. Posthumanism. Anthropological Insights*. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 128 p.

Sha Xin Wei, 2013 – *Sha Xin Wei. Poiesis and Enchantment in Topological Matter*. Cambridge, Mass.: MIT, 2013. 384 p.

Whatmore, 2006 – *Whatmore S. Materialist returns: practising cultural geography in and for a more-than-human world // Cultural Geographies*. 2006. No. 13. Pp. 600-609.

Wolfe, 2010 – *Wolfe C. What is Posthumanism?* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. 392 p.

References

Alaimo, S. (2008). Trans-corporeal feminism and the ethical space of nature. In S. Alaimo, S. Hekman (Eds.). *Material Feminisms* (pp. 237-264.). Indiana University Press.

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press.

Bennett, J. (2018). *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Gile Press. (In Russian)

Bogost, I. (2012). The new aesthetic needs to get weirder. *The Atlantic*. Retrieved on February 12, 2023, from <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needsto-get-weirder/255838>

Bogost, I. (2019). *Alien Phenomenology, or What Is It Like To Be a Thing?* Gile Press. (In Russian)

Boyle, C. A. (2018). *Rhetoric as a Posthuman Practice*. Ohio State University Press.

Bridotti, R. (2021). *Posthuman*. Gaidar Institute. (In Russian)

Colebrook, C. (2014). *The Death of the PostHuman: Essays on Extinction, Volume One*. Open Humanities Press.

Contreras-Koterbay, S., Mirocha, L. (2016). *The New Aesthetic and Art: Constellations of the Postdigital*. Institute of Network Cultures.

Fuller, M. (2005). *Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture*. MIT Press.

Guattari, F. (2000). *The Three Ecologies*. The Athlone Press.

Grosz, E. (2011). *Becoming Undone: Darwinian Reflections on Life, Politics, and Art*. Duke University Press.

Hansen, M. (2004). *New Philosophy for New Media*. MIT Press.

Haraway, D. (2018). Tentacular thinking. In M. Kramar, K. Sarkisov (Eds.). *Experiences of Inhuman Hospitality: an Anthology* (pp. 180-227.). V-A-C Press (In Russian)

- Harman, G. (2012). On substitutive causality. *New Literary Review*, 2 (114), 75-90. (In Russian)
- Harman, G. (2019). *Speculative Realism: An Introduction*. Ripol Classic Publ. (In Russian)
- Hayles, N. K. (1999). *How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics*. University of Chicago Press.
- Hayles, N. K. (2017). *Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious*. The University of Chicago Press.
- Hayles, N. K. (2006). Unfinished work: from cyborg to cognisphere. *Theory, Culture & Society*, 23 (7-8), 159-166.
- Kralechkin, D. (2014). About sealing wax and cabbage. *Logos*, 4 (100), 293-318.
- Kavinova, I. P. (2017). Philosophical, religious and social aspects of transhumanism, or overcoming the “human, too human” in the XXI century. *Humanitarian Bulletin (Bauman Moscow State Technical University)*, 3, 1-18. (In Russian)
- Latour, B. (2006). *There Was No New Time. Essays on Symmetric Anthropology*. Publishing House of European University in St. Petersburg. (In Russian)
- Levi, R. B. (2014). *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh University Press.
- Massumi, B. (2002). *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Duke University Press.
- Massumi, 2008 – Massumi B. The thinking-feeling of what happens // *Inflexions*, 1, 8. Retrieved on October 10, 2023, from http://www.inflexions.org/n1_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf
- Meiyasu, K. (2015). *After the Finite: An Essay on the Necessity of Contingent*. Cabinet Scientist Publ. (In Russian)
- Manifesto of the Russian transhumanist movement. Retrieved on February 5, 2023, from <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>
- More, M. (1990). Transhumanism: toward a futurist philosophy. *Extropy*, 6, 6-12.
- More, M. (2003). Principles of extropy (Version 3.11): an evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition. *Extropy Institute*. Retrieved on February 5, 2023, from <http://www.extropy.org/principles.htm>
- Morton, T. (2019). *Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World*. Gile Press. (In Russian)
- Munster, A. (2006). Materializing new media embodiment. *Embodiment in Information Aesthetics*. Dartmouth College Press/University Press of New England.
- Nayar, P.K. (2013). *Posthumanism*. London: Polity.
- Parisi, L. (2008). The Nano-Engineering of desire. In N. Giffney, M. Hird (Eds.). *Queering the Non/Human* (pp. 283-309). Ashgate.
- Rotman, B. (2008). *Becoming Beside Ourselves: The Alphabet, Ghosts, and Distributed Human Being*. Duke University Press.
- Schatzki, T., Knorr-Cetina, K., Von Savigny, E. (Eds.). (2001). *The Practice Turn in Contemporary Theory*. Routledge.
- Schönplflug, K., Klappeer, C. M. (2017). Towards a posthumanist economics. The end of self-possession and the disappearance of Homo oeconomicus. In W. Richard, R. Albritton, J. Seongjin (Eds.). *Varieties of Alternative Economic Systems: Practical Utopias for an Age of Global Crisis and Austerity* (pp. 204-220). Routledge.

Smart, A, Smart, J. (2017). *Posthumanism. Anthropological Insights*. University of Toronto Press.

Sha Xin Wei. (2013). *Poiesis and Enchantment in Topological Matter*. MIT Press.

Venkova, A.V. (2021). Theoretical study of the phenomenon of immersiveness in object-oriented ontology and post-humanism. *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art Criticism*, 44, 5-13. (In Russian)

Vinge, V. (2019). *Singularity*. AST Publishing House. (In Russian)

Whatmore, S. (2006). Materialist returns: practising cultural geography in and for a more-than-human world. *Cultural Geographies*, 13, 600-609.

Wolfe, C. (2010). *What is Posthumanism?* University of Minnesota Press.

УДК 001.9

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-54-70

ПЛАТФОРМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТАДААННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И КОММУНИКАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Костина Алина Олеговна – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: akostina@mail.ru

В представленной статье анализируется роль использования метаданных и платформенных технологий в практике репрезентации исследований и трансформации научной методологии. Идея прогрессивной аккумуляции знания, с одной стороны, и адресного подхода, с другой, находят реализацию в сложной структуре организации платформ. Выдвигается гипотеза, что несколько ключевых баз цитирования стали одним из самых успешных коммерческих проектов в науке. Приводится объяснение этого успеха с точки зрения критической теории технологии Э. Финберга. Рассматривается проблема дискриминации исследований в рамках платформ и их возможные последствия для прогресса научного знания. Устанавливается связь между зарождением метаанализа как радикального метода систематизации данных, развитием платформ и актуальной повесткой, связанной с публикационной предвзятостью. Показано, как практика удаления статей с недобросовестными исследовательскими проектами становится примером «эффекта масштаба», оказывающего негативное влияние на реальную практику науки. Автор, опираясь на выводы исследований по поводу удаления статей из баз платформ, выдвигает соответствующую гипотезу «эффектов» в области эпистемологии, среди которых: эффект авторитета, эффект динамичного поля и эффект незапятнанной репутации. При рассуждении на тему возможной интеграции технологии блокчейн в работу платформ в статье приводятся аргументы в пользу не столько технической, сколько концептуальной нежизнеспособности данной идеи. В заключении описывается механизм становления артефактов технологической рациональности, какими являются платформы. Обозначаются причины того, что технологический дизайн становится наиболее рабочей версией современной технологической политики.

Ключевые слова: академическая платформа, блокчейн, аккумуляция знания, публикационная предвзятость, Э. Финберг, технологическая рациональность

Цитирование: Костина А.О. Платформенные технологии и метаданные: проблемы структурирования и коммуникации научного знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 54-70. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-54-70

Рукопись получена: 11 октября 2023

Пересмотрена: 16 ноября 2023

Принята: 21 ноября 2023

PLATFORM TECHNOLOGIES AND METADATA: THE ISSUES OF STRUCTURING AND COMMUNICATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Alina O. Kostina – PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St., 109240
Moscow, Russian Federation;
e-mail: akostina@mail.ru

The main focuses of this article are metadata and platform technologies in their representational practices of scientific achievements and transformative effect on scientific methodology. The idea of progressive accumulation of knowledge, on the one hand, and the addressed approach, on the other, both find themselves in the complex operational practice of platforms. The author puts forward a hypothesis that the biggest academic platforms present one of the greatest commercial successes in science. These successes are also explained from the standpoint of the critical theory of technology developed by A. Feenberg. The issue of publishing discrimination and misrepresentation is shown from the position of potential consequences for the progress of scientific knowledge. This study sets a relation between the early stages of meta-analysis, platform growth and actual publication bias agenda. It is shown, how the practice of article retraction has a size effect on the whole scientific field, causing damages to real scientific routine. The author presents an epistemic version of the “effects”, based on practical conclusions from article retraction of one of the researches, naming them the authority effect, the dynamic field effect and the untarnished reputation effect accordingly. Following the contemplation on the matter of inclusion blockchain into the full-fledged operational circle of academic platforms, the author presents an argument that a technically acceptable idea is not always the conceptually best one. Finally, the mechanism for establishment of technological rationality artefacts, such as platforms themselves, is clarified along with explanations of why technological design is the most efficient version of technological politics.

Keywords: academic platform, blockchain, knowledge accumulation, publication bias, A. Feenberg, technological rationality

How to cite: Kostina, A.O. (2023). Platform technologies and metadata: the issues of structuring and communication of scientific knowledge. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 54-70. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-54-70 (In Russian).

Received: 11 October 2023

Revised: 16 November 2023

Accepted: 21 November 2023

Введение

«Технология и связанная с ней техническая рациональность не являются политически нейтральными, потому что, хотя они и служат общим целям, таким как увеличение продуктивности труда, их специфичный дизайн и применение в условиях капитализма налагает иерархический контроль на производство и социальную жизнь в целом. В этом смысле их следует назвать не по-настоящему “свободными от ценностей”, а включающими в структуру своих целей контроль трудовых ресурсов» (Feenberg, 2023, p. 96). Таким образом Э. Финберг обобщает выводы Г. Маркузе относительно нейтрального статуса технологий, далее указывая, что подобное определение приводит лишь к ограничениям в рассмотрении проблемы. Нейтральность технологий – свойство, приписываемое им в социальном и политическом контекстах, упрощающее легитимацию их использования, но затрудняющее их критический анализ.

В данном исследовании будет рассмотрен ряд проблем, в которых решения технологического, инструментального порядка отражаются на социальном ландшафте областей их осуществления. Так, если выделять в качестве отдельной, особо значимой области публикацию научных результатов, то в качестве первичной проблемы обозначается необходимость систематизации их внушительного объёма. Среди принципиальных задач – не только поиск единого алгоритма, но и создание набора маркеров, превращающего систему в организованную как технически, так и концептуально. Для этого используются рубрики, разделы, ключевые слова, метаданные. Процесс систематизации определяет, таким образом, и возможность коммуникации организованного знания. Приведённые ниже примеры показывают, как технические вопросы превращаются в эпистемологические и этические. Проблемы в диапазоне от дискриминации работ, представленных на отдельных языках, из ряда стран мира, до «дурной бесконечности» цитирования работ, дискредитировавших собственную научную ценность – вот спектр критически важных вопросов, требующих внимательного рассмотрения. И хотя представляется затруднительным их детальный анализ в рамках одной работы, намеченные идеи помогут в определении дальнейших изысканий.

В исследовании будет совершён ряд переходов: начальной точкой становится анализ того, как необходимость глубокого анализа большого объёма исследовательских данных привела к появлению метаанализа, ставшего принципиальным методологическим звеном

в концептуализации устройства платформ. Далее рассматривается, как платформы, будучи технологически нейтральными, репрезентируют науку с изрядной долей искажений. Наиболее значимым из них становится дискриминация по языковому и геополитическому принципу. Дополнительную сложность представляет ограниченная соотнесённость механизмов опровержения научных открытий и их фиксации в научных базах (исключение из них статей, потерявших доверие). Осуществляется переход к анализу технологии, номинально не требующей применения категории доверия (блокчейн). Здесь технические и технологические вопросы представляются с эпистемологической и этической сторон, ещё раз показывается эфемерность понятия нейтральной технологии. Завершается анализ обращением к понятию технологического дизайна, рассматриваемого Э. Фингбергом в качестве единственного выхода из дискриминирующей практики применения технологий.

Рождение метавселенной: появление метаанализа и его роль в создании платформ

Для того чтобы лучше понять проблемы, с которыми системно сталкиваются учёные в рамках своей публикационной активности, отражаемой в данных платформ, вновь необходимо обратиться к следующему вопросу. В какой момент возникала острая потребность в повышении эффективности систематизации данных? Не менее важно спросить и о другом: как изменение подхода сказалось на качестве последующих исследований?

Несмотря на то, что платформы ассоциируются в первую очередь с реализацией технических и технологических решений, инсайт, связанный с необходимостью поменять подход к систематизации данных, пришёл из области психологии. К 1970-м гг. радикально возросший запрос на определение эффективности психотерапии, а значит, на обобщение множества существовавших однотипных исследований, привёл к мысли о необходимости не просто анализа, а метаанализа. Как известно, этот термин ввёл Г. Гласс (Glass, 1976). Любопытно, что сам он не связывает его появление с собственной исключительной креативностью. По заявлению Гласса, вдохновением послужило рассуждение его коллеги, философа М. Скривена, который ввёл термин метаэволюции как эволюции самой эволюции. Появление метаанализа говорит в пользу кумулятивного знания: «Метаанализ придаёт конкретную форму представлению о том, что кумулятивное знание возникает в науке посредством уникальной конфигурации количественного синтеза индивидуальных научных результатов» (Shadish, Lescy, 2015). Послевоенный публикационный бум привёл к необходимости искать новый эффективный, строго научный метод⁵. Он должен был

⁵ Сегодня дискуссия о научности, строгой объективности и идеале рациональности в эпистемологии, философии и методологии науки имеет не-

прийти на смену нарративному подходу, не справлявшемуся с анализом существующего объёма публикаций. Необходимо заметить, что выработка основных принципов метаанализа и начало его применения наталкивались на сопротивление в том сообществе, где зародилась потребность в нём. Так Ф. Шмидт, также один из первых теоретиков метаанализа, столкнулся с противоборством состоятельного сообщества психоаналитиков (Ibid.). В частности, его теоретические находки о возможности генерализации (Schmidt, Hinder, 1977). Согласно его исследованию, коэффициент эффективности⁶ (из расчёта которого психотерапевты получали отдельную плату от клиентов) ситуативно неспецифичен, а значит, обобщаем. Проблема заключалась ещё и в том, что до установленной возможности генерализации индивидуальный подсчёт тоже являлся количественным и «объективным» методом. Это дополнительно указывает на кризис нормативных определений в науке.

Метаанализ открыл принципиально новые возможности для анализа данных. В цитируемом выше исследовании В. Шадиш и Дж. Леси его возникновение сравнивают с Большим взрывом, иллюстрируя в стиле научных карт – визуального способа изображения множества связей (например, между цитируемыми статьями или тематиками исследований) – сходства возникновения вселенной и модели жизни научного сообщества. Данные визуальные модели, наряду с лежащим в их основе широким статистическим анализом, помогают наглядно представить принципы политики цитирования, которые также могут быть генерализованы. Например, почти для любого исследовательского поля характерна ситуация, когда «костяк» составляет лишь малое количество публикаций, которые будут процитированы в большом количестве исследований. В то же время большая часть статей либо будет процитирована мало, либо не будет процитирована вообще⁷.

Могут ли платформы дискриминировать?

Если мы говорим об организации знания, одним из ключевых факторов становится возможность его объективной репрезентации – в частности тогда, когда не представляется проблематичным поиск необходимых исследований по заданной и смежной тематике. Однако как само хранение, отражение результатов поиска (если речь идёт о базах), так и политика платформ могут производить дискриминирующий эффект.

В связи с охарактеризованным выше метаанализом и с приводимыми общими сведениями о возрастающей необходимости хранения большого массива данных и исследований вырисовывается

сколько иной характер, о чём было вскользь упомянуто выше. В следующих разделах также будет подниматься этот вопрос.

⁶ В данном случае эффективности психотерапии.

⁷ В соответствии с экспоненциальным законом (англ. *power law distribution*).

как методологическая, так и прагматическая необходимость новых способов обработки данных. При этом декларации о тотальной цифровизации и, как следствие, доступности материалов в реальности не создают ожидаемой полной и целостной картины аккумулярованного научного знания. Она искажается за счёт картины, избранной технологической политикой, которая в соответствии с идеями Э. Финберга (раздел «Технологическая политика и борьба за дизайн» данной статьи) имеет глубоко идеологические основания. Как следствие, большинство технических решений отражается на содержательной стороне. Базы цитирования одновременно отражают противоположные процессы – с одной стороны, потенциально значимые исследования имеют риск остаться незамеченными, так как поиск не отразит их среди основных результатов. С другой стороны, работы, содержащие ошибочные данные и расчёты, эксперименты, которые невозможно повторить, могут столь сильно влиять на прочие работы, что, даже будучи удалёнными, ещё несколько лет продолжают представлять угрозу для объективности исследований.

Тема трансформации методологии хранения накопленного знания синхронно демонстрируется как в области каталогизирования знания, его аналитики и метааналитики, так и в условных границах самой науки, непосредственно исследований. Границы можно назвать условными, потому что взаимный эффект, которым обладают проводимых исследований и способы его публичной (в рамках научного сообщества и более широкого общественного пространства) презентации, сам по себе требует отдельного рассмотрения.

В рамках эпистемологии поставлен вопрос о том, каким образом оценивать весь тот огромный публикационный массив. Один из принятых нарративов связан с прогрессивной аккумуляцией знания и свободным доступом к данным. Именно такой подход обеспечит будущее науки, являясь потенциальным источником идей, даже если некоторые из них не востребованы в настоящий момент. Другим подходом становится представление о предельно эффективной науке, в которой задаётся вопрос об адресате разрабатываемых исследований. Необходимо заметить, что в методологическом плане эти подходы могут быть обманчивы. Изначальная оценка может подсказывать, что неограниченное производство знания открывает более широкие исследовательские перспективы. Однако такой взгляд зачастую соседствует со строгим применением научного рационального метода, частным ограничением которого может стать редукционизм и полная деконтекстуализация. В то же время адресное знание связывается с контекстуальностью и ситуационистским подходом. Можно провести параллель между подходами в научной методологии и тем наукометрическим ландшафтом, в котором на сегодняшний день существует международное научное сообщество.

В последнее время в научной литературе, связанной с наукометрией, наблюдаются два тренда. Первый из них связан с внешней организацией жизни научного сообщества, во многом определяемой правилами публикационной политики. Второй – с принципами внутренней организации платформ или баз цитирования. Разделение это условно и необходимо для того, чтобы структурировать назревшую повестку. В целом обозначенный ниже корпус проблем показывает обеспокоенность членов научного сообщества перспективами репрезентации науки.

Дж. Теннет в заголовке своей работы (Tennent, 2020, web) заявляет, что две самые известные базы цитирования не являются международными базами знания. В подтверждение своих представлений он приводит в том числе графические данные, которые буквально можно назвать «картой науки», отражающей крайне контрастную публикационную картину мира. По заявлению автора, платформы «структурно предвзяты к исследованиям, производимым в не-западных странах, публикуемых не на английском языке, к исследованиям в области искусства, общественных и социальных наук» (Tennant, 2020, web). Заявление подкрепляется статистическими данными. Важнейшим показателем при этом становятся не столько абсолютные цифры, сколько соотношения, отражающие картину и существующие «перекося» более реалистично⁸.

Доминирующее положение нескольких признанных в международном сообществе баз цитирования можно назвать одним из самых успешных коммерческих проектов в науке. То принципиальное изменение баланса между частными и государственными научными проектами, которое, по мнению ряда теоретиков, произошло с упадком проектов «большой науки» и завершением гонки вооружений, значительно поменяло диспозицию сил, прежде всего в институциональном смысле⁹. Кадры, ещё вчера задействованные в крупных государственных проектах, зачастую были вынуждены переориентироваться на работу в коммерческих научных структурах. Вероятно, возникший синтез управленческих навыков, технологических и исследовательских возможностей не только изменил характер отношений, но и привёл к созданию платформ.

Одновременно и главным следствием, вызывающим обеспокоенность в разных странах, становится разница в значимости и влиянии международных и национальных баз цитирования. Система в целом диспропорциональна: существуют сотни национальных баз на несколько международных. Это логичным образом соотносится с политикой вхождения того или иного журнала в списки определённых платформ. Остаётся открытым вопрос о том, как опреде-

⁸ Так, на национальном портале Индонезии Гаруда приводится список в 9000 журналов, что почти в четыре раза больше, чем индексируется Скопусом во всём Тихоокеанском регионе (Tennant, 2020, web).

⁹ Речь идёт о Западной Европе и США, подробнее см.: Nowotny H., Scott P., Gibbons M. (2001). Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Polity Press.

лять общее состояние некоторой научной отрасли, если информация в целом остаётся фрагментированной. Существует масса ограничений, связанных с построением адекватной картины даже отдельных исследовательских областей. Помимо тех ограничений, которые уже обозначены в декларативном заявлении Дж. Тенната, существует ряд дополнительных. Так, Е. Петрович и Е. Талуссо говорят о проблемах, особенно актуальных в связи с репрезентацией общественных наук в базах цитирования (Petrovich, Tolusso, 2019¹⁰). Среди интересных проблем, не обозначенных выше, первую можно условно назвать «парадоксом монографий». Суть проблемы состоит в том, что монографии входят в базы цитирования, а вот список статей, которые цитируются в самой монографии, в список цитирований не попадает (если они не были процитированы в других, не-монографических, изданиях). Таким образом, возникает целый ряд работ, которые, повлияв на характер работы де-факто, не были учтены. Другие проблемы напрямую связаны с коммерческой организацией как платформ в целом, так и журналов, в них входящих, в частности. Одна из них связана с проблемой бесплатного доступа к материалам и регулярно освещается в заявлениях тех движений, которые выступают за открытую науку.

Помимо проблем международного этоса науки, попыток разрешения политических и этических вопросов, существует ещё и ряд технических проблем. Одна из самых, казалось бы, безобидных, но меняющих картину, основанную на метаданных, становится проблема однофамильцев. И, как показывает практика, чтобы работы людей с одинаковыми фамилиями были перепутаны или приписаны авторству другого, даже необязательно иметь одинаковые инициалы. Если при этом дополнительно учесть фактор популярности той или иной фамилии в отдельно взятой стране, то потенциальное количество ошибок значительно увеличивается. Ряд практических находок, собранных автором данной статьи, позволяет сделать вывод о значительном количестве ошибок – в частности, в описании коллективных трудов. Так, коллективная монография, написанная по социально-экономическим вопросам, после пары переходов пользователей на страницы указанных авторов, перемещается в совершенно другие исследовательские области, радикально меняется авторский состав. В монографию добавляют не действительных авторов, а их однофамильцев, занимающихся, например, минералогией или почвоведением. Выходит, что работа формально междисциплинарна и написана исследователями мало коррелирующих между собой областей. При этом метаданные публикации являются частью статистики и алгоритмов платформ и, вероятно, ложных прогностических и аналитических выкладок. Если для человека, который вручную исследует данную проблему, в определённый момент становится очевидным наличие ошибки, то для

¹⁰ Анализ производится на примере базы цитирования *Web of Science*.

систем, обобщающих данные и метаданные, это не так. При этом, как было заявлено ранее, применение технологических мощностей во многом стало необходимостью из-за ограниченности ресурсов отдельно взятых людей. Экспоненциально растущий корпус знаний не допускает возможности решения указанных вопросов вручную.

Удалённые публикации: эффект масштаба и ответственность научного сообщества

Публикационная предвзятость или публикационное смещение (англ. *publication bias*) является предметом множества исследований в научной литературе. Многие частные вопросы, о которых говорят в связи с этим исследователи, напрямую коррелируют с метаанализом (Rothstein, Sutton, Borenstein, 2005), а также с теми проблемами, которые обнаруживаются в работе академических платформ. Эта динамичная область занимается не только постановкой актуальных вопросов, но и обладает внушительным методологическим аппаратом, направленным на преодоление заявленных публикационных искажений. Неуклонно растущее число статей данной проблематики, однако, указывает и на то, что всё же решение данных проблем крайне затруднительно и дело уже не только в технологиях, но и в той этике, согласно которой осуществляется публикационная деятельность. Это область коллективной ответственности, которую должны разделять как публикующие издатели, так и публикующиеся ученые.

Ранее были обозначены замечания в адрес крупнейших платформ цитирования, одно из которых указывало на асимметрию в публикации статей общественных и естественных/технических наук. Признав существование такой проблемы, необходимо всё же задать вопрос: при каких обстоятельствах статью гуманитарного профиля могут удалить или изъять с платформы? Вероятнее всего, по причинам, связанным с плагиатом или с проблемами этического характера. Если же задаться тем же вопросом относительно статей естественно-научного и технического профиля, то к набору добавляется ещё несколько чрезвычайно значимых причин. Ключевыми из них становятся невозможность воспроизвести результаты экспериментальной части исследования, фабрикация и фальсификация данных. Сигналом к необходимости проверки может также стать необычайно высокий, по сравнению с другими периодами, уровень продуктивности автора.

Если осуществить поиск по запросу изъятых из публичного доступа статей (англ. *retracted articles*), можно обратить внимание на тот факт, что примеры во многих случаях берутся из области медицины. Выбор обоснован тем, что медицинские публикации напрямую связаны с реализацией, например, протоколов лечения. Значит, от качества и надёжности предлагаемых результатов потенциально зависят жизни людей. Именно здесь мы видим, что посредством интернета и онлайн публикаций последовательно

воплощается один из главных эффектов, связанный с формированием интерактивного сообщества и причастности к нему – эффект масштаба (англ. *size effect*). Ключевой проблемой становится то, что эффект масштаба публикации может иметь в качестве побочного эффект масштаба ошибки. В одном из исследований (Chen et al., 2013) было поставлено несколько вопросов, связанных с временными рамками, в пределах которых статья, содержащая недостоверную информацию, оказывает влияние на прочие публикации своей профессиональной отрасли. На извлечение статьи из публичного доступа уходит в среднем два года, ещё два года проходит до момента значительного уменьшения числа её цитирований. Ниже приведены три главных вывода статьи, которые можно также проанализировать эпистемологически:

1. Намного сложнее извлечь из публичного доступа статьи исследователей более высокого ранга: профессоров, директоров лабораторий, исследователей с более чем пятилетним зафиксированным опытом исследований (Chen et al., 2013, p. 239).

Данное явление можно обозначить как эффект авторитета или как форму эпистемического патернализма, связанного с восприятием неравных эпистемических возможностей участников процесса познания, подкреплённых авторитетом в научном сообществе.

2. «Если статья является частью быстро растущей области исследований, то последствия, связанные с влиянием удалённой статьи, будут более вредоносными, нежели в более медленно развивающейся области» (Ibid, p. 246).

Назовём это эффектом динамичного поля: новые исследовательские области состоят в негласной научной конкуренции. Им требуется быстрое укрепление позиций и оправдание претензий на перспективность работы в заявленном направлении.

3. «Проверка обоснованности (результатов) статьи, проводимая на основании ревизии списка цитирования, становится чрезвычайно сложной, если надёжность новой добавленной литературы определяется лишь непричастностью к удалённой статье» (Ibid, p. 251).

Это эффект незапятнанной репутации – по сути, эпистемическая ловушка, связанная с попыткой экономии мышления. Существует вероятность, что в новых источниках также может содержаться заведомо ложная информация. Проверять каждый источник следует отдельно, в ином случае также может проявиться эффект масштаба.

Рассмотренные в данном разделе проблемы можно легко представить в виде двухуровневой схемы, верхняя часть которой – уровень технических решений, а нижняя – реальной научной практики, испытывающей множество системных эффектов, масштаб влияния которых порой сложно спрогнозировать. В литературе, связанной со способами преодоления предвзятости публикации, зачастую предлагаются технические способы решения этических проблем. Предположение автора состоит в том, что их преодоление заключается в качестве отношений, выстраиваемых внутри научного сообщества. Тем не менее технические способы должны получать развитие. Даже если предположить, что не осталось ни одного учёного, намеренно фальсифицирующего данные, всегда остаётся место заблуждениям и непреднамеренным ошибкам, которые ровно таким же образом влияют на исследовательские области.

Блокчейн как структура недоверия

Исследования в области STS подхватили тему исследования новой технологии почти сразу после её появления. Как её технические характеристики, так и социальный контекст, исторический момент обнаружения, декларативные заявления о её свойствах – все факторы крайне удачно сложились вместе. Блокчейн (биткоин как продукт) представляет собой удивительный пример предельно анонимизированной технологии, всё же нашедший, возможно и выдуманное, но конкретное имя (Nakamoto, 2008, web). Описание технологии по форме напоминает манифест, в некотором роде им и являясь. Момент публикации оказался наиболее удачным из всех возможных – финансовый кризис 2008 г., подрыв доверия как к коммерческим структурами, приведшим к обвалу рынков, так и к официальным властям, своевременно не выполнившим свои контрольные функции. Именно тогда появилась криптовалюта, созданная посредством технологии, которая отвечала принципам децентрализации, надёжности, распределённости, отсутствия медиаторов операций и всего того, что было связано с рисками.

В цели данной работы не входит подробное описание технологии. Хотелось бы осветить один момент – наиболее важный, по мнению автора, для ответа на вопрос о применимости технологии блокчейн в научной среде.

Одним из самых сложных понятий, также определяющим характер отношений пользователей в рамках блокчейн, становится доверие. Его называют также распределённым или «доверием без доверия». Это с эпистемологической точки зрения становится непростым для анализа явлением. Принципы построения научного сообщества в его идеальной модели похожи на специфику реализации той системы, которая встроена в технологию. Каждый член сообщества, отдельно аккумулирующий знание, становится гарантом того, что высказываемая каждым иным исследователем идея

получит беспристрастную критическую оценку. Мы можем не испытывать доверия к каким-то результатам исследования в краткосрочной перспективе, но на длительных исторических отрезках всё построение науки основано на известной доли доверия предшествующей научной традиции¹¹.

В попытках концептуализации доверия при использовании криптовалют или технологии блокчейн возникают некоторые вопросы, которые можно определить на основании следующей идеи «Блокчейн создаёт новую конфигурацию доверия – разделённого. Доверие не возлагается на кого-то определённого в системе, но на систему в целом» (Jain, Chugh, 2021, p. 224). Необходимо заметить, что это довольно консервативное определение и на место слова «система» можно было бы поставить название любой институциональной организации. Внимание создателей технологии направлено на то, что мы можем доверять устойчивым связям внутри системы. Однако она не существует в изолированном пространстве, а её целостность может определяться характером окружающей действительности¹². Более того, представления о технологическом устройстве системы, её возможных модификациях могут стать предметом споров среди разработчиков: «Криптовалюты основаны на конфликтующих и соревнующихся представлениях о технологических стандартах, создающих фундаментальный раскол между участниками сети. ... Эти конфронтации производятся структурой сети и протоколами, формирующими разные центры, ответственные за принятие решений в каждом сообществе» (Bousfield, 2019, p. 303).

Институт доверия предполагает наличие рисков, которые приходится принимать, чтобы коммуникация продолжалась – идёт ли речь о науке, рынке или общественных отношениях. Отсутствие рисков предполагает отсутствие необходимости говорить о доверии. На данном этапе трудно сказать, что именно воспринимается обществом блокчейн как абсолютно надёжная технология. Вместе с тем необходимо признать, что её использование обозначило новый технологический виток, связанный со способностью сохранить данные, не допускать возможных ошибок – обезопасить саму систему консервации данных, уйти от страхов физического уничтожения условно единственного сервера, на котором они могут храниться. Однако создавать модели утопий на основании технологии блокчейн пока что было бы слишком смелым. Возникают также сомнения, сможет ли технология выполнять какие-либо задачи в области работы академических платформ, выходящие за пределы сохранения и контроля соответствия данных. Возвращаясь к выво-

¹¹ Даже если новые открытия приводили к радикальной смене представлений, они строились на опровержении существующих представлений с использованием определённого методологического и терминологического аппарата.

¹² Примером тому становится неустойчивый законодательный статус криптовалют.

дам предыдущих разделов, необходимо ещё раз заметить, что ряд вопросов, имеющих определённую техническую конфигурацию, не обладает технической природой.

Использование технологии блокчейн не только презентует технологическую модель, но и пытается переопределить для пользователей представление о стандартах коммуникации в сообществе. Если вчера науки, её прошлое, длилось на протяжении столетий и строилось вокруг создания эффективного института доверия, то сегодня оно трансформируется в алгоритм, где риски доверия слишком высоки, чтобы его практиковать. Любые посреднические институты воспринимаются как «страшное зло» системы во всех случаях, кроме тех, когда посредником становится сама система блокчейн со строго определёнными протоколами и порядком действий, который требуется неукоснительно соблюдать.

Когда мы рассматриваем, каким образом блокчейн можно было бы интегрировать в работу академических (или иного вида) платформ, то не сразу можем заметить всю серьёзность последствий этого процесса. То, что на уровне практики выглядит вполне нормально, являясь лишь версией технологического дизайна, на уровне эпистемологического анализа представляется почти как концептуальный франкенштейн. Платформы имеют посредническую роль в системе, но постоянно находятся в зоне критики и недоверия по причине недостаточной прозрачности работы заложенных в их основе алгоритмов. Мы хотим заменить непрозрачную (для нас) систему на более ясную, не допускающую ошибок. Проблема в том, что мы не можем заменить весь мощный инструментарий, формирующий соответствующую сложную аналитику и позволяющий получить столь комплексное научное знание. Использовать для решения ряда подвластных платформе задач – да; сделать моделью научной коммуникации – вряд ли.

Технологическая политика и борьба за дизайн

То, каким образом созданы и функционируют мощнейшие технологические инструменты современности, определяет не только степень организуемого порядка, но и характер социальной коммуникации сообществ и, не в последнюю очередь, способ распределения власти в них.

Э. Финберг убеждён, что технологический дизайн – один из важнейших элементов гражданской и политической жизни (Feenberg, 1997; 1999; 2002). Борьба за возможность создать свою версию дизайна приравнивается к борьбе за власть в обществе. Любая конфигурация дизайна имеет в первую очередь большую символическую нагрузку, а уже затем – технические характеристики. Реализованный в артефакте технический код становится социальным и политическим заявлением, отражающим определённую систему социальных связей. Одной из самых сложных проблем, решаемых на технологических уровнях, является перевод языка концептуаль-

ных задач на уровень технического кода. Попытка организовать прямую дискуссию между философами науки и разработчиками (Moats, Seaver, 2019) в рамках эксперимента, при котором представители двух этих областей стремились провести продуктивное обсуждение нюансов такого «перевода», не увенчалась успехом. Разработчики отвергли возможность диалога, назвав его «играми разума», хотя в действительности они ежедневно трансформируют концептуальные формулировки в язык кода.

Как утверждает исследователь творчества Э. Финберга Г. Киркпатрик, артефакты сформированы социально «до самого основания» (Kirkpatrick, 2017, p. 82). При этом воплощённая в артефакте технологическая рациональность направлена прежде всего на самосохранение и доминирование и, таким образом, консервативна. Зачастую то, что обозначают как революционную технологию, может не обладать революционным потенциалом относительно собственной организации. А значит, будет стремиться к превалированию над возможными конкурентными подходами в реализации обозначенных задач.

Если вернуться к заявлениям Дж. Тенната относительно доминирования только двух платформ во всём глобальном академическом сообществе, то на языке критической теории технологии Э. Финберга это рассматривалось бы как их победа в борьбе за власть посредством технологического дизайна. Э. Финберг делал акцент на решении вопроса демократизации технологии через её реэстетизацию. В целом же это не что иное, как проект успешного воплощения технической политики. «Пространство осознанной деятельности в её связи с технологией, принятый вызов дизайна и практики его использования являются настоящей политикой, потому что напрямую затрагивают функционирование структур власти современного общества и представляют собой настоящую проблему сохранения системы» (Kirkpatrick, 2020, p. 10).

Э. Финберг не только прибегает к анализу текущего положения дел, но и рассматривает возможность выхода из тупика доминирования отдельных технических кодов. Он утверждает необходимость демократизации процесса технологического дизайна, усматривая такую возможность в открытом соревновании технических кодов. Каждый из них воплощает определённую социальную базу и выражает соответствующие ей смыслы. С данной точки зрения, возникающие альтернативы воплощают в первую очередь не технические решения, а стоящие за ними идеи – например, открытого доступа к публикационным материалам.

Вместо заключения

Такой важный для исследователя момент демократизации технологии, а через неё и системы отношений, резонирует с более фундаментальным уровнем пересмотра научных методологий. Изначально расценённый как маловероятный, но впоследствии ока-

завшийся вполне продуктивным союз различных методологий науки объединяет главное стремление – разнообразить научные методы, тем самым глобально освободив их. Реальным воплощением таких установок становится хотя и медленное, но внедрение метода «точки зрения» (Harding, 2008), ассоциированного с важностью контекстуального знания, опыта эпистемического агента и со справедливым определением параметров надёжности его свидетельства.

Изменение исследовательской методологии будет неизбежно отражаться на характере репрезентации результатов в рамках систем упорядочивания знания. Новые рубрикаторы и категории не могут возникать, если работа платформ будет носить исключительно технический характер. Как было показано выше, в исследовательской деятельности практически невозможно избежать ошибок. Они могут иметь технический, эпистемический или структурный характер. Несмотря на свою различную природу, в подавляющем большинстве случаев ошибки обладают масштабным системным эффектом. Выработка должного научного этоса, с одной стороны, становится декларацией самого надёжного решения, а с другой – базируется на кропотливой работе в рамках разрешения как концептуальных, так и технических проблем.

Технологические платформы структурируют практики множества общественных и частных институтов и организаций. Академические платформы (их отдельный вид) содержат как данные о самих научных публикациях, так и метаданные об их авторах и организациях, проектах, в рамках которых производилась работа. Предоставляя возможность использования значительного количества инструментов, они способствуют всестороннему анализу публикационной активности. Наряду с этим, академические платформы отражают картину как вертикальных, так и горизонтальных взаимодействий в рамках многочисленных научных сообществ. Платформы являются носителями не только больших данных (англ. *big data*), но и больших метаданных. Последние делают возможной не только аналитику, но и прогностику будущего развития отдельных исследовательских отраслей, сетей взаимодействий в рамках локальных и глобального научных сообществ. На основании метаданных можно установить связи между академическими институтами, а также внутри исследовательских коллективов, определить актуальные в заданный момент времени исследовательские области и тренды. Развитая система платформенной аналитики и визуальный инструментарий дают возможность произвести такое разнообразие аналитических обзоров, что можно было бы говорить даже о создании проекта платформенной социологии науки. При обозначенном потенциале внимание к проблемам дискриминации и методологическим сложностям должно служить выстраиванию более адекватной научной картины с возможностью неискажённой коммуникации внутри научных сообществ и организаций различных уровней.

Перечисленные выше качества указывают на широкий спектр возможностей для развития наукометрии и науки о науке. Изначальный же смысл использования платформенных технологий был связан преимущественно с эффективным хранением научно-исследовательской информации. Появление академических платформ сделало возможным решение проблемы систематизации крайне значительных объёмов публикаций. Вопрос прогрессивно возрастающего уровня публикационной активности заставляет задуматься о пределе возможностей аналитической обработки выпускаемых материалов. Это воплощает дилемму не только строго организационного характера. Она имеет более фундаментальный уровень и затрагивает проблему научного прогресса и сопряженной с ним аккумуляции знания.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы / References

Bousfield, 2019 – Bousfield, D. (2019). Crypto-coin hierarchies: social contestation in blockchain networks. *Global Networks*, 19 (3), 291-307. <https://doi.org/10.1111/glob.12241>

Chen et al., 2013 – Chen, C., Hu, Z., Milbank, J., Schultz, T. (2013). A visual analytic study of retracted articles in scientific literature. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 64 (2), 234-253. <https://doi.org/10.1002/asi.22755>

Feenberg, 1997 – Feenberg, A. (1997). *Alternative Modernity: the Technical Turn in the Philosophy and Social Theory*. University of California Press.

Feenberg, 2002 – Feenberg, A. (2002). *Transforming Technology: a Critical Theory Revisited*. Oxford University Press.

Feenberg, 2023 – Feenberg, A. (2023). *The Ruthless Critique of Everything Existing: Nature and Revolution in Marcuse's Philosophy of Praxis*. Verso Press.

Feenberg, 1999 – Feenberg, A. (1999). *Questioning Technology*. Routledge.

Harding, 2008 – Harding, S. (2008). *Sciences from below*. Duke University Press.

Glass, 1976 – Glass, G. V. (1976). Primary, secondary and meta-analysis of research. *Educational Researcher*, 5, 3-8.

Grover et al., 2021 – Grover, B. A., Chaudhary, B., Rajput, N. K., Dukiya O. (2021). Blockchain and governance: theory, applications and challenges. In S.S. Tyagi, S. Bhatia (Eds.). *Blockchain for Business: How it Works and Created Value* (pp. 113-140). Scrivener Publishing. <https://doi.org/10.1002/9781119711063.ch6>

Jain, Chugh, 2021 – Jain, N., Chugh, K. (2021). Security concerns of blockchain. In S.S. Tyagi, S. Bhatia. (Eds.). *Blockchain for Business: How it Works and Created Value* (pp. 201-230). Scrivener Publishing.

Kirckpatrick, 2017 – Kirckpatrick, G. (2017). Towards reconciliation or mediated non-identity? Feenberg's aesthetic critique of technology. *Thesis Eleven*, 138 (1), 81-88. <https://doi.org/10.1177/0725513616689391>

Kirckpatrick, 2020 – Kirckpatrick, G. (2020). *Technical Politics*. Manchester University Press.

Moats, Seaver, 2019 – Moats, D., Seaver, N. (2019). You social scientists love mind games: Experimenting in the “divide” between data science and critical algorithm studies. *Big Data & Society*, 6 (1). Retrieved October 8, 2023 from <https://doi.org/10.1177/2053951719833404>

Nakamoto, 2008, web – Nakamoto, S. (2008) Bitcoin: a peer-to-peer electronic cash system. *DigiNole: FSU's Digital Repository*, October 31. Retrieved October 8, 2023 from <https://diginole.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu:803203/datastream/PDF/view>

Petrovich, Toluoso, 2019, web – Petrovich E., Toluoso E. (2019). Exploring knowledge dynamics in the Humanities. *Journal of Interdisciplinary History of Ideas*, 16. Retrieved October, 8, 2023 from <http://journals.openedition.org/jihi/311>

Rothstein, Sutton, Borenstein, 2005 – Rothstein, H. R., Sutton, A. J., Borenstein, M. (2005). *Publication Bias in Meta-Analysis: Prevention, Assessment and Adjustments*. John Wiley & Sons.

Shadish, Lecy, 2015, web – Shadish, W. R., Lecy, J. D. (2015). The meta-analytic big bang. *Research Synthesis Methods*, 6 (3), 246-264. Retrieved October 8, 2023 from <https://doi.org/10.1002/jrsm.1132>

Schmidt, Hinter, 1977 – Schmidt, F. L., Hinter, J. E. (1977). Development of a general solution to the problem of validity generalization. *Journal of Applied Psychology*, 62, 529-540.

Tennant, 2020, web – Tennant J. P. (2020). Web of Science and Scopus are not global databases of knowledge. *European Science Editing*, 46. Retrieved October 8, 2023 from <https://doi.org/10.3897/ese.2020.e51987>

УДК 101.1; 316

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-71-84

ГЕНЕАЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАВИЛ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОГО ПОВОРОТА

Кушнир Тимофей Андреевич – студент, кафедра социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1;
e-mail: kusnirtima7@gmail.com;
ORCID: 0009-0001-3662-4216

Проведённый автором анализ теории коммуникации в контексте цифрового поворота даёт комплексную основу для понимания эволюции коммуникации и тех вызовов, с которыми она сталкивается в цифровую эпоху. Автор предлагает расширить традиционную модель коммуникации, включив в неё два новых участника: символических и инфраструктурных посредников. Символические посредники осуществляют семантический отбор и помогают пользователям разобраться в огромном количестве доступной информации. Инфраструктурные посредники, к которым относятся рекомендательные алгоритмы, поисковые системы и платформы социальных сетей, обеспечивают необходимую инфраструктуру для коммуникации в цифровой сфере. Автор подчёркивает эволюционный характер коммуникации. Одним из главных достижений цифрового поворота стало преодоление эпистемологической проблемы коммуникации. Благодаря посредникам коммуникации значительно увеличилось количество доступного знания, что позволило пользователям получать и анализировать огромный массив информации. Однако такое информационное изобилие породило проблему перенакпления смыслов. Пользователям становится трудно ориентироваться в огромном цифровом пространстве и извлекать значимую информацию. Для решения этой проблемы цифровые платформы внедрили механизмы фильтрации, которые персонализируют контент в зависимости от интересов пользователей. Это помогает пользователям справиться с информационной перегрузкой, но в то же время создаёт потенциальные проблемы. Фильтрация контента может привести к возникновению цифрового пузыря, ограничивающего знакомство с различными точками зрения, а также к проблемам цензуры, когда определённая информация подавляется или скрывается на основе различных критериев. Чтобы найти баланс, автор вводит концепцию «альтернатива», состоящую из трёх правил цифрового взаимодействия: утверждение необходимости, отрицание существующего знания и актуализация альтернативы.

Ключевые слова: системно-коммуникативный подход, теория коммуникации, Луман, цифровые пузыри, цензура, альтернатива

Цитирование: Кушнир Т.А. Генеалогия коммуникативных правил в контексте цифрового поворота // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4.

C. 71-84. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-71-84

Рукопись получена: 11 октября 2023

Пересмотрена: 2 декабря 2023

Принята: 4 декабря 2023

GENEALOGY OF COMMUNICATIVE RULES IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TURN

Timofey A. Kushnir – 4th year student, Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;

e-mail: kusnirtima7@gmail.com;

ORCID: 0009-0001-3662-4216

The author's analysis of communication theory in the context of the digital turn provides a comprehensive framework for understanding the evolution of communication and the challenges it faces in the digital age. The author proposes extending the traditional model of communication to include two new actors: symbolic and infrastructural mediators. Symbolic mediators perform semantic selection and help users make sense of the vast amount of digital information available. Infrastructural mediators, which include recommendation algorithms, search engines and social media platforms, provide the necessary infrastructure for communication in the digital sphere. The author stresses the evolutionary nature of communication. One of the major achievements of the digital turn has been to overcome the epistemological problem of communication. Through these intermediaries, access to knowledge has greatly increased, allowing users to obtain and analyze a vast amount of information. However, this abundance of information has created the problem of meaning overload. It becomes difficult for users to navigate the vast digital space and extract significant meanings. To address this problem, digital platforms have introduced filtering mechanisms that personalize content based on users' interests. While this helps users cope with information overload, it also creates potential problems. Content filtering can lead to a digital bubble that limits exposure to different points of view, as well as problems of censorship, where certain information is suppressed or hidden based on different criteria. In order to find a balance, the author introduces the concept of "alternative", which consists of three rules of digital interaction: assertion of necessity, negation of existing knowledge and actualisation of an alternative.

Keywords: systemic-communicative approach, communication theory, Luhmann, digital bubbles, censorship, alternative

How to cite: Kushnir, T.A. (2023). Genealogy of communicative rules in the context of the digital turn. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 71-84. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-71-84 (In Russian).

Received: 11 October 2023

Revised: 2 December 2023

Accepted: 4 December 2023

Введение

В социальной теории выделяются три великих события (Болыц, 2011): изобретение письменности, печатного станка и компьютера (цифровых технологий). Как показывает М. Маклюэн, «человек до-письменной культуры – это не то же самое, что человек после изобретения письма» (Маклюэн, 2022; [цит. по: Ветушинский, 2016, с. 22]). Так и изобретение цифровых технологий делает «пересборку» общества и человека, существенно трансформируя хабиитуализированные практики (Бергер, Лукман, 1995, с. 33-63), субъективную реальность индивида, повседневность обывателя.

В связи с этим сегодня, с развитием цифрового взаимодействия, вопрос о способах распространения информации стал актуальным, чего не наблюдалось ранее. Так, например, в работе «Медиа коммуникации» (Луман, 2005, с. 22-26) один из крупнейших социологов XX в. Н. Луман уделяет лишь четыре страницы проблеме медиа распространения и медиа успеха. Во многом это связано с тем, что сам автор не застал цифровую эпоху, а электрические и печатные медиа не оказывали серьёзного влияния на сообщения. Среда и медиум играли роль «информационного курьера», в то время как сейчас это необходимый участник цифровой коммуникации, который не только предоставляет инфраструктуру для взаимодействия, но и определяет смыслы, заложенные в сообщениях, через процедуру фильтрации и отбора. Таким образом, в цифровой среде средства распространения играют не только функциональную, но и символическую роль.

Цифровые медиа решили проблему доступа и доступности знания, но в то же самое время привели к информационным перегрузкам пользователей. В качестве ответной меры, обеспечивающей когнитивную и психологическую безопасность, были предложены проекты цифровой гигиены, направленные на предотвращение манипулирования сознанием обывателя, ликвидацию негативных эффектов цифровой коммуникации, в том числе манипулирования в Сети. В связи с этим текущее исследование направлено на изучение феномена цифровой коммуникации, а также на выявление на основе анализа наиболее релевантных текущему положению вещей правил цифровой коммуникации.

Расширение модели коммуникации

Обычно при определении понятия коммуникации используют метафору переноса. Сообщение переходит непосредственно от одного участника к другому (Луман, 2007, с. 195). Данное положение фиксирует базовую модель коммуникативного акта: адресант –

сообщение – адресат. Впоследствии представление о коммуникативной модели расширялось; в частности, М Маклюэн добавил два новых элемента: медиа как средство распространения коммуникации, – к ним относятся язык, печать, телевизор, – и среда распространения коммуникации, например, социокультурный или политический контекст высказывания (Маклюэн, 2003). Следовательно, смысл любого сообщения не просто переносится от адресанта к адресату, а трансформируется в зависимости от условий и средств распространения.

Существенный вклад в развитие коммуникативной «онтологии» внесли разработки Шеннона и Уивера в области математической модели коммуникации. Основная заслуга данных авторов состоит в техническом рассмотрении коммуникативной модели и понятия сообщения. По мнению Шеннона и Уивера, коммуникативная модель состоит из таких элементов как: адресант, передатчик, шумы, приёмник и адресат. Сообщение при этом проходит через преобразование: сначала сообщение превращается в сигнал, а затем принятый приёмником сигнал преобразуется обратно в сообщение (Shannon, Weaver, 1964). В этой связи крайне важным элементом модели являются *шумы*, так как они способны изменить содержание сообщения.

Н. Луман разработал социально-эпистемологическую концепцию коммуникации в контексте теории систем (Луман, 2007). Так, например, коммуникативное взаимодействие с другим человеком есть не просто обмен смыслами, а условие существования общества. Коммуникация – это всегда отбор смыслов из репертуара сообщений (Луман, 2007, с. 196-197). В то же время коммуникация есть интеграция в социальную систему на основе кода: законно/незаконно, власть/безвластие, платить / не платить и т. д. У каждой социальной системы есть символически генерализованные медиа, придающие завершённость и структурную устойчивость коммуникативному акту – например, язык, власть, любовь и т. п.

Значимые изменения в структуру коммуникации привнесло развитие цифровых технологий и появление сетевого общества, где всё большую роль начинают играть *посредники коммуникации*, которые осуществляют распространение информации и символический отбор при интерпретации коммуникативного сообщения. Можно выделить два типа посредников: инфраструктурные и символические. Первые отвечают за средства распространения коммуникации – например, цифровые платформы. Они обеспечивают инфраструктуру для обмена информацией между участниками коммуникации. Символические посредники выполняют функцию смыслового отбора между участниками коммуникации и сообщением.

Феномен коммуникативного посредничества не нов. Письменность и язык так же, как и цифровые платформы, являются инфраструктурными посредниками в коммуникативном акте (Маклюэн,

2022). Ключевое отличие состоит в структуре коммуникативного взаимодействия. Так, язык – это расширение коммуникации в пространстве, но владение языком – это владение одним или несколькими языками. Более того, распространение сообщения в языке в дописьменную культуру было ограничено силой голосовых связей адресанта и силой слуха адресата. А письменность – это расширение коммуникации во времени (Луман, 2005, с. 26-54) посредством письменных источников, возможность ознакомиться с сообщением, которое было создано в далёком прошлом. Однако остаются языковые границы, и, более того, если есть книга, то это всегда конкретная книга, а не все книги сразу.

Как для письменности, так и для языка характерна гносеологическая проблема доступа и доступности знания, заложенного в общении. При этом знание используется в его обыденном смысле, то есть как совокупность фактов, информации, навыков и опыта, усвоенных и понимаемых человеком и используемых им для взаимодействия с миром. Гносеологическую проблему коммуникации преодолели цифровые технологии, объединив время и пространство в едином цифровом универсуме, доступ к которому опосредован наличием цифровой техники и доступом в Сеть.

Невозможность и возможность коммуникации

Коммуникация для своего осуществления предполагает наличие участников коммуникации: адресат, адресант и непосредственно коммуникативные связи, через которые она будет осуществляться. В этой связи происходят обработка информации и взаимодействие с ней. Иными словами, требуется проведение работы со смыслами. Переход сообщения в информацию сопряжён с условиями возможности понимания и обработки исходящих и входящих смыслов.

Невозможность коммуникации связана с тремя аспектами. Во-первых, невероятно, что участники коммуникации работают в едином смысловом поле, то есть понимают друг друга. Во-вторых, невероятно, что коммуникативный обмен будет происходить между людьми, которые физически не находятся рядом друг с другом. В данном аспекте проблема лежит в пространственном и временном измерении. В-третьих, невероятным является сам успех коммуникации – например, потому что человек может оказаться от участия в коммуникативном акте (Луман, 2000). Таким образом, поднимается вопрос о возможности коммуникации. Можно утверждать, что она есть и осуществляется, именно по этой причине и возможно общество (Луман, 1994). Но, с другой стороны, сама коммуникация оказывается невозможной.

Коммуникация может состояться благодаря механизмам, повышающим вероятность коммуникативного успеха и принуждающим к ней. К числу первых относятся средства распространения коммуникации, решающие проблему доступа и доступности зна-

ния; к последним – символически генерализованные медиа, придающие мотивацию и завершённость коммуникативному акту (Луман, 2011, кн. 2., с. 152-241).

К средствам распространения цифровой коммуникации относят платформы, являющиеся инфраструктурными посредниками между различными смыслами и пользователями (Срничек, 2020, с. 128). Платформы решают гносеологическую проблему коммуникации, проблему доступа и доступности знания. Например, вневременное и внепространственное взаимодействие пользователей в цифровом пространстве. Более того, современные технологии перевода в значительной степени упростили межкультурное взаимодействие за счёт развития технологий перевода. Но появилась другая проблема, связанная с перенасыщением информацией: в последнее время активно наблюдается процесс перепроизводства знания, в том числе научного (Антоновский, 2023), из-за чего пользователи теряются в цифровом измерении.

Платформами был найден выход в развитии и внедрении алгоритмов обработки, отбора и фильтрации информации в соответствии с интересами пользователя. Цифровая коммуникация в современном мире обеспечивает нам огромное количество информации, доступной в реальном времени. Однако при таком избытке данных пользователи сталкиваются с проблемой эффективной обработки этой информации. Вместо того чтобы получить полное представление о различных взглядах и мнениях, они оказываются запертыми в своих собственных цифровых пузырях. Алгоритмы обработки и фильтрации стали неотъемлемой частью цифровых платформ. Они анализируют предпочтения и поведение пользователей, чтобы подобрать и предложить им информацию, которая может быть наиболее интересной и релевантной. В результате формируются цифровые пузыри – ограниченные сферы информации, которые отражают и подтверждают существующие убеждения пользователей.

Подобное положение вещей имеет свои *плюсы и минусы*. С одной стороны, оно обеспечивает персонализированный опыт, предоставляя пользователям содержание, которое, скорее всего, заинтересует их. С другой стороны, такая фильтрация может усилить существующие предубеждения и ограничить экспозицию к разнообразным точкам зрения и информации. Более того, платформы активно собирают данные о пользователях, чтобы лучше понять их предпочтения и поведение. Это позволяет им ещё точнее настроить цифровые пузыри и предлагать более релевантную информацию. Однако такой подход может вызывать опасения с точки зрения приватности и использования личных данных (Паризер, 2012).

Данный подход известен как метод веб 2.0 (O'Reilly, 2005, web). В соответствии с ним увеличение качества взаимодействия прямо пропорционально увеличению количества взаимодействия. Иными словами, чем больше вы вступаете в коммуникацию, тем лучше будет качество взаимодействия. Веб 2.0 выступает в качестве тех-

нологии символического посредничества. Это стало возможным благодаря развитию алгоритмов обработки запросов и цифровой коммуникации, которые на основании действий пользователя подстраиваются под его интересы (Гуров, 2019). Это позволило преодолеть перенасыщенность информационного пространства пользователя, но в то же время привело к формированию цифровых пузырей, когда люди получают только результаты поиска и обновления, соответствующие их интересам и в то же время подтверждающие их собственные убеждения. Веб 2.0 – это система ауто-поэтическая, то есть способная к самовоспроизведению безотносительно внешнего воздействия. Таким образом, с одной стороны, цифровые пузыри являются самодостаточными и автономными, но с другой стороны, они приводят к самозакликиванию, ограничению информационного потока и цифровой коммуникации.

Коммуникативные барьеры и цензура

Коммуникативные барьеры выполняют функцию по ограничению и предотвращению распространения сообщения и смыслов. Можно выделить три основных типа коммуникативных барьеров. Технические барьеры могут возникать в процессе передачи информации между участниками коммуникации из-за технических или физических ограничений. Например, проблемы, связанные с неисправностью оборудования, ограниченной доступностью средств коммуникации, низким качеством связи и другими техническими затруднениями. Социокультурные и языковые коммуникативные барьеры возникают тогда, когда люди из разных социокультурных сред и говорящие на разных языках вступают в коммуникацию. Эти барьеры связаны с различиями в нормах поведения, вербальных и невербальных средствах общения, культурных обычаях и традициях.

Административные коммуникативные барьеры связаны с формальными правилами и процедурами, которые могут создавать препятствия для коммуникации между индивидами или группами. Они могут проявляться в различных сферах, таких как бизнес, государственное управление и образование. Примерами таких барьеров могут являться бюрократические процессы, сложные правила отчётности и документации, ограниченный доступ к информации, формальные иерархические структуры и др. Административные коммуникативные барьеры могут затруднить поток информации и создать преграды для достижения целей и решения проблем через совместное взаимодействие. Стоит отметить, что такие барьеры могут возникать не только в государственных организациях, но и в крупных корпорациях, информационных технологических компаниях и других сферах. Более того, недавние исследования также указывают на возможное вмешательство таких платформ, как цифровые социальные сети и онлайн-платформы, в коммуникацию, что также может создавать административные коммуникативные барьеры.

еры. В итоге эти барьеры могут выполнять цензурирующую функцию в цифровой коммуникации, регулируя обмен информацией и взаимодействие между участниками.

Цензура – это сложное явление, которое охватывает два важных смысловых аспекта: аксиологически-этический и ограничительный (Зеленов, 2013). Первый аспект цензуры связан с наличием определённых ценностных ориентиров и представлений о том, что считается правильным, допустимым или нежелательным в информационном контенте. Ценности играют ключевую роль в определении того, что должно быть в сообщениях, текстах или других формах выражения. Например, общественные или культурные ценности могут диктовать, что тот или иной тип контента считается морально неприемлемым или даже вредным для общества. В этом контексте ценностные установки и этические принципы формируют основу для определения, какие материалы должны быть разрешены, а какие запрещены.

Второй аспект цензуры связан с идеей контроля и регулирования информации на основе аксиологических и этических установок. Здесь «чужой» контент подвергается анализу и сравнивается с эталоном «правильного» или приемлемого с точки зрения установленных ценностей контента. Если обнаруживается несоответствие, то информация может быть подвергнута ограничениям, блокировке или доступ к ней будет ограничен. Этот процесс может быть осуществлён различными способами, такими как модерация контента, фильтрация или блокировка на цифровых платформах. Так, к примеру, социальные медиаплатформы могут применять алгоритмическую фильтрацию для удаления контента, нарушающего их политику, – например, содержащего призывы к насилию или распространяющего ложную информацию, – чтобы обеспечить безопасность и достоверность информации для пользователей (Оленев, 2015).

Применение ограничений через цифровые платформы может быть опасным для пользователя, так как является малозаметным и трудным для выявления. Ограничения могут включать в себя алгоритмическую фильтрацию контента, анализ текста с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения, а также ручную модерацию, в результате которой контент не будет удаляться, а перестанет появляться в рекомендациях пользователю. Это вызывает дискуссию о прозрачности и справедливости, так как эти механизмы могут привести к подавлению разнообразных точек зрения и свободы слова (Ноу, 2022).

Цензура имеет множество аспектов и может функционировать как средство контроля над информацией с точки зрения аксиологических и этических норм. В то же время её применение на цифровых платформах не оставляет место для дебатов о свободе выражения и доступе к информации, приводит к цифровому неравенству (Полякова, 2018).

Понятия цифровой цензуры и цифровых пузырей кажутся схожими, однако, как указано выше, в их основе лежат совершенно разные механизмы. Если цифровые пузыри появились в результате преодоления невозможности коммуникации и являются производными от средств её распространения, то появление цензуры связано с барьерами коммуникации, призванными её прервать или не допустить вовсе. И цензура, и цифровые пузыри – это инфраструктурные сложности в коммуникации, порождающие уязвимости для пользователя и открывающие потенциал для различного рода манипуляций. В результате этого пользователь оказывается между Сциллой в виде цифрового пузыря и Харибдой в виде цензуры.

Правила коммуникации и «альтернатива»

Один из проектов коммуникативных правил – «принцип кооперации» – был предложен Г. П. Грайсом (Grice, 1975, pp. 41-48). В соответствии с данным принципом коммуникативный вклад на каждом шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога (Петрякова, 2013).

Принцип кооперации предполагает, что в ходе коммуникации участники взаимодействия стараются сделать свои высказывания максимально ясными и релевантными для собеседника, чтобы обеспечить понимание и эффективное общение. Однако это правило имеет допущение, так как действительно только в том случае, если все участники коммуникации понимают его и способны его применить. В цифровом общении могут возникать ситуации, когда одна сторона не знакома с этим принципом или не способна его соблюдать. Цифровой поворот привёл к глобальной связности и возможности общения между людьми разных культур и языков, что привело к появлению мультикультурных сообществ, где участники имеют разные ценности и религиозные установки. Это может создавать противоречия в трактовке данного принципа. Также в цифровом общении часто нет физического присутствия участников, и коммуникация может происходить через текстовые сообщения, мультимедийный контент и т. д. Это означает, что акцент может смещаться с непосредственного межличностного общения на обработку и анализ информации, которая передаётся через цифровые средства. Это также создаёт новые вызовы и возможности для эффективной коммуникации.

В противовес данному положению автором предлагается концепция альтернативы, которая может быть сформулирована в виде трёх правил цифровой коммуникации.

Утверждение необходимости. Коммуникация в цифровой эпохе должна иметь чётко сформулированную цель, которая помогает достичь определённого результата или расширить горизонт познания. Здесь следует отметить, что многие алгоритмы, которые используются в таких социальных сетях, как, например, *TikTok*, стремятся предоставить пользователю максимальное количество раз-

нообразной информации в короткие промежутки времени. В таком контенте часто отсутствует явная целеполагающая составляющая. Пользователи получают информацию из самых разных сфер и источников, но редко задаются вопросом о её смысле и ценности.

Отрицание имеющегося знания. Всякое незнание является результатом знания. Это означает, что знание, имеющееся у пользователя, крайне ограничено по отношению ко всему знанию, к которому у него есть доступ. Иначе говоря, всегда есть другое знание, представляющее альтернативную точку зрения.

Актуализация альтернативы. В условиях доступа к различным цифровым платформам и множеству источников информации важно не только признать наличие альтернативного знания, но и ознакомиться с ним. Для преодоления фильтров и цензуры в цифровой среде, а также для получения более полного и объективного представления следует использовать различные цифровые платформы и анализировать информацию с разных точек зрения, что поможет принимать более обоснованные и информированные решения.

Концепция альтернативы в цифровой коммуникации призывает к осознанности целей коммуникации, признанию ограниченности собственного знания и активному поиску, а также к анализу альтернативных точек зрения и источников информации. Этот подход способствует более глубокому и информированному взаимодействию в цифровой среде. Концепция альтернативы действительно позволяет преодолеть Сциллу и Харибду цифрового пространства в виде цензуры и цифровых пузырей, а также сформировать новый подход к анализу коммуникации, исключающий из анализа знания субъективный фактор Другого.

Но в то же время важно отметить ограничение данного подхода. Коммуникация может быть двух видов: информативная и интегративная (Антоновский, 2012). С позиции системно-коммуникативного подхода информативной коммуникацией считается та, что в своей основе предполагает наличие гносеологического интереса. Цель такой коммуникации – само потенциальное знание, которое пользователь может получить из взаимодействия. Интегративная коммуникация в свою очередь – это элемент ауто-поэзиса, отвечающий за самовоспроизводство социальной системы, поддержание и интеграцию новых участников, так как ценна не информативность взаимодействия, а сама коммуникативная связь. Следовательно, правила концепции альтернативы не могут быть применены к интегративной коммуникации. Концепт альтернативы призван отвечать за коммуникацию, в которой заранее установлена цель и которая способствует ориентации пользователя в цифровом пространстве смыслов.

Заключение

Автор данного исследования опирается на теоретические работы Н. Лумана, который выделяет фундаментальные проблемы до-

стижения информативной коммуникации в контексте цифрового поворота. В данном исследовании с позиций социальных наук рассматриваются проблемы, возникающие в связи с цифровыми платформами, и подчёркивается их важность в современном цифровом ландшафте. Рассматривается структура коммуникации, включающая два новых элемента (инфраструктурные и символические посредники), которые влияют на сообщение двумя ключевыми способами: выбором сообщений и репертуара и определением смысла сообщения через контекстуальные и интерпретационные взаимодействия.

Опираясь на теоретическую концепцию Лумана о невозможности полной коммуникации, автор приходит к выводу, что в контексте теории цифровой коммуникации инфраструктурные посредники представляют собой платформы, решающие эпистемологические задачи коммуникации. Однако в то же время платформы создают новую проблему в виде цифровых пузырей. И наоборот – административные барьеры на пути коммуникации, включающие цензуру, ещё больше усложняют ситуацию. В результате пользователи оказываются в затруднительном положении – между цензурой и цифровыми пузырями.

В свете этих проблем автор предлагает концепцию альтернативы, которая позволит смягчить негативные последствия цифровой коммуникации. Такой подход поспособствует сокращению негативных символических взаимодействий и приведёт к повышению точности распространяемой информации. В этом контексте предлагаемые решения могут рассматриваться как средство повышения эффективности цифровой коммуникации путём достижения баланса между свободой и безопасностью её участников, а также увеличения вероятности настоящего аналитического исследования информационного поля при минимизации негативных последствий, связанных с цифровыми пузырями и цензурой.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Антоновский, 2012 – Антоновский А.Ю. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в российской нации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 4-12.

Антоновский, 2023 – Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 75-93.

Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Большц, 2011 – Большц Н. Албука медиа / Пер. с нем. Л. Ионина, А. Черных. М.: Европа. 2011. 136 с.

Ветушинский, 2016 – Ветушинский А.С. Три интерпретации наследия Тьюринга: именем чего является искусственный интеллект? // Философская мысль. 2016. № 11. С. 22-29.

Гуров, 2019 – Гуров Ф.Н. Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети // Проблемы современного образования. 2019. №. 3. С. 9-20.

Зеленов, 2013 – Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. С. 94-103.

Луман, 1994 – Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Ред. А.О. Бороноев. СПб.: 1994. С. 25-42.

Луман, 2000 – Луман Н. Невероятность коммуникации / Пер. с нем. А.М. Ложеницин // Проблемы теоретической социологии. 2000. № 3. С 43-55.

Луман, 2005 – Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М.: Логос, 2005. 280 с.

Луман, 2007 – Луман Н. Социальные системы / Пер. с нем. И. Газиев. М.: Наука, 2007. 441 с.

Луман, 2011 – Луман Н. Общество общества: в 3-х кн. / Пер. с нем. А. Антоновский, А. Глухов, О. Никифоров. М.: Логос, 2011.

Маклюен, 2022 – Маклюен М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2022. 443 с.

Маклюэн, 2003 – Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаев. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с.

Назарчук, 2012 – Назарчук А.В. Эволюция понятия коммуникации в социальной мысли XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 48-54.

Оленев, 2015 – Оленев В.И. Катаклизмы «глобальной деревни» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6. С. 147-151.

Паризер, 2012 – Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Шириков. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.

Полякова, 2018 – Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7-25.

Петрякова, 2013 – Петрякова М.С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля Implicature «импликатура» предметной области «Англо-американская лингвистическая прагматика» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. Т. 2. № 4. С. 58-68.

Срничек, 2020 – Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ВШЭ, 2020. 128 с.

Grice, 1975 – Grice H. P. Logic and conversation. // Syntax and Semantics, vol. 3 / Eds. P. Cole, J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. Pp. 41-58.

O'Reilly, 2005, web – O'Reilly T. What Is Web 2.0. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 17.09.2023).

Hou, 2022 – Hou R. Beyond Big Brother: how to study tech-driven authoritarianism with restricted access to state institutions ethnography // *Ethnography*. 2022.Pp. 1-20.

Shannon, Weaver, 1964 – Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana: The University of Illinois Press, 1964. 125 p.

References

Antonovsky, A. (2012). From integration to information. Toward communicative transformations in the Russian nation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 4-12. (In Russian)

Antonovsky, A. (2023). Why do science need losers? On the overproduction of scientific knowledge and its function. *Epistemology and Philosophy of Science*, 6 (2), 75-93. (In Russian)

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Medium Publ. (In Russian)

Bolz, N. (2011). *The ABC of Media*. Europa Publ. (In Russian)

Hou, R. (2022). Beyond Big Brother: How to study tech-driven authoritarianism with restricted access to state institutions ethnography. *Ethnography*, 1-20.

Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In: P. Cole and J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics*, vol. 3 (pp. 41-58). Academic Press.

Gurov, F. (2019). Experience of socio-philosophical comprehension of the problem of “fakes” and “filter bubbles” in the network. *Problems of Modern Education*, 3, 9-20. (In Russian)

Luhmann, N. (1994). The notion of society. In A.O. Boronoev (ed.). *Issues of Theoretical Sociology* (pp. 25-42). (In Russian)

Luhmann, N. (2000). The unlikelyhood of communication. *Issues of Theoretical Sociology*, 3. (In Russian)

Luhmann, N. (2005). *Media Communications*. Logos Publ. (In Russian)

Luhmann, N. (2007). *Social Systems*. Nauka Publ. (In Russian)

Luhmann, N. (2011). *Society of Society: in 3 vol.* Logos Publ. (In Russian)

McLuhan, M. (2003). *Understanding Media: External Extensions of Man*. Canon-press-C Publ. (In Russian)

McLuhan, M. (2022). *The Gutenberg Galaxy. Becoming a Man of Printing*. Academic Project Publ. (In Russian)

Nazarchuk, A. (2012). Evolution of the concept of communication in the social thought of the XX century. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 1, 48-54. (In Russian)

O'Reilly, T. (2005). *What Is Web 2.0*. Retrieved September 17, 2023, from: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>

Olenev, V. (2015). Cataclysms of the “global village”. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, 6, 147-151. (In Russian)

Parizer, E. (2012). *Behind the Wall of Filters. What Does the Internet Hide from You?* Alpina Business Books. (In Russian)

Polyakova, N. (2018). Formalization of social inequality in the practices of everyday life: a historical perspective. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 24 (4), 7-25. (In Russian)

Petryakova, M. (2013). Thesaurus-network modeling of the semantic field Implicature “implicature” of the subject area “Anglo-American linguistic pragmatics”. *Bulletin of Tatishchev Volga University*, 2 (4), 58-68. (In Russian)

Shannon, C.E., Weaver, W. (1964). *The Mathematical Theory of Communication*. The University of Illinois Press.

Snicek, N. (2020). *Platform Capitalism*. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Vetushinsky, A. (2016). Three interpretations of Turing’s legacy: what is the name of artificial intelligence? *Philosophical Thought*, 11, 22-29. (In Russian)

Zelenov, M. (2013). Censorship: approaches to the definition of the concept. *Leningrad Law Journal*, 94-103. (In Russian)

УДК 101.2

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-85-98

О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСЕНСУСА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФИЛОСОФИИ

Соколова Татьяна Дмитриевна

– кандидат философских наук,
Институт философии РАН.

109240, г. Москва, ул. Гончар-
ная, д. 12, стр. 1;

e-mail: sokolovatd@gmail.com,

ORCHID 0000-0001-8274-1336

Статья посвящена анализу понятия научного консенсуса и его роли в развитии науки и философии в контексте современных дискуссий о развитии научного познания и представлений о науке как об общественном благе. Во введении я задаю методологические и концептуальные рамки исследования. В первой части статьи я рассматриваю связи понятия научного консенсуса с понятием научного прогресса и особенностями его определения в естественных и гуманитарных науках. Здесь выдвигается гипотеза об особом статусе философии как гуманитарной дисциплины, одним из предметов которой является научное познание. Во второй части я обращаюсь к некоторым современным проблемам эпистемологии и философии науки, в частности, неравного доступа к научному познанию и его результатам (эпистемическая несправедливость), проблемам популизма и дениализма. Здесь я показываю, что современные науки (в том числе гуманитарные) находятся в противоречивом положении между требованием обосновать свой научный статус, дисциплинарные границы, внутри которых сохраняется единство, и побуждением к методологическому плюрализму и проведению междисциплинарных исследований. В заключение я делаю выводы о возможном статусе эпистемологии и философии науки как философских дисциплин, изучающих науку, и их способности предложить выход из той противоречивой ситуации, в которой обнаруживает себя современная наука.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, научный консенсус, научный диссенсус, прогресс научного познания

Цитирование: Соколова Т.Д. О необходимости и возможности консенсуса в научных исследованиях и философии // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 85-98. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-85-98

Рукопись получена: 23 ноября 2023

Пересмотрена: 18 декабря 2023

Принята: 20 декабря 2023

ON THE NECESSITY AND POSSIBILITY OF CONSENSUS IN SCIENTIFIC RESEARCH AND PHILOSOPHY

Tatiana D. Sokolova – PhD in Philosophy, RAS Institute of Philosophy. 12/1, Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation;
e-mail: sokolovatd@gmail.com, ORCID 0000-0001-8274-1336

The article considers the concept of scientific consensus and its role in the development of science and philosophy in the context of modern discussions about the evolution of scientific knowledge and ideas about science as a public good. In the introduction, I set out the methodological and conceptual framework of my investigation. In the first part of the article, I examine the connections between the concept of scientific consensus and the concept of scientific progress and the peculiarities of the scientific conception definition in the natural sciences and humanities. Here a hypothesis is put forward about the special status of philosophy as a humanitarian discipline, one of the subjects of which is scientific knowledge. In the second part, I address some contemporary problems in epistemology and philosophy of science, in particular, unequal access to scientific knowledge and its results (epistemic injustice), the problems of populism and denialism. Here I show that contemporary sciences (including the humanities) are in a contradictory position between the requirement to justify their scientific status, disciplinary boundaries within which a specific unity is maintained, and the incentive for methodological pluralism and interdisciplinary research. In conclusion, I draw conclusions about the possible status of epistemology and philosophy of science as philosophical disciplines studying science, and their ability to offer a way out of the contradictory situation in which modern science finds itself.

Keywords: epistemology, philosophy of science, scientific consensus, scientific dissensus, progress of scientific knowledge

How to cite: Sokolova, T.D. (2023). On the necessity and possibility of consensus in scientific research and philosophy. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 85-98. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-85-98 (In Russian)

Received: 23 November 2023

Revised: 18 December 2023

Accepted: 20 December 2023

«Учитель. Подозрение – это ещё не критика.

Гамма. А контрпример будет критикой?

Учитель. Конечно. Догадкам нет дела до несогласий или подозрений, но они не могут игнорировать контрпримеры.

Тета (в сторону). Догадки, очевидно, сильно отличаются от тех, кто их представляет».

(Лакатос, 1967, с. 18)

Введение

Поводом для рассуждений о роли консенсуса в науке и его связи с обоснованием научного прогресса для меня стал доклад Л.В. Шиповаловой (Шиповалова, 2023а), в котором она аргументированно обосновывала роль научного диссенсуса как условия плюрализма мнений и более инклюзивного подхода к научным исследованиям. Диссенсус, или несогласие представителей той или иной научной дисциплины по частным или общим вопросам, контринтуитивно рассматривается здесь не как признак раскола или кризиса научной дисциплины, а как одно из необходимых условий её развития, в то время как слишком сплочённый консенсус свидетельствует скорее о догматизме и стагнации, то есть настоящем кризисе в развитии науки. Такой аспект рассмотрения научного прогресса характерен для исследований, в рамках которых наука понимается как общественное благо, то есть как нечто, непосредственно и позитивным образом влияющее на жизни всех людей, вне зависимости от того, являются они частью научного сообщества или же нет.

В дискуссиях о науке и экспертном знании понятие консенсуса (научного или экспертного, — далее я буду использовать эти понятия как синонимичные) традиционно рассматривается как нечто не только желательное, но и необходимое для того, чтобы та или иная теория могла быть принята в качестве научной. Это характерно не только для естественных, но и для гуманитарных и социальных дисциплин, причём последним часто ставится в упрёк многообразие подходов и объяснительных моделей. Достижение консенсуса по ряду теоретических вопросов становится примером того, что гуманитарные науки, если очень постараются, могут быть столь же точными, что и науки естественные. В области философии подобный взгляд на консенсус наиболее ярко отражён в исследованиях *PhilPapers Survey* (<https://philpapers.org/surveys/>), проведённых Дэвидом Чалмерсом в 2009 и 2020 гг., и в последующей интерпретации этих исследований. Чалмерс придерживается позиции, что философия является наукой, а поэтому прогресс в философии, во-первых, возможен, а во-вторых, необходим. Одним из доказательств научности философии, равно как и её прогресса, Чалмерс называет наличие консенсуса по ряду важных для философии теоретических позиций, таких как наличие априорных истин или разделение на аналитическую и континентальную философии (Chalmers, 2015).

Большинство сторонников концепции прогрессистского подхода в науке (Niiniluoto, 1980; Bird, 2007) и в философии (Stoljar, 2018; Williamson, 2018, 2019) разделяют точку зрения о необходимости консенсуса внутри научных дисциплин, к числу которых они причисляют и философию. Отличительной особенностью этих концепций является их стремление описать научный прогресс интерналистски, оставаясь в рамках научных дисциплин и не обра-

щаяся к социальному и политическому контексту, внутри которого развиваются науки.

Я полагаю, что для философа, будь то эпистемолог или философ науки, подобный взгляд на научный консенсус во многом сформирован концепцией «нормальной науки» Томаса Куна, несмотря на изначально критическое к ней отношение среди профессиональных философов. При этом возникает любопытный теоретический сдвиг: если для Куна двигателем научного развития, а вместе с ним и прогресса, становится накопление аномалий, которые общепринятая теория не может объяснить, и следующая за этим смена научных парадигм, то есть диссенсус внутри научного сообщества, сторонники идеи научного консенсуса, зачастую неэксплицитно, берут за образец именно состояние «нормальной науки» как пространство консенсуса, упуская из виду, что это состояние является, по сути, стагнацией науки, но никак не её развитием. Как отмечает Кун, «[и]стория наводит на мысль, что путь к прочному согласию в исследовательской работе необычайно труден» (Кун, 2003, с. 40). То есть, по его же собственной концепции, ради научного развития столь трудно достижимое согласие, или консенсус, должно быть преодолено.

Именно на это обстоятельство обращают внимание критики консенсуса как необходимого условия для развития науки (Cartwright, 1999; Dupré, 1993; Kitcher, 2001). Не игнорируя внутренние основания научного развития, они стараются учитывать как влияние социально-политического контекста на науку, так и влияние науки на политическую, социальную и экономическую сферы. Если сторонники консенсуса заостряют внимание на статичном в науке (общепризнанные теории, достигнутые научные и технические результаты), то критики, напротив, стремятся объяснить изменения и обосновать не только их возможность, но и действительность в рамках научных практик, то есть исследовать науки не в статике, а в динамике.

Для сторонников научного консенсуса, таким образом, это понятие становится (1) одним из аргументов для выявления меры «научности» той или иной дисциплины, то есть основанием для демаркации между наукой и не-наукой; (2) обоснованием и условием прогресса внутри дисциплины и условием возможности для количественного сравнения «прогрессов» разных научных дисциплин; (3) аргументом предъявления требований к дисциплинам (в первую очередь, гуманитарным и социальным) обеспечить больший консенсус по образцу естественных наук (Соколова, Тухватулина, 2022); (4) аргументом для обоснования административных и общественных регулирований деятельности как отдельных учёных, так и научных организаций (Касавин, 2022). На первый взгляд, первые два пункта относятся к внутренним проблемам науки, тогда как вторые – к её внешнему контуру. Однако в повседневной научной практике они находятся в постоянном взаимодействии и требуют дополнительных аналитических усилий для их

раздельного рассмотрения. Действительно, наличие явного консенсуса облегчает работу администраторам от науки, позволяя с большей уверенностью и обоснованностью не только распределять финансовую поддержку тех или иных исследований, но и формировать критерии институциональной среды, в рамках которой функционирует наука, равно как и критерии успешности и неуспешности отдельных научных исследований. С точки зрения учёных, к числу которых я отношу философов, пусть и со своей спецификой, критерии научной работы, выработанные на основании представления о необходимости консенсуса, могут являться не столько условием успешности будущих исследований, сколько препятствиями на пути к их реализации.

Научный консенсус, научный прогресс и проблема демаркации

В контексте проблемы научной демаркации и научного прогресса вопрос о научном консенсусе возникает в первую очередь в связи с социальными и гуманитарными науками. Если для естественных наук ситуация консенсуса является не только нормальной, но и желательной, а естественные науки воспринимаются как образец, по которому должно быть устроено всё научное познание, то характерный для гуманитариев плюрализм исследовательских установок находится под угрозой. В первую очередь, это касается натурализации методологии социальных и гуманитарных дисциплин (Соколова, Тухватулина, 2022). Экспериментальные методы всё больше проникают в гуманитарные и социальные исследования и становятся обоснованием их большей научной состоятельности по сравнению с исследованиями, базирующимися на классических методах гуманитарных наук (ср. Williamson, 2019 и Бараш, Куслий, 2023). Здесь возникает устойчивая теоретическая связка, которая из раннего позитивистского проекта развития философии по принципу естественных наук не критично переключалась не только в бытовые представления о должном развитии науки, но и в профессиональные дискуссии социальных и гуманитарных исследователей о статусе своих собственных научных дисциплин. В общем виде эту связку можно охарактеризовать следующим образом: естественные науки демонстрируют явный прогресс научного знания по сравнению с науками гуманитарными. Для естественных наук в большей степени характерен консенсус как в отношении методологических установок, так и в оценке результатов исследования. Следовательно, гуманитарные и социальные науки должны быть перестроены по принципу наук естественных как в методологическом аспекте, так и по форме представления научных результатов.

Такого рода экспансию естественнонаучных методов в область социальных наук и гуманитаристики можно в терминах Джона Дюпре охарактеризовать как один из частных случаев «научного империализма» (Dugré, 1994). Речь идёт об экспансии методов од-

ной или нескольких научных дисциплин в другие, сопровождающейся претензией на универсальный статус методологической программы для всех наук. Этому стремлению к универсализации и унификации научного познания противостоит научный плюрализм, то есть представление, что каждая наука (а иногда и каждое конкретное исследование) может формулировать свою собственную методологию, ориентируясь в первую очередь на предмет собственных исследований, а не на общие, необходимые и универсальные методологические нормы и каноны, сколь бы ни был силен научный консенсус вокруг них.

Плюрализм предполагает если не полную равноценность методологических установок, то по меньшей мере смещение акцента с консенсуса как желаемого результата научных изысканий на требование продуктивной научной дискуссии и соревнования различных методологических установок. Из классиков философии науки сторонником плюрализма можно назвать Имре Лакатоса, который в самой известной своей работе «Доказательства и опровержения» бросил «вызов современному математическому догматизму» (Лакатос, 1967, с. 11) «через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики, при помощи логики доказательств и опровержений» (Ibid, с. 10).

Тем не менее, даже в концепции нормальной науки Куна «нормальность» предстаёт понятием весьма туманным. Позволю себе привести большую цитату, которая наглядно иллюстрирует взгляд Куна на консенсус внутри научного сообщества:

«Ученые могут согласиться с тем, что Ньютон, Лавуазье, Максвелл или Эйнштейн дали, очевидно, более или менее окончательное решение ряда важнейших проблем, но в то же время они могут не согласиться, иногда сами не сознавая этого, с частными абстрактными характеристиками, которые делают непреходящим значение этих решений. Иными словами, они могут согласиться в своей *идентификации* парадигмы, не соглашаясь с её полной интерпретацией или рационализацией или даже не предпринимая никаких попыток в направлении *интерпретации* и *рационализации* парадигмы. Отсутствие стандартной интерпретации или общепринятой редукции к правилам не будет препятствовать парадигме направлять исследование. Нормальная наука может быть детерминирована хотя бы частично непосредственным изучением парадигм. Этому процессу часто способствуют формулировки правил и допущений, но он не зависит от них. В самом деле, существование парадигмы даже неявно не предполагало обязательного наличия полного набора правил» (Кун, 2003, сс. 74-75).

То есть ситуация научного консенсуса в рамках нормальной науки характеризуется не только и не столько набором чётко артикулированных правил и методологических приемов, сколько некоторой массой зачастую неотрефлексированных предпосылок исследования и критериев оценки его результатов, разделяемых внутри научного сообщества как нечто само собой разумеющееся, а потому не требующее доказательств. Таким образом, существование консенсуса скорее скрывает то, что диссенсус, а вместе с ним и научный плюрализм делают явным: различие в используемых методах исследования и их обоснования.

В то же время нельзя не указать на потенциальные риски, которые несёт в себе как чрезмерное следование научному консенсусу, так и апологетика тотального плюрализма. В первом случае закономерным теоретическим следствием стремления к консенсусу становится угроза догматизма, а вместе с тем и стагнации научной дисциплины, замкнувшейся внутри ограниченного набора представлений. Классическим примером из истории науки здесь становится случай ньютоновской механики, претендовавший на объяснение всей физической картины мира и «конца физики» как научной дисциплины, потому что все физические объекты получили своё объяснение. Отказ от консенсусной методологической программы в этом случае послужил толчком к дальнейшему, уже некумулятивному, развитию физики как научной дисциплины. Во втором случае, когда методологический плюрализм становится самоцелью научных исследований, возникает угроза тотального релятивизма, когда методологические установки, вне зависимости от степени их обоснованности, рассматриваются как эпистемически равные. В такой ситуации откровенно антинаучные теории (например, гомеопатия) оказываются в выигрыше, так как могут претендовать на собственное, «альтернативное» место в научной картине мира, обосновывая свой статус самым фактом наличия противоречий с доминирующей методологической установкой. Несмотря на разницу в теоретическом генезисе, оба эти риска ведут к одному результату – снижению качества научных исследований и, как следствие, замедлению развития науки и научного прогресса.

Современные вызовы для эпистемологии и философии науки

Вернёмся к представлению о науке как об общественном благе. Сама эта концепция подразумевает, что наука не может рассматриваться отдельно и независимо от других сфер общественной жизни, таких как политическая, экономическая или социальная. Если каждый отдельный человек, так или иначе, становится бенефициаром научного прогресса, вне зависимости от степени его вовлечённости в создание «научного продукта», то на науку в лице задействованных в ней учёных ложится моральное обязательство поддерживать такое положение дел, в котором научные исследования

направлены во благо человечества и не могут быть обращены ему во зло. Такая постановка вопроса выводит науки из сугубо интерналистских дискуссий о собственных основаниях и заставляет принять во внимание тот социальный, экономический и политический контекст, внутри которого проводятся научные исследования и демонстрируются их результаты.

Сторонники прогрессистской модели развития человечества, самым ярким из которых является Стивен Пинкер (Pinker, 2028), полагают, что развитие науки является частным случаем большого тренда на общий прогресс человечества, а потому обращение научных достижений против человека если и возможно, то локально и в глобальном смысле не в состоянии изменить общий прогрессивный тренд. По мысли Пинкера, любые изменения во всех сферах жизни человека, как позитивные, так и негативные, либо способствуют общему тренду, либо рано или поздно будут им поглощены. В то же время это свойство больших трендов не должно вызывать иллюзию возможности пассивного ожидания, когда актуальные проблемы решатся сами собой. Напротив, оно призывает к концептуализации и осмыслению феноменов, способных если не остановить общий прогресс, то по меньшей мере замедлить его в отдельно взятых областях.

Для эпистемологии и философии науки можно выделить как минимум две наиболее очевидные проблемы, в связи с которыми возникает дилемма консенсуса/диссенсуса научных исследований. Первой проблемой является феномен дениализма, то есть гипотетически осознанного отказа от доверия науке и учёным или экспертам как её представителям. Вторая проблема – проблема распределённого доступа к научным исследованиям (это касается участия непосредственно в проведении исследований, а также использовании их результатов). Я полагаю, что эти проблемы непосредственным образом связаны друг с другом, и решение каждой из них по отдельности невозможно ни в теоретическом, ни в практическом плане.

Дениализм – проблема восприятия науки обществом, которая, на первый взгляд, лежит исключительно в политической плоскости. Он базируется на представлении об особом типе политической ангажированности учёных, направленном на их собственные интересы, а не на общественное благо. Распространяемый политиками или активистами, этот подход нацелен на критику «консенсусной» науки, в то время как «лидеры дениалистских движений [...] отрицают научный консенсус, стремясь создать впечатление, что защищают альтернативную – “правильную” – науку, которая лишена пороков, связанных с политической ангажированностью ученых» (Тухватулина, 2023). С точки зрения плюрализма внутри науки феномен дениализма не представляет большой проблемы: свободная конкуренция методологических установок в конце концов должна привести к тому, что менее обоснованные методологические программы будут вытеснены более обоснованными. В этом

отношении «альтернативная» наука обладает точно таким же эпистемическим статусом, что и ошибочная теория, выдвинутая в русле научного мейнстрима: не выдержав проверки новыми исследованиями, они обе будут устранены как несостоятельные. Проблема возникает на внешнем контуре науки, когда наука соприкасается с теми сферами человеческой деятельности, которые не имеют к ней непосредственного отношения, но с которыми она вынуждена взаимодействовать. То есть дениализм в качестве идеологической доктрины по определению может быть разделяем только вне-научными акторами (причём неважно, были эти акторы изначально непричастными к науке, либо сознательно вычеркнули себя из сообщества «нормальных» учёных).

Концепцию распределённого познания в таком случае можно рассматривать как ответ на социальные и политические вызовы, которые дениализм ставит перед наукой. Вовлечение большого количества изначально вне-научных авторов не только в использование результатов научных исследований, но и в их реализацию, в теоретическом отношении призвано повысить уровень доверия к «консенсусной» науке, а в практическом – снизить количество вне-научных акторов, которые в силу отсутствия опыта взаимодействия с научными исследованиями и необходимых компетенций следуют призыву дениалистов. В то же время увеличение распределённого доступа к научному знанию отвечает на запрос эпистемической справедливости в противовес эпистемической несправедливости, то есть «выравниванию» ситуации, в которой научные и вне-научные акторы находятся в положении неравного доступа как к проведению научных исследований, так и к использованию их результатов (Шиповалова, 2023б).

Одним из возможных теоретических способов решения проблемы эпистемической несправедливости может стать концепция зон обмена, предложенная Питером Галисоном. Зоны обмена представляют собой стихийно возникающие или сознательно сконструированные области, каждая из которых «требует согласования различных мировоззренческих позиций или затрагивает вопросы, связанные с внедрением новых технологий, что может привести к формированию большого класса пограничных объектов, которые будут требовать интерпретации в рамках подобных пространств, достижения согласования деятельности и убеждений, формирования ассоциаций, сетей и договорённостей» (Масланов, 2023, с. 166). Такие зоны обмена могут возникать как во взаимоотношениях науки и политики, например, при распределении бюджетного финансирования, так и между наукой и бизнесом при внедрении наукоёмких технологий. В качестве особого случая зоны обмена может выступать и так называемая «гражданская наука», когда учёные прибегают к помощи волонтеров для проведения своих исследований, привлекая вне-научных акторов к сбору материалов, наблюдениям и участию в иных научных практиках. Эти де факто существующие практики взаимодействия между учёными и не-

учёными на внешних контурах науки, на первый взгляд, должны поддерживаться как научными, так и политическими и экономическими акторами, для которых развитие науки представляет собой общественное благо.

Конечно, само по себе привлечение вне-научных акторов в науку не способно переломить ситуацию эпистемической несправедливости. Для сторонников дениализма вовлечение вне-научных акторов в научные исследования никак не опровергает тезис о политической ангажированности учёных, действующих в своих собственных интересах, а не в интересах широкой публики. Для учёных же взаимодействие с представителями экономической или политической сфер зачастую приводит к ситуации, прекрасно охарактеризованной заголовком статьи А.Ю. Антоновского (Антоновский, 2023а). Вместо продуктивного взаимодействия возникает общее непонимание и усугубление проблем, а не их решение: «результатом такой коммуникации может быть лишь *status quo*, который ориентирован на самоподдержание в ущерб развитию» (Тухватулина, 2022). Формирование институциональных критериев функционирования науки происходит на её внешнем контуре и под влиянием, в первую очередь, вне-научных акторов: оттуда поступают неадекватные требования к научным исследованиям, не отвечающим специфике конкретной научной дисциплины. Например, система перепроизводства научного контента обрекает многих исследователей на написание большого количества статей, которые так никогда и не будут процитированы, то есть на формирование прослойки «лузеров от науки», что характеризует скорее устройство системы производства научного знания, нежели качество работы конкретного исследователя (Антоновский, 2023б). Плюралистический подход в этом случае мог бы стать основанием для пересмотра существующего *status quo* в пользу научного развития.

Заключение

Представитель французского направления исторической эпистемологии Жорж Кангилем полагал, что если для философии вопрос о её предмете и основаниях является фундирующим и способствует её развитию, то для всех остальных научных дисциплин регулярная его постановка, напротив, свидетельствует об их полной дисциплинарной несостоятельности (Кангилем, 2012). Возможность постоянного и плодотворного переосмысления своих собственных оснований, по мысли Кангиалема, с которой я скорее согласна, является её отличительной особенностью и подчёркивает особый статус философии среди других научных дисциплин. Этот особый статус позволяет философии занимать мета-позицию по отношению к естественным, социальным и гуманитарным наукам, выявляя их внутренние теоретические противоречия и практиче-

ские следствия из них, что является первым шагом на пути к их решению.

Сторонники консенсуса в науке упускают из вида тот факт, что чрезмерное согласие приводит к догматизму в научных исследованиях и, как следствие, к стагнации научного познания. Кроме того, в концепцию основополагающей роли научного консенсуса плохо вписывается утверждение о важности плюрализма методологических установок как условия возможности междисциплинарных исследований и создания продуктивных зон обмена, способствующих росту и развитию научного знания.

Если для проведения исследований учёные должны разделять некоторые базовые эпистемические установки, например, что окружающий мир потенциально познаваем, причём познаваем, в первую очередь, научными методами, то вопрос о точном определении того, насколько тот или иной метод соответствует критериям научности и какими должны быть эти самые критерии, остаётся дискуссионным. Философия, на мой взгляд, оставаясь одной из научных дисциплин, всё же обладает той специфической особенностью выходить за свои собственные дисциплинарные границы в том смысле, что она может быть использована в качестве дискуссионной площадки, на которой возможно сохранение плюрализма исследовательских установок, не ограниченное конкретными дисциплинарными рамками. Сама постановка вопроса о доверии к научным исследованиям или обеспечению справедливого к ним доступа вряд ли возможна изнутри самих научных дисциплин, к деятельности и результатам которых возникает (неважно, обоснованное или нет) подозрение.

Плюрализм философских установок позволяет рассмотреть феномен научного познания как в статике, где консенсус играет важную роль для формирования научных сообществ, исследовательского канона и научной пропедевтики, так и в динамике, где консенсус подвергается сначала подозрению, а потом и критике. Однако эта критика приводит либо к отбрасыванию ложных теорий или целых дисциплин (например, евгеники), либо к качественным изменениям внутри дисциплины, то есть работает на развитие науки, отсекая менее обоснованные её части и усиливая те концепции, которые обладают лучшей объяснительной способностью.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Антоновский, 2023а – Антоновский А.Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 249-256. <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/22>
- Антоновский 2023б – Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 75-93. <https://doi.org/10.5840/eps202360226>
- Бараш, Куслий, 2023 – Бараш Р.Э., Куслий П.С. Что такое экспериментальные исследования в философии языка и эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 94-113. <https://doi.org/10.5840/eps202360227>
- Канги́лем, 2012 – Канги́лем Ж. Что такое психология? // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 212-225.
- Касавин, 2022 – Касавин И. Т. Автономия плюс гетеродоксия: как возможны девиации в науке // Человек. 2022. Т. 33. № 5. С. 26-43. <https://doi.org/10.31857/S023620070022790-6>
- Кун, 2003 – Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. М.: Издательство АСТ, 2003. 605 с.
- Лакатос, 1967 – Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы) / Пер. с англ. И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1967. 152 с.
- Масланов, 2023 – Масланов Е.В. Зоны обмена и пограничные объекты: к типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 1. С. 159-170. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.113>
- Соколова, Тухватулина, 2022 – Соколова Т.Д., Тухватулина Л.А. Методологический редукционизм и идея прогресса в социально-гуманитарных науках: интерналистская перспектива // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 76-86. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-76-86>
- Тухватулина, 2023 – Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 6-20. <https://doi.org/10.5840/eps20236011>
- Тухватулина, 2022 – Тухватулина Л.А. Целеполагание в политике науки: между доверием и подозрением // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 224-228. <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/23>
- Шиповалова, 2023а – Шиповалова Л.В. Консенсус и диссенсус в социальных науках. К вопросу о нормальности нарушения нормы // Мир человека: нормативное измерение - 8.0. Анормальное: Сборник трудов конференции, Саратов, 8-10 июня 2023 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 187-192.
- Шиповалова, 2023б – Шиповалова Л.В. Распределённое научное познание – на пути к разнообразию // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 4. С. 22-31. <https://doi.org/10.5840/eps202360453>
- Bird, 2007 – Bird A. What is scientific progress? // *Noûs*. 2007. Vol. 41(1). Pp. 64-89. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x>

Cartwright, 1999 – *Cartwright N.* The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 240 p.

Chalmers, 2015 – *Chalmers D.* Why isn't there more progress in philosophy? // *Philosophy*. 2015. Vol. 90. No 1. Pp. 3-31. <https://doi.org/10.1017/S0031819114000436>

Dupré, 1993 – *Dupré J.* The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 308 p.

Dupre, 1994 – *Dupré J.* Against scientific imperialism // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1994. Vol. 2, Pp. 374-381.

Kitcher, 2001 – *Kitcher P.* Science, Truth, and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2001. 256 p.

Niiniluoto, 1980 – *Niiniluoto I.* Scientific progress // *Synthese*. 1980. Vol. 45. Pp. 427-464.

Pinker, 2018 – *Pinker S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. N.Y.: Viking, 2018. 556 p.

Stoljar, 2018 – *Stoljar D.* Is there progress in philosophy? A brief case for optimism // *Philosophy's Future: The Problem of Philosophical Progress* / R. Blackford, D. Broderick (Eds.). Hoboken: Wiley, 2018. Pp. 107-118.

Williamson, 2018 – *Williamson T.* Model-building in philosophy // *Philosophy's Future: the Problem of Philosophical Progress* / R. Blackford, D. Broderick (Eds.). Hoboken: Wiley, 2018. Pp. 159-172.

Williamson, 2019 – *Williamson T.* Armchair philosophy // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56. No. 2. Pp. 19-25. <https://doi.org/10.5840/eps201956223>

References

Antonovsky, A. (2023a). "Give money and don't interfere," or About how science relates to the public. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 74, 249-256. <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/22>. (In Russian)

Antonovsky, A. (2023b). Why does science need losers? On the overproduction of scientific knowledge and its functions. *Epistemology and Philosophy of Science*, 60 (2), 75-93. <https://doi.org/10.5840/eps202360226>. (In Russian)

Barash, R.E., Kusliy, P.S. (2023). What is experimental research in philosophy of language and epistemology? *Epistemology and Philosophy of Science*, 60 (2), 94-113. <https://doi.org/10.5840/eps202360227> (In Russian)

Canguilhem, G. (2012). What is psychology? *Epistemology and Philosophy of Science*, 1, 212-225. (In Russian)

Cartwright, N. (1999). *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge University Press.

Dupré, J. (1993). *The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Harvard University Press.

Dupré, J. (1994). Against scientific imperialism. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 2, 374-381.

Kasavin, I.T. (2022). Autonomy plus heterodoxy: How deviations are possible in science. *Man*, 5, 26-43. <https://doi.org/10.31857/S023620070022790-6>. (In Russian)

Kitcher, P. (2001). *Science, Truth, and Democracy*. Oxford University Press.

Kuhn, T. (2003). *Structure of Scientific Revolutions*. Trans from English by V. Yu. Kuznetsov. ACT Publishing House LLC. (In Russian)

Lakatos, I. (1967). *Proofs and Refutations (How Theorems Are Proven)*. Trans. from English by I. N. Veselovsky. Publishing house "Nauka". (In Russian)

Maslanov, E.V. (2023). Trade zones and border objects: Towards a typology. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 1, 159-170. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.113>. (In Russian)

Niiniluoto, I. (1980). Scientific progress. *Synthese*, 45, 427-464.

Sokolova, T.D., Tukhvatulina, L.A. (2022). Methodological reductionism and the idea of progress in the social sciences and humanities: An internalist perspective. *Questions of Philosophy*, 11, 76-86. <https://doi.org/21146/0042-8744-2022-11-76-86>. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. (2023). Science as an object of faith and mistrust: The phenomenon of denialism. *Epistemology and Philosophy of Science*, 1, 6-20. <https://doi.org/10.5840/eps20236011>. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. (2022). Goal setting in science policy: Between trust and suspicion. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 68, 224-228. <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/23>. (In Russian)

Shipovalova, L.V. (2023a). Consensus and dissensus in the Social Sciences. To the question of the normality of violation of the norm. *Human World: Normative Dimension - 8.0. Abnormal: Collection of Conference Proceedings*, Saratov, June 08-10, 2023. Saratov State Law Academy, 187-192. (In Russian)

Shipovalova, L.V. (2023b). Distributed scientific knowledge – on the way to diversity. *Epistemology and Philosophy of Science*, 60 (4), 22-31. <https://doi.org/10.5840/eps202360453> (In Russian)

Bird, A. (2007). What is scientific progress? *Noûs*, 41 (1), 64-89. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x>

Chalmers, D. (2015). Why isn't there more progress in philosophy? *Philosophy*, 90 (1), 3-31. <https://doi.org/10.1017/S0031819114000436>

Pinker, S. (2018). *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*, Viking.

Stoljar, D. (2018). Is there progress in philosophy? A brief case for optimism. In R. Blackford & D. Broderick (Eds.). *Philosophy's Future: The Problem of Philosophical Progress* (107-118). Wiley.

Williamson, T. (2018). Model-Building in Philosophy. In R. Blackford & D. Broderick (Eds.). *Philosophy's Future: the Problem of Philosophical Progress* (159-172). Wiley.

Williamson, T. (2019). Armchair philosophy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56 (2), 19-25. <https://doi.org/10.5840/eps201956223>

УДК 141

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114

**М. ЛАЦЦАРАТО О МНОГОМЕРНОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ
М. БАХТИНА: ПЕРЕВОД СТАТЬИ МАУРИЦИО
ЛАЦЦАРАТО «ТЕОРИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
МИХАИЛА БАХТИНА»**

Тинус Никита Николаевич – научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: tiinusnn@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6870-4157

Данный текст представляет собой перевод и авторский комментарий к статье «Теория высказывания Михаила Бахтина», которая была представлена в форме доклада на симпозиуме «О Бахтине» в 2009 г. в Маастрихте. Автор доклада – Маурицио Лаццарато, современный франко-итальянский философ и социальный теоретик. В 1970 гг. он был связан с операистским движением в Италии, а позже вынужденно перебрался во Францию. Лаццарато является одним из членов редколлегии журнала *Multitudes* и автором некоторых влиятельных работ и эссе, таких как «Нематериальный труд», «Сотворение должника», «Управление с помощью долга» и др. Его исследования посвящены анализу современных изменений в экономических отношениях и практиках труда, метаморфозам капиталистического устройства. М. Лаццарато – один из немногих, кто обратил внимание на теорию высказывания Бахтина в ее политико-социальном значении. В предложенном здесь докладе Лаццарато анализирует теорию высказывания Михаила Бахтина в русле концепций Делёза и Гваттари. Находя пересечения и параллели, автор подчеркивает, что в бахтинской мысли высказывание является многомерным феноменом, включающим целый комплекс не только лингвистических, но и внелингвистических аспектов. Высказывание в теории Бахтина связано не только с производством смысла, но и с производством субъективности, оно формирует социальную реальность. В отличие от лингвистики или перформативной теории, философия Бахтина даёт релевантное представление о действительной природе высказывания, что особенно важно сегодня, в постфордистскую эру коммуникативного труда.

Ключевые слова: теория высказывания, постопераизм, философия языка, М. Бахтин, М. Лаццарато

Цитирование: Тинус Н.Н. М. Лаццарато о многомерности высказывания в философии М. Бахтина: перевод статьи Маурицио Лаццарато «Теория высказывания Михаила Бахтина» // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 99-114. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114

Рукопись получена: 1 ноября 2023

Пересмотрена: 19 декабря 2023

Принята: 20 декабря 2023

M. LAZZARATO ON THE MULTIDIMENSIONALITY OF UTTERANCE IN BAKHTINIAN PHILOSOPHY: TRANSLATION OF MAURIZIO LAZZARATO'S ARTICLE "MIKHAIL BAKHTIN'S THEORY OF THE UTTERANCE"

Nikita N. Tinus – Research
Fellow, National Research Uni-
versity Higher School of Eco-
nomics. 20, Myasnitskaya St.,
101000 Moscow, Russian Fed-
eration;
e-mail: tiinusnn@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6870-4157

This text is a translation and the author's commentary on the article *Mikhail Bakhtin's theory of the utterance*, which was presented in the form of a report at the symposium *On Bakhtin* in 2009 in Maastricht. The author of the report, Maurizio Lazzarato, is a contemporary French-Italian philosopher and social theorist. In the 1970s he was involved with the operaismo in Italy and later forced to move to France. Lazzarato is a member of the editorial board of *Multitudes* journal and the author of some influential works and essays, such as *Immaterial Labor*, *The Making of the Indebted Man*, *Governing by Debt*, and others. His research is devoted to the analysis of modern changes in economic relations and labor practices, the metamorphoses of the capitalist structure. M. Lazzarato is one of the few who paid attention to Bakhtin's theory of utterance in its political and social meaning. In his report, Lazzarato analyzes Mikhail Bakhtin's theory of utterance through the concepts of Deleuze and Guattari. Finding intersections and parallels, the author emphasizes that in Bakhtin's thought the utterance is a multidimensional phenomenon, including a whole complex of not only linguistic, but also extra-linguistic aspects. The utterance in Bakhtin's theory is associated not only with the production of meaning, but also with the production of subjectivity; it shapes social reality. Unlike linguistics or performative theory, Bakhtin's philosophy provides relevant insight into the actual nature of utterance, which is especially important today in the post-Fordist era of communicative labor.

Keywords: theory of utterance, post-operaismo, philosophy of language, M. Bakhtin, M. Lazzarato

How to cite: Tinus, N.N. (2023). M. Lazzarato on the multidimensionality of utterance in Bakhtinian philosophy: translation of Maurizio Lazzarato's article "Mikhail Bakhtin's theory of the utterance". *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 99-114. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114 (In Russian)

Received: 1 November 2023

Revised: 19 December 2023

Accepted: 20 December 2023

Как это часто бывает, большие идеи игнорируют дисциплинарные ограничения, распространяя своё влияние на широкий комплекс различных областей знания. Это утверждение в полной мере относится и к творчеству М.М. Бахтина. Его наследие оказало существенное воздействие не только на теорию литературы и культуры, а также языкознание, но и на целый ряд философских дисциплин – от социальной философии до этики. После знакомства зарубежной аудитории с идеями Бахтина они с потрясающей скоростью завоевали мир, его мысль имела эффект разорвавшейся бомбы. Так называемый «бахтинский бум» породил целый веер интерпретаций (как перспективных, так и ошибочных). Точно можно сказать одно – бахтинская мысль вступила в мощный резонанс с идеями, возникавшими тогда в интеллектуальном пространстве Запада.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что процесс освоения бахтинской мысли шёл следующим образом – первоначально во Франции развитие структурализма в различных областях гуманитарного знания стало причиной внимания к советскому формализму. В первых реакциях на переводы Бахтина, за редким исключением, русский автор рассматривался как любопытный, хотя и малоизвестный представитель формальной школы (Долгорукова, 2018). Но с развитием зарубежного бахтиноведения становилось всё более и более очевидно, что первое впечатление было неверным, а наследие Бахтина выходит далеко за рамки формального подхода (более того, критически его преодолевает).

Несмотря на это, интерес к Бахтину сохранился в рамках структуралистской традиции. В частности, имя Бахтина то и дело упоминается в текстах Делёза и Гваттари. Не составляет труда обнаружить причину такого внимания. Онтологические основы бахтинского мышления восходят к неклассической философии, оспаривают трансцендентную метафизику с её иерархической строгостью, сосредоточенностью на едином и завершённом. В бахтинской мысли подчёркивается онтологическое первенство становления (бытия как со-бытия) и различия. В этом смысле теорию, предложенную в трудах Бахтина, можно считать почти пророческой – она во многом предвосхитила ключевые тенденции европейской философии задолго до их появления. Обратив внимание на такие концепты, как карнавал, гротеск, смех, полифония и т. д., легко отметить их общую направленность на разрушение предзаданных границ и иерархий. Народно-смеховая культура, исследованная Бахтиным, противопоставляется официальной «высокой» культуре так же, как вертикально структурированная по направлению к абсолюту трансцендентная метафизика противопоставляется имманентистской онтологии горизонтальных гетерогенных отношений, не имеющих центра. В этой перспективе бахтинская мысль парадоксальным образом сближается не только с Делёзом и Гваттари, но и с целым кругом мыслителей, таких как Ж. Симондон и Б. Спиноза (Тинус, 2021).

Бахтин в своих трудах то и дело указывает на зыбкость существующих границ как в социокультурном, так и в философском отношении. По этой причине в некоторых исследованиях теория Бахтина трактуется как теория трансгрессивности – проницаемости границ, их пронизывания и релятивизации (Jenks, 2003; Фаритов, 2016). Вячеслав Фаритов пишет: «Трансгрессивное движение осмеяния, снижения и переворачивания направлено на отрицание именно этой претензии на вечность и абсолютность. Трансгрессия раскрывает время, становление и относительность там, где хотели утвердить нечто неизблемое и непреходящее. Если трансценденция претендует на окончательную завершённость и фиксированную тождественность бытия, то трансгрессия раскрывает, в свою очередь, вечную “неготовность” бытия как становления» (Фаритов, 2016, с. 143). Так, например, в материальном отношении, трансгрессивность эксплицируется в концепции тела, непрерывно мутирующего, преобразующего себя и своё окружение, то и дело нарушающего собственные мнимые границы: «Неготовое и открытое тело это (умирающее – рождающее – рождаемое) не отделено от мира чёткими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» (Бахтин, 1990).

В исследовательской литературе можно встретить множество рассуждений о близости постструктуралистских терминов и бахтинских концептов. Так, в частности, отмечается, что понятия Делёза, такие как «детерриторизация» и «ретерриториализация», созвучны идеям Бахтина о «гетероглосии» и «монологлосии», а делезианское «пространство-время» соответствует бахтинскому «хронотопу» (Evans, 2008).

Все эти черты бахтинской мысли обнаруживаются также в теории высказывания. Высказывания в представлении Бахтина не гетерогенны (авторство – всегда со-авторство), всегда носят характер уникального события, занимая конкретное положение в пространстве и времени. Именно теория высказывания является объектом интереса М. Лаццарато, современного франко-итальянского философа, текст которого представлен здесь в русском переводе. Этот текст впервые был озвучен в форме доклада на симпозиуме «О Бахтине» в 2009 г. в Маастрихте. Почему его автора интересует именно проблема высказывания? Лаццарато относится к поколению операистских интеллектуалов, чья мысль выросла из глубины социально-политического кризиса 1970-х гг., который особенно остро развернулся в Италии. Радикальные марксистские активисты и интеллектуалы, борющиеся с эксплуатацией рабочих на фордистском конвейере, в определённый момент обнаружили себя на разломе индустриальной и постиндустриальной эпох. Задача осмыслить новое глобальное устройство была сложной, а перемены – по-настоящему колоссальными. Если индустриальный конвейер опирался на извлечение прибыли из активности упорядочен-

ных тел, то в современной системе производства главным ресурсом оказываются способности коммуницировать и виртуозно использовать языковые навыки. Это значит, что раз производство стоимости теперь напрямую зависит от речевого обмена, необходимо выяснить, как на самом деле реализуется высказывание.

С точки зрения Лаццарато, в англоязычном научном пространстве присутствует несостоятельность в понимании высказывания. С одной стороны, существует лингвистика, которая не способна описать высказывание, оперируя только его материалом – техническими знаками, которые суть только возможности, наполняемые конкретным смыслом под влиянием внеязыковых факторов. С другой стороны, мы имеем теорию речевых актов Дж. Остина, которая также включает в себе множество существенных недостатков. Так, нет существенной разницы между искренним и неискренним перформативом, как нет возможности видоизменить условия высказывания – перформатив звучит только в предзаданном конвенциональном поле. Даже само разделение на констатацию и перформатив для Бахтина было бы неверно, так как каждое высказывание обращено к кому-то или чему-то, отвечает на что-то, накладывает те или иные обязательства в рамках «диалогических отношений».

В одной из своих работ «Знаки и машины: капитализм и производство субъективности» (Lazzarato, 2014) Лаццарато, опираясь на идеи Бахтина, настаивает, что каждое высказывание является этико-политическим актом, поскольку оно направлено на достижение согласия или несогласия, каждый акт речи – это вопрос, заданный другому, себе или миру. Он пишет: «Теория высказывания Бахтина подразумевает мир как проблему, событие – как нечто, что всегда только должно осуществиться. Это не похоже на теорию перформативного и иллокутивного акта Остина, которая рассматривает мир как набор условностей, как институт, как распределение полномочий, прав и обязанностей, подлежащих воспроизведению. ... Речевой акт – это событие, которое создает неопределённость, открывая возможности, которые “субъективно” вовлекают говорящих в особые отношения, происходящие “здесь и сейчас”. Каждое высказывание является историческим событием, даже если оно “бесконечно мало”» (Lazzarato, 2014, p. 181).

В представленном здесь докладе Лаццарато подчёркивает революционное открытие Бахтина – высказывание всегда производится совместно, не только субъект, но и адресат высказывания играет в его формировании активную роль. Производство высказывания осуществляется на пересечении ценностных миров, или «экзистенциальных территорий» – в терминах Делёза. Да, высказывание должно быть лингвистически разборчивым, но ещё более важны такие его аспекты, как звук, интонация, чувство словесной активности. Другими словами, высказывание невоспроизводимо, так же как невозможно в точности воспроизвести конфигурацию аффектов и политических импликаций, которые лежат в его основе.

Бахтинская теория высказывания ставит перед нами ряд вопросов. Если высказывание не имеет единого центра, является результатом коллективного взаимодействия и не может быть воспроизведено, то каким образом коммуникативный труд, получивший широкое распространение в постфордистскую эпоху, может быть измерен? Как возможно присвоение высказывания в рамках современного производства? На чём основаны такие институты, как, например, право интеллектуальной собственности? Ответ на эти и другие вопросы необходимо продолжить искать в наследии Бахтина, значение которого ещё до конца не осознано.

Маурицио Лаццарато
«Теория высказывания Михаила Бахтина»¹³
Maurizio Lazzarato
“Mikhail Bakhtin's theory of the utterance”

Бахтинская теория высказывания представляет собой «карнавальную» интеграцию всех элементов, которые теория действия и речи Ханны Арендт опустошила или подчинила тотализирующей силе языка. Признание множественности в семиотике, полифонии средств выражения (вербальных и невербальных), разнородности языковых и неязыковых элементов становится, с одной стороны, основой «стратегической» теории действия между говорящими, где возможно определить значение как «воздействие на возможные действия» (используя выражение Фуко)¹⁴ и, с другой стороны, основой теории творчества и производства субъективности.

В теории Бахтина нет места понятию перформатива, поскольку все «речевые акты» являются «социальными актами», а не только перформативными. Все высказывания представляют собой речевые акты, влекущие за собой социальные обязательства. Несмотря на гомологию терминов, между теориями речевых актов Остина и Бахтина существуют заметные различия. Во-первых, последняя утверждает различие между природой языка и высказывания. Для того чтобы слова, предложения и грамматические правила стали полноценными высказываниями и языковыми актами, необходим «дополнительный элемент», остающийся «недоступным для всех лингвистических категорий и определений, который лингвистика не в состоянии уловить»¹⁵.

¹³ Maurizio Lazzarato “Mikhail Bakhtin's theory of the utterance”. В работе представлен перевод с английского (Lazzarato, 2009, web), сверенный с видеозаписью оригинала доклада. Перевод публикуется с любезного согласия автора.

¹⁴ «“Управлять” в этом смысле означает структурировать возможное поле действия других» (Фуко, 2006, web).

¹⁵ Здесь и в некоторых фрагментах далее Лаццарато цитирует Бахтина близко к тексту, что обусловлено спецификой устного доклада. «Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые дела-

Слова, грамматические формы, предложения и выражения, отделённые от высказывания (от речевого акта), есть «технические знаки», служащие значению, которое является лишь потенциальным. Индивидуация, сингуляризация и реализация этого потенциала языка, управляемого высказыванием, позволяет нам войти в другую «сферу бытия», а именно – в «диалогическую сферу». То, что заставляет нас преобразовывать слова и языковые предложения в законченные высказывания, в «тотальность», – это доиндивидуальные аффективные силы, а также социальные и этико-политические силы, которые, хоть и являются внешними по отношению к языку, на самом деле пребывают внутри высказывания. «Произносимое, – говорит Бахтин, – целиком пронизано этими внелингвистическими (диалогическими) элементами»¹⁶.

В теории речевого акта говорящие – это прежде всего не лингвистические или психологические субъекты, а «возможные миры» (сингулярности или экзистенциальные кристаллизации – на языке Гваттари). Они занимают «хронотопы» (блоки пространства-времени, «экзистенциальные территории», выражаясь языком Гваттари), и они абсолютно нередуцируемы. Диалогические отношения между возможными мирами и процессами экзистенциальной сингуляризации конституируются аффективными, этическими и политическими силами. Путём высказывания они выражают дружбу и вражду, согласие и несогласие, симпатии и антипатии. Они организуют отношения кооперации, открывающие возможности для созидания, или, наоборот, устанавливают отношения доминирования, пресекающие такого рода возможности. Происхождение всех этих сил не языковое, хотя они и выражаются через язык и знаки. Они, скорее, являются внутренними переменными, связанными с созданием и изменением высказывания.

Аффективные и этико-политические силы выражаются в первую очередь голосом. В важной статье Гваттари отмечает, что в высказывании обнаруживается как «доиндивидуальный голос», выражающий волю, основанную на эмоциональных оценках (по его словам, чувственных аффектах), так и «общественные голоса», этико-политические голоса, выражающие «универсумы отсылок и ценностей» (красоты, справедливости и истины), которые, по словам Гваттари, являются проблематичными аффектами. Везде, где лингвистика желает структурных и дифференцированных отношений между знаками, Бахтин, подобно просветлённому, идиотам или сумасшедшим, расширяет голоса, их диалогическое отношение и поддерживающие их экзистенциальные территории.

Этот голос развёрнут по эту сторону членораздельной речи. По Бахтину, голос или интонация, ещё не охваченные «фонетической абстракцией» языка, всегда возникают «на пороге словесного

ющие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики» (Бахтин, 1986, с. 320).

¹⁶ У Бахтина: «Внелингвистические (диалогические) моменты пронизывают высказывание изнутри» (Бахтин, 1986, с. 303).

и невербального, сказанного и невысказанного», и именно через них они обращаются к другому. Это обращение скорее аффективное и этико-политическое, чем лингвистическое. Оно «присваивает, продвигает, использует лингвистические и семиотические элементы, подтверждает и отклоняет, критикует и легитимирует значения и устоявшиеся интонации».

Голоса управляют сингуляризацией языка, которую мы могли бы назвать стратегической, поскольку они распределяют и «дают имена» говорящим в соответствии с протополитической моделью, структурирующей пространство слова в соответствии с отношениями власти между говорящими. Голос уже включает в себя особый способ дискурсивного действия, который вместе с Фуко мы можем назвать «действием на возможные действия», поскольку именно он выражает оценки, различия и ценности. «Интонация звучит так, как будто мир вокруг говорящего еще полон одушевленных сил: она грозит, негодует или любит и ласкает неодушевленные предметы и явления»¹⁷. В голосе мы снова обнаруживаем «анимизм», проповедуемый Гваттари, то есть принятие чьей-либо стороны по отношению к другим и миру в этико-политическом плане.

Голос выражает себя, вибрирует в диалогическом пространстве, которое является своего рода «публичным пространством». Голос может воспроизводиться на основе «различных фундаментальных тонов», которые зависят от соотношений власти в «публичном пространстве», где он развивается. Это отношения власти (доминирования или сотрудничества), которые моделируют и воздействуют на способы его выражения. Голос может быть задействован и разграничить «атмосферу сочувствия», «соучастия» или «вызова» и «смущения».

В каждом голосе двойное обращение. Голос обращается не только к адресату, но и к «объекту высказывания», поскольку объект призывается к существованию и как «судья и свидетель», и, следовательно, как его «союзник или враг». По мнению Бахтина, необходимо радикально различать «оценочное выражение», которое может быть аффективным и ценностным, и «смысловое выражение», поскольку – вопреки утверждениям Витгенштейна – последнее никогда не может заместить или подменить первое. Всегда будет существовать *hiatus*¹⁸, непреодолимое расхождение между желанием и аффективными выражениями, с одной стороны, и языком (словами и высказываниями), с другой. Лингвистические восклицания, которые мы изучаем, никогда не смогут заместить или подменить крик боли тела.

В этом заключается отличие лингвистики от философии языка: телесная семиотика, предшествующая значению (жесты, позы, движения, установки), «вселенная ценностей» и экзистенциальные

¹⁷ (Волошинов, 1926, с. 256).

¹⁸ *Hiatus* (лат. щель, расселина) – разрыв, зияние, термин в философии Делёза и Гваттари.

территории являются неотъемлемыми компонентами высказывания. Они являются, особенно у Гваттари, автономной силой производства речи. Интонация и жест связаны тесной взаимосвязью, которая берёт своё начало в телах – «первичной и древней материи оценочного выражения». В каждом жесте, как и в каждой интонации, всегда присутствует и дремлет в ожидании зародыш нападения и защиты, угрозы и ласки. По этой причине каждое высказывание всегда ставит говорящего в положение «союзника или наблюдателя», друга или врага.

Даже поэт, – говорит Бахтин, – «всегда работает с симпатией или антипатией, согласием или несогласием» слушателя. Только когда голос проникает внутрь и апроприирует соответствующие слова и утверждения, последние реализуют свой лингвистический потенциал и превращаются в актуализированное выражение. Исключительно в этот момент словам и утверждениям отводится уникальная и невоспроизводимая роль в вербальном обмене.

Активное и творческое измерение диалогических отношений, их характер как неких стратегических игр «возможных миров», а также экзистенциальные сингулярности и пространства, которые их поддерживают, становятся очевидными, если сопоставить их с лингвистическими элементами высказывания. В то время как последние являются «воспроизводимыми» компонентами, диалогические отношения оказываются «невоспроизводимыми», постоянно обновляемыми элементами высказывания, при этом сингулярность возникает из событийной природы высказывания. Эти два аспекта (воспроизводимый и невоспроизводимый) чётко различимы как в обращении, так и в ответе, к которому призывает высказывание.

Все речевые акты адресуют к кому-то или к чему-то, отвечают кому-то или чему-то, и посредством этого обращения или этого ответа они выражают ценности, точки зрения, эмоции, аффекты, симпатию и антипатию, согласие и несогласие по отношению к ситуации, по отношению к другому и к своему собственному высказыванию, по отношению к прочим высказываниям, а также по отношению к высказываниям, циркулирующим в публичном пространстве (особенно к тем, которые относятся к «истинному, справедливому и прекрасному»¹⁹, как замечает Бахтин). Все эти речевые акты направлены на достижение согласия или несогласия, отсылают к врагу или другу.

Все речевые акты – это вопросы, которые задают другим, себе и миру. Бахтинская теория высказывания подразумевает мир как

¹⁹ «Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость (образное высказывание) и т. п. И эти ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как к чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим (чужим) высказываниям (в частности, к тем, которые их оценивают как истинные, прекрасные и т. п.)» (Бахтин, 1986, с. 303).

проблему, как событие и как нечто принципиально не завершённое – в отличие от теории Остина, описывающей мир как конвенцию, институт и нечто воспроизводимое.

В последние годы своей жизни Гваттари обращается к тексту Бахтина 1924 г.²⁰, где говорится о поэтическом творчестве, из которого автор извлекает уроки для теории высказывания и производства субъективности в целом. Даже в случае с поэзией она работает не только с означающим, но всегда обращается к экзистенциальной точке зрения. Бахтин подчёркивает, что, если бы кто-то захотел объяснить обращение, было бы недостаточно оставаться на уровне простого языкового материала. Нужно обращаться к материальным языкам, которые не являются дискурсивными. В речевых актах (в данном случае поэтических речевых актах) именно аффект (экзистенциальная функция) задействует и осваивает различные семиотические элементы, чтобы их скомпоновать и удерживать вместе с целью их реализации и воплощения.

Экзистенциальная функция, которую Гваттари называет рефреном, опирается на определённые «дискурсивные цепочки», на определённые лингвистические элементы, и отрывает их от их собственного смысла, обычной сигнификации и денотации, чтобы придать им собственное движение, и в конечном счёте – другой смысл. Таким образом, она (экзистенциальная функция) играет роль онтологического экзистенциального утверждения.

Бахтин выделяет пять элементов высказывания:

- 1) звуковая сторона слова, собственно музыкальный момент его;
- 2) вещественное значение слова, со всеми его нюансами и новизнами;
- 3) момент словесных связей и взаимоотношений;
- 4) интонативный аспект, который выражает его эмоциональную и волевою направленность в психологическом плане, а также его направленность в отношении этико-политических и, более конкретно, социальных ценностей (доиндивидуальные и социальные голоса);

5) чувство словесной активности, активного порождения его смысла (чувство или аффект, куда нужно включить все двигательные моменты артикуляции, жеста, мимики и пр., всю внутреннюю устремлённость личности) – аффект, выражающий экзистенциальное восприятие мира и самого себя, который руководит расположением элементов высказывания, их выбором и способами совмещения²¹.

²⁰ Речь идет о бахтинской статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», к которой Гваттари апеллирует в своей последней работе. См.: (Guattari, 1995, pp. 1-17.)

²¹ Ближе к тексту цитируется отрывок из работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (Бахтин, 1975, с. 62).

Первые три компонента высказывания, составляющие лингвистические и семиотические элементы высказывания, представляют собой их «воспроизводимые» части, которые могут быть повторены, тогда как два последних элемента не могут быть воспроизведены, они абсолютно единичны и создаются однажды в речевом акте. Четвёртый элемент является специфически диалогическим и выражает как аффективные (эмоционально-волевые) оценки, так и социальные (ценностные). Последний элемент, представляющий собой чувство активности в создании слова, выражает экзистенциальную и онтологическую силу аффекта. Он представляет собой недискурсивный элемент, который порождает не только психическую реальность слова, но также «значение и восприятие». Посредством высказывания говорящий занимает «активную позицию» (она действует в экзистенциальном самополагании, как говорит Гваттари) по отношению к миру и другим: «другими словами, важно чувство принятия своей роли, то есть ощущения принятия позиции цельным человеком, движения, в которое вовлечён и организм, и смысловая активность, ибо то, что ее порождает – это и есть дух слова в его конкретном единстве»²².

Гваттари делает общие выводы. Вместе с Бахтиным, – говорит он, – мы можем научиться считать высказывание, его многоголосие и его множественные центры. Высказывание и процесс производства субъективности представляют собой композицию гетерогенных способов семиотизации (производства значения). Всегда – частичная (не исчерпывающая) композиция множества элементов (как лингвистических, так и нелингвистических) и разнородность семиотики (означающей и телесной, иконической, до-означающей и машинной). Но именно этот аффект, рефрен, который управляет «кристаллизацией высказывания», создаёт в то же время «относительное чувство единства» и уникальности (*singularity*), специфическое каждый раз для несопоставимого множества этих языковых элементов, телесных и ценностных, которые пронизывают говорящего. Аффект – это процесс экзистенциального присвоения, который, с одной стороны, отбирает семиотические компоненты, отделяя их от их значений и обычных денотатов, а с другой стороны, действует как «катализатор», как «аттрактор», удерживающий их вместе, как в музыкальном «мотиве», как в рефрене, придавая согласованность этим гетерогенным элементам посредством повторения.

Именно аффект всегда обладает способностью «трансверсализировать» эту разнородность элементов, придать им цвет, тон, заставляющий их со временем сходиться к сингулярности высказывания. Аффект представляет собой открытие недискурсивности, которое лежит в основе дискурсивности, кристаллизуя её и воздей-

²² Близко к тексту цитируется отрывок из работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (Бахтин, 1975, с. 62).

ствуя на неё, организуя её и придавая ей ценность. Как и у Бахтина, так и у Гваттари аффекты, придающие высказыванию характер экзистенциальной сингулярности, являются как «аффектами чувственности» (доиндивидуальными, волевыми и эмоциональными), так и «аффектами проблематики», активирующими отсылки «сентиментальные, мифические, исторические и социальные», вселенные ценностей и ссылок.

Эта активная сила аффекта, несмотря на то, что она недискурсивна, не менее сложна, и Гваттари определяет её как «гиперсложную, желая отметить, что она является примером зарождения сложности, процессуальности в состоянии возникновения, местом распространения становлений»²³. Гуманитарные науки и, в частности, психоанализ слишком давно привыкли думать об аффекте как об элементарной сущности влечения и инстинкта. Но, согласно Гваттари, существуют также «сложные аффекты», высокодифференцированные, которые приводят к необратимым диахроническим разрывам и могут быть названы «христианскими», «дебюссианскими», «ленинскими» (и, когда это случится, «саркозистскими»). Таким образом, на протяжении десятилетий целое созвездие экзистенциальных рефренов, разрывов в высказываниях открывало доступ к «ленинскому языку», который задействует специфические процедуры, относящиеся к разряду риторики, и лексиконы, относящиеся к разряду фонологии, прозы и образов.

Следует более обстоятельно вернуться к новшеству, привнесённому теорией Гваттари и Делёза, то есть к роли, которую играет экзистенциальная функция аффектов в речи и производстве субъективности. На данный момент я просто хочу подчеркнуть творческие элементы, силы утверждения и трансформации отношения к себе, другим и миру, которые являются нелингвистическими силами, потому что они аффективны, социальны и политичны. Они находятся вне языка, но внутри высказывания. Те же принципиальные различия мы находим и в акте ответа на обращение («понимание»). Все речевые акты есть «вопрос», требующий ответа, но ответ, которого ожидает высказывание, – это «активно-ответная позиция», «активно-ответное понимание» другого – в отличие от перформатива, где другой не является ни автономным, ни свободным. Для высказывания «нет ничего страшнее, чем отсутствие ответа». Но «ответный акт», который действует в слове, не является прежде всего лингвистическим.

Если, как предполагает Бахтин, вместо «полифонии» и гетерогенности семиотических языковых и неязыковых элементов обращения мы рассмотрим элементы «понимания», то обнаружим ту же множественность лингвистических (воспроизводимых) и нелингвистических (невоспроизводимых) элементов. В понимании при-

²³ Близко к тексту цитируется фрагмент из статьи Гваттари «Ритуарели и экзистенциальные аффекты» (Guattari, 1990, p. 68).

существует активный отклик-реакция, которую мы можем различить.

«1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. Узнавание его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далёком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности»²⁴.

Этот последний элемент, собственно диалогический элемент, является наиболее важным, потому что именно он сингуляризует и придаёт экзистенциальную согласованность ответу-реакции. Это то, что отбирает, упорядочивает и реализует множественность различных способов выражения. Лингвистическое понимание – это не то же самое, что диалогическое понимание. Первое состоит из воспроизводимых элементов (первые два элемента из цитаты Бахтина), второе – из невоспроизводимых компонентов, сингулярных и созданных одним актом понимания. Понимание есть всегда занятие позиции, суждение, ответ, то есть действие внутри диалогических отношений. Ответы-реакции выражают «симпатию, антипатию, согласие, несогласие, сочувствие, возражение, исполнение, стимул к действию и т. д.». Каждый ответ-реакция «опровергает, подтверждает, дополняет, опирается на них, предполагает их известными, как-то считается с ними»²⁵.

В отличие от реципиента высказывания у Вирно, который только созерцает, является свидетелем и судьёй высказывания («я говорю»), который, как и в классическом перформативе, подвергается лишь институциональному воздействию, у Бахтина собеседник полноправно участвует в осуществлении действия. Как и в более поздней теории властных отношений Фуко, собеседник активен и «свободен». В случае высказывания он задаёт динамику и ориентирует актуализацию. Высказывание – это со-производство полемической или кооперативной со-актуализации лингвистических виртуальностей и миров ценностей или экзистенциальных территорий, их поддерживающих. Подобно фукианским отношениям власти, отношения власти-речи открывают активное пространство понимания, ответов-реакций, а также пространство возможностей, которые не могут быть очерчены или актуализированы за пределами «создания» высказывания.

Если мы проследим за «созданием» высказывания, то легко увидим, что природа высказывания не перформативная, а скорее диалогическая, стратегическая и даже событийная. Речевой акт – это действие на возможное действие других, которое начинается

²⁴ (Бахтин, 1986, с. 281).

²⁵ (Бахтин, 1986, с. 286).

с этико-политического измерения и аффективного измерения отношения с другим. У Бахтина имеется «агонистическое» представление о высказывании, функционирующем как борьба между говорящими, или, скорее, как о форме управления другими, выраженное через целый ряд приёмов и тактик, неотъемлемой частью которых является лингвистические и семиотические приёмы и тактики.

«Строя своё высказывание, я стараюсь его активно определить; с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на моё высказывание (я парирую возражения, которые предвижу, прибегаю к всякого рода оговоркам и т. п.). Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь всё это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания».²⁶

Выбор характера высказывания, выбор композиционных приёмов и языковых средств будет исходить из властного отношения к другому, поскольку, в отличие от сосюрровской лингвистики, высказывание не является лишь индивидуальным процессом. Этот выбор может быть совершён только внутри высказывания, в процессе его совершения, куда другой интегрирован как живой, динамичный и свободный элемент.

Информация об источниках финансирования

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Funding

The research was carried out within the framework of a grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

²⁶ (Бахтин, 1986, с. 291).

Список литературы

- Бахтин, 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бахтин, 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бахтин, 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Волошинов, 1926 – *Волошинов В.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244-267.
- Долгорукова, 2018 – *Долгорукова Н.* Бахтин во Франции (на материале первых французских рецензий 1970-х годов) // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 100-107.
- Тинус, 2021 – *Тинус Н.Н.* Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1 (100). С. 44-59.
- Фаритов, 2016 – Фаритов В.Т.* Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140-149.
- Фуко, 2006, web – *Фуко М.* Субъект и власть / Пер. с фр. Б.М. Скуратов; Ред. В.П. Большаков // Центр гуманитарных технологий. 2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7373> (дата обращения: 23.08.2023).
- Evans, 2008 – *Evans F.* Deleuze, Bakhtin, and the 'Clamour of Voices'. *Deleuze Studies*. 2008. Vol. 2. No. 2. Pp. 178-188.
- Guattari, 1990 – *Guattari F.* Ritornellos and existential affects. *Discourse*. 1990. Vol. 12. No. 2. Pp. 66-81.
- Guattari, 1995 – *Guattari F.* Chaosmosis: an ethico-aesthetic paradigm. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 136 p.
- Jenks, 2003 – *Jenks Ch.* Transgression. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 205 p.
- Lazzarato, 2009, web – *Lazzarato M.* Mikhail Bakhtin's theory of the utterance. 2009. URL: <https://www.generation-online.org/fp/lazzarato6.htm> (дата обращения: 23.08.2023).
- Lazzarato, 2014 – *Lazzarato M.* Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity. Los Angeles: Semiotext (e), 2014. 279 p.

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years*. Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1990). *The Art of Francois Rabelais and the Folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1986). *The Aesthetics of Verbal Art*. Iskustvo Publ. (In Russian)
- Dolgorukova, N. (2018). Bakhtin in France (Based on his first french reviews in the 1970s). *New Literary Review*, 2, 100-107. (In Russian)
- Evans, F. (2008). Deleuze, Bakhtin, and the 'Clamour of Voices'. *Deleuze Studies*, 2 (2), 178-188. (In Russian)
- Faritov, V. T. (2016). The philosophical aspects of the work of M. Bakhtin: transgression ontology. *Issues of Philosophy*, 12, 140-149. (In Russian)

Foucault, M. (2006). Subject and Power. *Center for Humanitarian Technologies*. Retrieved August 23, 2023, from <https://gtmarket.ru/library/articles/7373> (In Russian)

Guattari, F. (1995). *Chaosmosis: an Ethico-Aesthetic Paradigm*. Indiana University Press.

Guattari, F. (1990). Ritornellos and existential affects. *Discourse*, 12 (2), 66-81.

Jenks Ch. (2003). *Transgression*. Routledge.

Lazzarato, M. (2023). *Mikhail Bakhtin's Theory of the Utterance*. Retrieved August 23, 2023, from https://www.generation-online.org/p/fp_lazzarato6.htm

Lazzarato, M. (2014). *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Semiotext (e) Publ.

Tinus, N. N. (2021). Process and relation: origins of the autonomist theory of individuation. *Politeia*, 1 (100), 44-59.

Voloshinov, V. (1926). The word in life and the word in poetry. On issues of sociological poetics. *Zvezda*, 6, 244-267. (In Russian)

УДК 165

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-115-126

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ СКЕПТИЦИЗМА

Ткачев Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23;

e-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

В статье предпринимается попытка выявить основания, относительно которых могло бы развиваться сомнение. Проблемой является то, что сомнение по логике своего развития обращается на свои же основания, а это означает, что основания скептицизма не обладают необходимой устойчивостью и постоянством. Сомнения в отношении оснований неизбежно превращают в сомнительное всякое знание, рациональность, верования-убеждения. В статье анализируется критика скептической аргументации путём противопоставления скептицизма рациональности, путём игнорирования скептической аргументации, если ответ на неё не представляется возможным, путём обращения скептической аргументации на саму себя, а также рассматривается сам познавательный статус скептицизма. Кроме того, в статье рассматривается сравнение знания и верования-убеждения и предлагается определять познавательный статус знания ниже, чем познавательный статус верований-убеждений и предположений, потому что верования и предположения более удовлетворяют положению познавательных возможностей человека, которое следует из скептической аргументации. В статье сравниваются скептицизм как догма и скептицизм как метод, и отдаётся предпочтение интерпретации скептицизма как метода. При этом ставится вопрос о характере догмы-основания для развития скептицизма. Для этого сравниваются значения имманентных и трансцендентных представлений для оснований методологического скептицизма. Исходя из представлений о принципиальной двойственности скептицизма, поддерживается предложение Дэвида Люиса и Хелен Биби о замене стремления к знанию стремлением к равновесию. При этом в статье предлагается дополнить их идею равновесия идеей стремления к трансцендентному, потому что иначе равновесие, в отличие от знания, само по себе бесприметно, а трансцендентность задаёт потенциальную направленность для удержания равновесия противоположных точек зрения.

Ключевые слова: скептицизм, основания, равновесие, трансцендентное, вера-убеждение, догма, метод, границы познания

Цитирование: Ткачев А.Н. Проблема оснований скептицизма // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 115-126.
DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-115-126

Рукопись получена: 23 ноября 2023

Пересмотрена: 23 декабря 2023

Принята: 26 декабря 2023

THE PROBLEM OF FOUNDATIONS OF SKEPTICISM

Andrey N. Tkachev – PhD in Philosophy, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

The article attempts to identify the grounds regarding which doubt could unfold. The problem is that doubt, according to the logic of its unfolding, refers to its own foundations, which means that the foundations of skepticism do not have the necessary stability and constancy. Doubts regarding the foundations inevitably turn all knowledge, rationality, and beliefs into doubtful ones. The article analyzes the criticism of skeptical argumentation by contrasting skepticism with rationality, ignoring skeptical argumentation if the answer to it is not possible, by turning skeptical argumentation on itself, and also examines the cognitive status of skepticism itself. In addition, the article examines the comparison of knowledge and faith-belief and proposes to define the cognitive status of knowledge lower than the cognitive status of faiths-beliefs and assumptions, because faiths and assumptions are more consistent with the state of human cognitive capabilities, which follows from skeptical argumentation. The article compares skepticism as a dogma and skepticism as a method, and gives preference to the interpretation of skepticism as a method. At the same time, the question is raised about the nature of dogma as the basis for the development of skepticism. To do this, the meanings of immanent and transcendental ideas for the foundations of methodological skepticism are compared. Based on ideas about the fundamental duality of skepticism, the author supports the proposal of David Lewis and Helen Beebe to replace the desire for knowledge with the desire for balance. Furthermore, the article proposes to supplement their idea of balance with the idea of striving for the transcendental, because otherwise balance, unlike knowledge, is itself pointless, and transcendence sets a potential direction for maintaining the balance of opposing points of view.

Keywords: skepticism, foundations, balance, transcendental, belief, dogma, method, boundaries of cognition

How to cite: Tkachev, A.N. (2023). The problem of foundations of skepticism. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 115-126. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-115-126 (In Russian)

Received: 23 November 2023

Revised: 23 December 2023

Accepted: 26 December 2023

Введение

В философии с древних времён идёт разговор о том, что такое «знание», и один из важных подходов в этом эпистемологическом споре представлен скептической аргументацией, направленной на критическое рассмотрение различных попыток утвердить положительные представления о «знании».

Неслучайно в современной философии поднимается вопрос об «эпистемической тревоге», которую порождает аргументация скептицизма, и которая представляет проблему, состоящую «в подтверждении наших знаний о внешнем мире перед лицом радикальных скептических вызовов» (Carter, Dechauffour, Lefftz, 2021, p. 3517), что вновь и вновь делает актуальными темы, связанные с пониманием скептицизма. Помимо собственно скептической аргументации имеет актуальное значение и рассмотрение того, в каком познавательном статусе находится сам скептицизм, какие основания стоят за ним или присутствуют в нём, потому что уровень силы критики во многом определяется её основаниями. И тут мы встречаемся с целой палитрой мнений: от отрицания познавательного статуса скептицизма в позитивизме (и не только), – неправильно задавать вопросы, на которые невозможно ответить, – до утверждения высшего познавательного статуса скептицизма, который может отменять любые принципы познания (например, в постмодернизме, отменяющем принципы обобщения и единства). В данной статье предпринимается попытка понять и прояснить некоторые основания скептицизма, чтобы определить гносеологический статус скептицизма и его аргументации.

Отношение скептицизма к знанию и границам познания

Является ли скепсис знанием? На первый взгляд, не является, потому что ничего не предлагает, а, следовательно, и не может иметь никакого познавательного значения. Например, Сьюзан Райнард в своей статье «Reasoning one's Way out of Skepticism» справедливо замечает, что «рациональность требует от нас верить, что скептицизм во внешнем мире ложен» (Rinard, 2019, p. 242). Действительно, рациональность требует некой (хоть какой-нибудь) упорядоченности в представлениях о мире, а скепсис принципиально несовместим с любой упорядоченностью, потому что сомнение – это проявление хаоса. Однако нужно добавить, что само понятие «вера» есть результат скептицизма. Да, человеку необходимо верить во что-то упорядоченное, чтобы была возможность жить и действовать в этом мире, но именно верить, поскольку обладать знанием он не может. С. Райнард ставила задачу в своей статье показать, что можно убедить скептика его же методами в том, что «...у нас есть знания о внешнем мире, а также показать, «как это могло бы быть выполненным» (Rinard, 2019, p. 240). Однако в результате она лишь привела аргумент в пользу того, что рациональ-

ность требует веры (а вовсе не знания) в то, что скептицизм ложен. Даже если она понимала знание как разновидность веры-убеждения, то и тогда поставленная задача не решается.

Из того, что скептик признаёт, что рациональность несовместима со скепсисом, никакого признания в том, что возможно знание о внешнем мире, никак не следует. Вера сама есть понятие отчасти скептическое и в этом смысле ставящее под сомнение любую nezбылемую рациональность и признающее лишь предполагаемую рациональность.

Упрёк скептицизму в нерациональности, несмотря на его справедливость, достаточно наивен, потому что скептицизм в своём развитии сносит рациональность, причём рационально разрушает рациональность, так как альтернатива ему – только прекращение развития, то есть прекращение мышления, что тоже нерационально. Из скептицизма есть только нерациональные выходы. Собственно, и утверждение, что скептицизм нерационален, само нерационально по той причине, что критикует скептицизм за разрушение рациональности: то есть разрушается рациональность, а виноват скептицизм. Рациональность не может устоять против аргументации скептицизма и вынуждена прибегать к внерациональным аргументам.

Сказанное не отрицает того, что и скептицизм в принципе иррационален, но, с другой стороны, скептицизм является средством познания и именно рационального познания, и отчасти благодаря скептицизму совершается развитие познания. Казалось бы, роль скептицизма в рациональном познании можно рассматривать только как средство, но именно это средство разворачивает область неизвестного, которое и является основным предметом познания. Является ли знание о наличии неизвестного знанием? Ведь, это просто обнаружение неизвестного, хотя само высказывание «обнаружение неизвестного» выглядит странным, потому что если неизвестное обнаружено, то оно уже в какой-то степени известно. Обычное неизвестное обнаруживается не как неизвестное, а как невозможность чего-то, например, невозможность знать. Люди с древности «желают найти выход из тревожного беспорядка вещей в мире, который представляет им бесчисленные конфликты – видимостей, мыслей и доктрин» (García-Valdecasas, Guillon, Milburn, 2023, p. 5). И вот когда речь идёт о невозможности, то невозможность человека вполне может быть предметом познания. Уже указывалось на то, что критика многих скептических вопросов сводилась к предложению отбросить вопросы, на которые невозможно ответить, как «псевдовопросы». Но можно и иначе посмотреть на подобную аргументацию: невозможность ответить на вопрос говорит о границах познания в связи с этим вопросом. И за границей познания находится неизвестное. В противном случае возникает иллюзия псевдоизвестного, если игнорируются вопросы, на которые невозможно ответить.

Здесь можно было бы предположить, что скептицизм помогает определить границы знания, потому что знание границ уже можно рассматривать как знание. Но проблема в том, что скептицизм, обнаруживая границы знания, размывает их (например, софисты, на границах знания открывают парадоксы, то есть двусмысленность границ, а двусмысленность – это атрибут скептицизма, потому что сомнение всегда двусмысленно, так как не склоняется ни к «да», ни к «нет»), поэтому предполагать то, что скептицизм даёт знание о границах познания, тоже не представляется возможным. Тут нужно вспомнить о проблеме определения самого «знания» для того, чтобы попытаться выявить в том, что называют «знанием», место для скептицизма.

Классическое определение знания: «знание – это истинное и обоснованное мнение». Но в каком смысле «истинное» и в каком смысле «обоснованное»? Даже и без аргументации Геттиера, ставящей под сомнение обоснованность знания, давно известно (отчасти благодаря скептицизму), что ни истина, ни обоснование недоступны возможностям человека. Например, если взять логический закон достаточного основания, то ещё автор этого закона Лейбниц писал в «Монадологии», что достаточное основание может быть только у Бога, а всё остальное принципиально недостаточно. То есть знание как подлинное знание – это нечто недоступное возможностям человека. И потому разговор о «знании» – это всегда разговор о том, что находится в познавательном статусе предположений и верований. Например, «Стэнфордская философская энциклопедия» так и определяет знание как разновидность веры. «Большинство современных подходов к знанию представляют собой модификации или уточнения традиционного анализа и, следовательно, также рассматривают знание как разновидность убеждения (belief)» (Schwitzgebel, 2023, web). (В англоязычном дискурсе авторы иногда стремятся разделить религиозную веру – “faith” и “belief” – как доверие, убеждение, однако они находятся в одном познавательном статусе по отношению к неизвестному (можно сказать, что “faith” – это разновидность, частный случай “belief”). И то и другое – просто принятые к действию предположения о неизвестном, поэтому для вопросов эпистемологического статуса их различение не выглядит имеющим смысл.)

Другими словами, познавательный статус современного понимания знания ниже, чем познавательный статус предположений и верований-убеждений, потому что всякое человеческое знание в конечном итоге основано на предположениях и верованиях-убеждениях. Но если аргументация скептицизма позволяет определять познавательный статус знания ниже, чем верований, то почему речь идёт именно о познавательном статусе, а не о статусе верований? Может, раздел учения о познании (гносеологии) в философии надлежит тогда заменить учением о верованиях? Возможно, здесь надлежит различать познание и знание: познание человеку доступно, а настоящее знание недоступно, потому что познание

необязательно может приводить к знанию; познание вполне может быть и ошибочным; познание – это процесс, а не результат. Кроме того, тут нужно различать статичное и динамичное представление о познании и знании, где статичное – это нечто преимущественно завершённое, а динамичное – это нечто преимущественно изменчивое. И скептицизм – это как раз то средство, которое не позволяет остановить, завершить процесс. Таким образом, скептицизм – это неотъемлемая составная часть познания. Можно было бы даже сказать, что процесс познания – это и есть скептицизм, если бы скептицизм мог быть сам для себя основанием, однако по причине принципиальной двусмысленности скептицизм не может себя обосновать. Но хотя скептицизм как позиция не имеет самообоснования, это ещё совсем не означает, что скептицизм не может иметь в качестве своего основания не себя, а нечто другое.

Скептицизм - метод или догма (основание)?

Обычно считается, что полный скептицизм не должен иметь основания, так как основание несовместимо с сомнением, но это действительно только в том случае, если рассматривать скептицизм как учение, которое предлагает какую-то точку зрения или хотя бы ничего не предлагает, что тоже является своего рода предложением («ничего» тоже можно рассматривать как предложение). Однако полный скептицизм вообще ничего не предлагает, даже понятия «ничего» полный скептицизм не предлагает в качестве определённого учения. То есть получается, что скептицизма как учения нет, но скептицизм тем не менее есть, только не как учение, а как метод. Как пишет О. Столярова: «... опора скептической позиции на онтологию – очевидно противоречива, но, с другой стороны, именно онтологическая обоснованность и «спасает» явление самого скептицизма от провала в пустоту бессодержательного ничто. Скептицизм как явление имеет онтологические причины и предпосылки и вследствие этого заслуживает внимания» (Столярова, 2018, с. 72).

Действительно, если предположить онтологические основания-предпосылки скептицизма, то вполне можно рассматривать скептицизм как метод для поиска относительно этого основания. Кроме того, существуют мнения, которые предлагают рассматривать не только скептицизм, но и догматизм как метод: «Скептицизм и догматизм относятся к методологическим установкам, имеющим мировоззренческую и философскую интерпретацию» (Николаев, 2009, с. 118).

Однако метод существует для чего-то. Про скептицизм же можно сказать, что он существует обычно для какой-то догмы, однако этого нельзя сказать про саму догму, потому что догматическое представления и есть то, ради чего и для чего существуют методологии.

Методологический скептицизм Декарта не рассматривает изменения познавательного статуса скептицизма: скептицизм как метод продолжает противопоставляться догматическим представлениям, просто метод рассматривается как догматическое утверждение.

Если скептицизм понимать как метод, то ему необходимо какое-то основание, пусть условное, относительное, предполагаемое и т.д., но всё-таки основание, ведь метод должен применяться относительно чего-то и для чего-то. Даже если посмотреть на скептицизм диалектически, в развитии, то и развитие имеет направление и опирается на изменения чего-то наличествующего.

Если же скептицизм понимать в статусе догмы, пусть особой и необычной, то тогда нужно сам скептицизм пытаться осознать как основание, опять-таки, с оговорками, что это основание условное, относительное, предполагаемое и т.д.

Другими словами, вопрос сводится к тому: является ли основание скептицизма чем-то внутренним для него, или это нечто внешнее по отношению к нему? От решения этого вопроса зависит направление интерпретаций скептицизма: либо это интерпретации учения (догмы), либо это интерпретации метода.

Нужно заметить, что позиция скептицизма выходит за рамки двоичной логики, основанной на «да» и «нет». Скептицизм предполагает трёхзначную логику с одним неточным значением: «да, истина (1)», «нет, ложь (0)», «не знаю, неопределённость (1,0)». Именно то, что скептицизм не вписывается в двоичную логику, создавало и создаёт трудности для его осмысления, потому что третье значение «не знаю» поглощает, ставя под сомнение, другие два значения. Трёхзначные логики с членом «не знаю» – это гипотетические (воображаемые) логики: благодаря значению «не знаю» они уже не могут говорить о правилах мышления, а только о гипотетических (воображаемых) правилах мышления. Отсюда и само сомнение носит всегда принципиально предполагаемый (воображаемый) статус. С позиции скептицизма, весь окружающий мир становится лишь предполагаемым.

Эпистемологический статус полного скептицизма

Познавательный статус скептического высказывания носит исключительно предполагаемый, а не утвердительный характер, и потому обычная критика скептицизма о том, что полный скептицизм опровергает сам себя, относится только к догматическому, а не к предполагаемому скептицизму.

И действительно, казалось бы, полный догматический скептицизм с очевидностью опровергает сам себя: образно говоря, это что-то вроде масла не масленного. Обычная логика требует однозначности: либо догма, либо скепсис – что-нибудь одно. Но это только в том случае, если скептицизм позиционируется как утверждение догмы, претендующей на реальность и однозначность. Для простоты терминологии в данной статье понятие «догма» предла-

гается употреблять как некое высказывание, претендующее на реальность, на соответствие действительности, хотя бы в виде просто предположения о том, что действительно может быть. Разумеется, в современной мысли догма (теория, учение) давно носит исключительно предполагаемый характер; тем не менее, догма, хотя это и предполагаемое высказывание, всё равно так или иначе претендует на реальность, пусть лишь только как предположение. А предполагаемый скептицизм не претендует на реальность – он претендует лишь на возможность сомнения. На это можно было бы возразить, что если скептицизм не претендует на реальность, то он ни на что не претендует, а потому его просто нет, и говорить не о чем. Только понятие «нет» – это тоже претензия на реальность, которой скептицизм не предлагает: скептицизм – это «не знаю», а не «нет». Скептицизм говорит о неизвестности того, что может быть в реальности. Другими словами, догма (учение, теория) претендует-предполагает некий предмет, явление, закономерность в реальности бытия или их отсутствие, тогда как скептицизм ничего, кроме возможности сомнения, не предполагает в реальности. Отсюда возникает вопрос о соразмерности сравнения, идущего еще из античности, где догматизм противопоставлялся скептицизму. Поскольку скептицизм ничего не утверждает, то его противопоставление утверждению выглядит несоразмерным: утверждению должно быть противопоставлено другое утверждение. Однако это так только теоретически. Если посмотреть исторически на развитие скептической мысли в Древней Греции, то древнегреческие скептики никогда не были совсем скептиками, но либо использовали скептицизм для поисков совершенной догмы, либо считали совершенную догму недоступной для человека, но существующей. Как пишет Д.А. Гусев: «Если скептик сомневается, то – в достигнутых на определённый момент результатах познания, но не в самом его процессе, не в самом существовании познания» (Гусев, 2015, с. 22). В Древней Греции был, скорее, скептический догматизм или догматический скептицизм: различие акцентов тут зависит от того, что считать основным в скептицизме – догму или скепсис. Как уже говорилось выше, скептицизм не может выступать основанием для самого себя, а потому речь может идти только о скептическом догматизме. Даже если скептик пытается исходить из скептицизма, то это может лишь говорить о латентном догматическом основании для такого скептицизма. Отсюда эпистемологический статус скептицизма (как скептического догматизма) должен был бы определяться относительно тех или иных догм, которые лежат в его основании, если бы не понятие трансцендентности, которое проблематизирует всякую догму.

Трансцендентное в основании скептицизма

Если развитие скептицизма проходило бы исключительно в рамках имманентного, то основание скептицизма могло бы быть,

хотя бы в некоторых чертах, определимо. Например, оно хотя бы могло мыслиться отчасти по правилам логики, ведь человеческая логика имманентна. Но в скептицизме в европейской мысли, особенно после «вещи-в-себе» Канта, начинает актуализироваться представление о трансцендентном. Именно поэтому и возникает вопрос об основаниях скептицизма, так как ничто имманентное не может удовлетворять притязаниям скептицизма. Причём это было известно и древневосточной мысли, например, известные слова из «Екклесиаста» о том, что «всё суета», означают именно то, что ничто имманентное не может быть удовлетворительно в качестве основания. Как пишет известный специалист по исследованию философии иудаизма Тантлевский: «Практически общим местом является оценка Книги Кохелета (евр. Qōheleṭ; греч. пер.: Ἐκκλησιαστής, откуда рус. Екклесиаст) как произведения “скептического”» (Тантлевский, 2020, с. 197). Обычно древневосточная мысль не склонна к объяснениям своих высказываний, но очевидно, что вывод о суетности-изменчивости-неосновательности всего мог быть сделан только благодаря скептическим размышлениям. И, в отличие от древних греков, мы никак не можем приписывать древним иудеям наличие имманентной догмы в высказывании о том, что «всё суета», потому что это противоречило бы второй заповеди, где категорически запрещается сравнивать Божественное с чем-либо из окружающего человека мира, то есть, говоря современным языком, утверждается трансцендентность по отношению к окружающему миру. Интересно, что даже слова о единстве Бога в Библии невозможно, строго говоря, отнести к имманентному высказыванию, хотя понятие единства явно имманентно, потому что, пусть в Библии и говорится о единстве Бога (даже не о единстве, а о том, что Бог один – древнееврейское слово «эхад» означает «один», а не «един»), тем не менее, об этом говорится явно двусмысленно. Например, в высказывании о том, что «Бог сотворил», слово «Бог» стоит во множественном числе, а глагол «сотворил» – в единственном, или, например, говорится о том, что «Боги ваши» – это «Бог один», и т. д. И непонятно, как слово «ваши» сочетается со словом «один». (Речь идет о древнееврейском тексте, потому что в переводах эта двусмысленность устранена. И, разумеется, что в богословии множество объяснений на этот счёт. Объяснения могут быть какие угодно, но что написано, то написано, а все позднейшие объяснения – это не сам текст и никогда им не станут). Тут также нужно учитывать, что принципиально объяснительный смысл богословия стремится всё переводить в имманентное, потому что имманентное понятно, его можно связно пояснять, в отличие от трансцендентного, которое, с имманентной точки зрения, всегда выглядит противоречиво или двусмысленно. Можно сказать, что и скептицизм, благодаря своей принципиальной двусмысленности, выводит мысль (или подводит мысль) к трансцендентному. В связи с этим представляется очень интересным изменение самих целей философии, которые предлагает, например, Хелен

Биби. Поскольку аргументация скептицизма непреодолима, то в качестве ответа на скептицизм надлежит изменить цели философии и говорить уже не о познании: следует «отказаться от взгляда, согласно которому философия нацелена на познание, и (вслед за Дэвидом Льюисом) заменить его более скромной целью: поиском “равновесий”, которые “выдерживают проверку”» (Beebe, 2018, p. 1). Под «равновесием» в данном случае понимается как раз состояние скептической двусмысленности: существуют аргументы в пользу одного и не менее значимые аргументы в пользу противоположного, а равновесие – это когда одна аргументация другой не перетягивает. Когда же у одной из сторон появляются более серьёзные аргументы, то равновесие нарушается, и требуется поиск нового равновесия. То есть развитие мысли происходит путём достижения равновесия, а не поиска знания. В связи с этим снимается проблема неопровержимости скептицизма, потому что процесс развития мысли просто удовлетворяет требованию скептицизма. Другими словами, предлагается в основание развития мысли положить принципиальную двусмысленность, то есть неизвестность, скептицизм. И сделать уравновешенное состояние скептицизма основанием скептицизма. В таком случае скептицизм предлагается уже не как метод, а как догматизм равновесия. При этом здесь представляется совершенно необходимым добавить в это догматическое предположение то, что это догматизм, предполагающий трансцендентное. В противном случае останется непонятным, перед чем или относительно чего равновесие, и дискурс об основании равновесия в имманентном неизбежно скатится к следующему. Аналогично тому, как отрицается однозначность познания, так же надо будет отрицать и однозначность равновесия, тогда как трансцендентное в принципе исключает всякую имманентную однозначность и потому вполне может удовлетворять принципу равновесия относительно трансцендентного.

Выводы

Именно методологическая интерпретация скептицизма позволяет ставить вопрос об основаниях скептицизма, где под основанием понимается догматическое представление. В принципе, скептицизм может обслуживать (и обычно так или иначе обслуживает) любое догматическое основание-представление, но не всякое догматическое основание позволяет использовать максимально познавательный потенциал скептицизма. Чем больше догматическое основание допускает в своих представлениях ссылок на трансцендентное, тем более раскрывается познавательный потенциал скептицизма. Но скептическое развитие (будучи методологическим, то есть для какой-то догмы), как всякое развитие, стремится к полноте и вполне может разрушать своё догматическое основание, даже допускающего трансцендентное в догмах. Про что-либо имманентное и говорить нечего: скептицизм от такого своего основа-

ния в процессе своего развития камня на камне не оставляет. Но это касается только имманентных представлений, а относительно трансцендентного остаётся возможность временных достижений равновесия в аргументации противоположных утверждений. Благодаря принципиальной неоднозначности представлений о трансцендентном трансцендентное вполне может быть направлением и неизвестным потенциальным основанием скептицизма.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Гусев, 2015 – Гусев Д.А. Скептицизм как философский реализм // *Философия и культура*. 2015. Т. 85. № 1. С. 20-28. <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2015.1.13447>

Николаев, 2009 – Николаев Е.А. Скептицизм и догматизм как методологические установки // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 42 (180). С. 118-128.

Столярова, 2018 – Столярова О.Е. О чём можно говорить и о чём следует молчать: релятивизм, скептицизм, апофатизм // *Цифровой учёный: лаборатория философа*. 2018. Т. 1. № 3. С. 66-81. <https://doi.org/10.5840/dspl20181330>

Тантлевский, 2020 – Тانتлевский И.Р. Скептицизм как «атрибут» диалектической методологии Кохелета // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21. № 1. С. 196-204. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.19.1.026>

Beebee, 2018 – Beebee S. Philosophical skepticism and the aims of philosophy // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2018. Vol. 118. No. 1. Pp. 1-24. <https://doi.org/10.1093/arisoc/aox017>

Carter, Dechauffour, Lefftz, 2021 – Carter J.A., Dechauffour G., Lefftz G. Introduction to special issue: Skepticism and Epistemic Angst // *Synthese*. 2021. Vol. 198 (Suppl 15). Pp. 3517-3519. <https://doi.org/10.1007/s11229-021-03241-1>

García-Valdecasas, Guillon, Milburn, 2023 – García-Valdecasas M., Guillon J.B., Milburn J. Introduction: the varieties of anti-skepticism, from past to present // *Topoi*. 2023. Vol. 42. Pp. 5-8. <https://doi.org/10.1007/s11245-022-09871-5>

Rinard, 2019 – Rinard S. Reasoning one's way out of skepticism // K. McCain, T. Poston (Eds.) *The Mystery of Skepticism New Explorations*. Leiden; Boston: BRILL, 2019. Pp. 240-264.

Schwitzgebel, 2023, web – Schwitzgebel E. Belief // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition) / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/belief/> (дата обращения: 22.11.2023).

References

- Beebee, S. (2018). Philosophical skepticism and the aims of philosophy. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 118 (1), 1-24. <https://doi.org/10.1093/arisoc/aox017>
- Carter, J.A., Dechauffour, G., Lefftz, G. (2021). Introduction to special issue: Skepticism and Epistemic Angst. *Synthese*, 198 (Suppl 15), 3517-3519. <https://doi.org/10.1007/s11229-021-03241-1>
- García-Valdecasas, M., Guillon, J.B., Milburn, J. (2023). Introduction: the varieties of anti-skepticism, from past to present. *Topoi*, 42, 5-8. <https://doi.org/10.1007/s11245-022-09871-5>
- Gusev, D.A. (2015). Skepticism as philosophical realism. *Philosophy and culture*, 85 (1), 20-28. <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2015.1.13447>
- Nikolaev, E.A. (2009). Skepticism and dogmatism as methodological guidelines. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 180 (42), pp. 118-128.
- Rinard, S. (2019). Reasoning one's way out of skepticism. In: K. McCain, T. Poston (Eds.). *The Mystery of Skepticism New Explorations* (pp. 240-264). BRILL.
- Schwitzgebel, E. Belief. In: E.N. Zalta, U. Nodelman (Eds.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition). Retrieved 22 November, 2023 from <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/belief/>.
- Stolyarova, O.E. (2018). What can be said, and what must be kept in silence: relativism, skepticism, apophaticism. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 1 (3), 66-81. <https://doi.org/10.5840/dspl20181330>
- Tantlevskij, I.R. (2020). Skepticism as an "attribute" of Qoheleth's dialectical methodology. *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 21 (1), 196-204. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.19.1.026>

CASE STUDIES

УДК 001.1; 101.8

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-127-144

ВТОРОЙ КОНГРЕСС ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ 1931 Г. В ЛОНДОНЕ В ИСТОРИИ НАУКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ЧАСТЬ I. ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССОВ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

Куприянов Виктор Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, лит. Б;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0757-3752

Статья представляет собой первую часть исследования, посвящённого истории Второго конгресса по истории науки в Лондоне 1931 г. Автор проводит реконструкцию истории подготовки Второго международного конгресса по истории науки. Описывается история зарождения идеи международных историко-научных конгрессов, показывается роль Поля Таннери как инициатора проведения специализированных конгрессов по истории науки. Указывается, что П. Таннери связывал свои философско-методологические взгляды с позитивизмом О. Конта и считал себя продолжателем его учения. В статье даётся оценка философско-методологическим взглядам П. Таннери. Автор предлагает реконструкцию философских взглядов известного историка науки Дж. Сартона, который считал себя продолжателем дела П. Таннери и О. Конта. В статье указывается, что инициативы П. Таннери привели к организации в 1928 г. Международного комитета по истории науки. Приводится реконструкция истории основания этой историко-научной организации, которая сегодня является одним из старейших специализированных историко-научных учреждений в мире. Описывается история Первого международного конгресса по истории науки в Париже, а также история подготовки Второго международного конгресса. Приводится состав оргкомитета Второго международного конгресса по истории науки в Лондоне, а также показывается, что все основные вопросы, касающиеся организации конгресса, его идеи и стратегии проведения были решены к весне 1930 г.

Ключевые слова: история науки, Конт, Сартон, Таннери, Международный комитет по истории науки, позитивизм, марксизм, конгресс по истории науки

Цитирование: Куприянов В.А. Второй конгресс по истории науки и техники 1931 г. в Лондоне в истории науки первой половины XX в. Часть I. Зарождение идеи международных конгрессов по истории науки // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 127-144. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-127-144

Рукопись получена: 7 ноября 2023

Пересмотрена: 4 декабря 2023

Принята: 8 декабря 2023

THE SECOND CONGRESS ON THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN LONDON, 1931, IN THE HISTORY OF SCIENCE OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY. PART I. THE ORIGIN OF THE IDEA OF INTERNATIONAL CONGRESSES ON THE HISTORY OF SCIENCE

Viktor A. Kupriyanov – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the Russian Academy of Science, St. Petersburg Branch. 5B, University embankment, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: nonignarus-artis@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0757-3752

The article presents the first part of the research devoted to the history of the Second Congress on the History of Science in London in 1931. The author reconstructs the history of the preparation of the Second International Congress on the History of Science. The article describes the history of the origin of the idea of international historical-scientific congresses and shows the role of Paul Tannery as an initiator of specialized congresses on the history of science. It is pointed out that P. Tannery connected his philosophical and methodological views with the positivism of O. Comte and considered himself a continuer of his teachings. The article evaluates the philosophical and methodological views of P. Tannery. The author offers a reconstruction of philosophical views of the prominent historian of science G. Sarton, who considered himself a successor of P. Tannery and O. Comte. The article points out that the initiatives of P. Tannery's initiatives led to the organization of the International Committee for the History of Science in 1928. The article reconstructs the history of the founding of this historical-scientific organization, which today is one of the oldest specialized historical-scientific institutions in the world. The history of the First International Congress on the History of Science in Paris is described, along with the history of the preparation of the Second International Congress. The composition of the organizing committee of the Second International Congress on the History of Science in London is given. The author shows that all the main issues concerning the organization of the congress, its ideas and strategy were resolved by the spring of 1930.

Keywords: history of science, Comte, Sarton,

Tannery, International Committee on the History of Science, positivism, Marxism, Congress on the History of Science

How to cite: Kupriyanov, V.A. (2023). The Second Congress on the History of Science and Technology in London, 1931, in the history of science of the first half of the 20th century. Part I. The origin of the idea of international congresses on the history of science. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 127-144. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-127-144 (In Russian)

Received: 7 November 2023

Revised: 4 December 2023

Accepted: 8 December 2023

В первой половине XX в. наука становится одним из самых влиятельных социальных институтов. Научно-технологический прогресс обеспечивает также социально-экономические трансформации, радикально меняя общество. Можно говорить, что в этот период наука всё больше проникает в повседневную жизнь людей, что делает её неотъемлемой составной частью современных государств. Повышение социальной роли науки влечёт за собой и потребность её всестороннего изучения для понимания её собственных оснований. Именно в XIX – начале XX в. как самостоятельная область формируется современная философия науки, родоначальником которой часто считают У. Хьюэллса. На стыке социологии и философии складывается социология науки, а в 1920-е гг. зарождается науковедение (Куприянов, 2022). Важной частью науковедческих исследований становится история науки, которая с конца XIX в. переживает процесс профессионализации и становления как самостоятельной области исследований. Немаловажно, что этот процесс затрагивал учёных самых разных специальностей и философских взглядов. Институционализация историко-научных исследований также активно происходила именно в этот период, когда начали создаваться специализированные историко-научные организации, некоторые из которых существуют и по сей день.

Составной частью процессов социальной институционализации истории науки стала также и выработка методологических стратегий исследований науки, которые именно в этот период начинают обретать ясные очертания. Причём развитие методологии и философского понимания науки в её истории развивалось синхронно с профессионализацией историко-научных исследований. Важнейшим событием в процессе оформления методологии истории науки, её профессионализации, а также формирования историко-научных организаций был Второй конгресс по истории науки и техники, прошедший в Лондоне в 1931 г. Цель данного исследования – реконструировать историю этого конгресса и показать его значение для методологических стратегий в философии и истории науки.

В первой части статьи реконструируется предыстория Второго международного конгресса по истории науки и методологические

установки, которые составляли мотивацию его организаторов. Во второй части работы даётся реконструкция истории самого конгресса и освещается участие в нём советской делегации, оценивается значение Второго конгресса для истории и философии науки.

***Зарождение идеи международных конгрессов
по истории науки: роль Поля Таннери***

Второму конгрессу по истории науки и техники²⁷, проходившему в 1931 г. в Лондоне, посвящено немало литературы. В основном авторы исследований уделяют внимание истории отправки советской делегации и дискуссиям по этому поводу в СССР (Смагина, 2020), стратегии поведения советских учёных (Цзюнькай, Вэньпэй, Синютин, 2022; Илизаров, 2018), биографиям делегатов конгресса, прежде всего Б.М. Гессена (Корсаков, 2018; Корсаков, Калашникова (сост.), 2016; Грэхэм, 1993), влиянию их идей на историю науковедения, в особенности содержанию доклада Б.М. Гессена (Kokowski, 2022; Шихан, 2022; Talbot, Pattison, 2021; Freudenthal, McLaughlin, 2009; Сироткина, 2016; Ienna, Rispoli, 2019; Oliveira, 2022; Skordoulis, 2015; Chemla, Peiffer, 2001). При этом об истории самого конгресса, его организаторах и задачах, которые они ставили, исследований практически нет. Тем не менее Второй конгресс по истории науки и техники стал поворотной точкой в историографии и философии науки именно потому, что его организаторы имели определённую методологию и философские идеи, которые формировали их видение истории науки. На этом фоне советские делегаты сумели привнести новшество, которое стало вехой в становлении историографии истории науки и науковедения как самостоятельных областей исследований.

Идея организации специализированных мероприятий по истории науки принадлежит известному французскому историку науки и математики *Полю Таннери* (1843-1904), который ещё в самом начале XX в. начал организовывать секции по истории науки в рамках конгрессов по истории, а также по философии. В 1900 г. в Париже 23-28 июля состоялся *Конгресс по сравнительной истории*, в рамках которого П. Таннери организовал секцию по истории наук. Помимо него, в числе участников этой секции был также и известный французский философ А. Лаланд (1913-1995) (Congrès international d'histoire des sciences, 1900). В том же 1900 г. в Париже по случаю Всемирной выставки проходил *Первый конгресс по философии*, в котором в секции по истории философии П. Таннери принимал участие с историко-философским докладом о физике Аристотеля. Помимо него, с докладами по истории науки выступили и такие известные учёные, как Мориц Кантор, Гастон Мийо

²⁷ Об особенностях термина «история науки», его генезисе и отличии от термина «история наук», который употреблялся в том числе организаторами Второго конгресса, см.: (Жмудь, 2023). Там же приводится и оценка историко-научным взглядам П. Таннери.

и Зигмунд Гюнтер (Sarton, 1952, p. 290). Важнейшим событием в истории историко-научных конгрессов стали также *Второй конгресс исторических наук в Риме*, а также *Третий конгресс по философии в Женеве* в 1904 г. В конгрессах среди прочих участников с историко-научными докладами выступали такие, впоследствии известные, историки науки, как Карл Зудхоф, Анри Бер, Иероним Цейтен и Пьер Дюэм (Sarton, 1952, p. 290). В ходе обоих конгрессов также проводились отдельные секции по истории науки, инициатором и руководителем которых был П. Таннери. Роль П. Таннери как организатора этих секций в институционализации истории науки можно передать словами Джино Лория (1862-1954) – математика, одного из крупнейших историков науки первой половины XX в. Говоря о парижском конгрессе по сравнительной истории 1900 г., он отмечал: «Поль Таннери добился, чтобы отдельная секция была посвящена истории наук “с целью создать центр для взаимодействия между теми, кто заинтересован в истории наук”, чтобы подчеркнуть, насколько важно не обособлять разные ветви этой истории и чтобы выяснить возможности повышения исследовательской активности на основе первоисточников» (Loria, 1929, p. LXXX). Относительно же римского конгресса исторических наук Дж. Лория указывает, что «собрание в Риме достигло таких значимых положительных результатов, что к моменту закрытия этого мероприятия члены секции были едины в желании найти надёжный инструмент для продолжения этой работы; для этой цели они намеревались создать международную постоянную комиссию, целью которой была бы организация в будущих исторических конгрессах самостоятельных секций по истории наук: в качестве президента без обсуждения был выбран Поль Таннери» (Loria, 1929, p. LXXXI).

Таким образом, в период с 1900 по 1904 г. в ходе первых конгрессов по истории и философии (в Париже и Риме) по инициативе П. Таннери возникла идея организации специализированного общества, которое бы занималось проведением конгрессов по истории науки. В качестве же цели предполагалось развитие всеобщей истории наук как единого целого, которое не распадалось бы на истории отдельных научных дисциплин. Этот смысл был положен в историко-научный замысел самого П. Таннери, инициативы которого развивали организаторы первых историко-научных конгрессов.

Таннери был известным историком естествознания и математики, а также античной и новоевропейской науки. Его перу принадлежат важнейшие и неоднократно переизданные труды по истории науки, часть которых ещё до революции была переведена на русский язык (Таннери, 1902; Таннери, 1934; Tannery, 1887; Tannery, 1893). Кроме того, он был одним из инициаторов и редакторов не потерявших и сегодня своей актуальности изданий трудов П. Ферма и Р. Декарта. Его проект всеобщей истории наук возник под сильным влиянием О. Конта и его философии. Сам Таннери отно-

сил себя к последователям великого французского философа и учёного. В своей статье, опубликованной в журнале «*Revue de synthèse*»²⁸, П. Таннери указывал: «Все те из моих читателей, которые сами знают “Курс позитивной философии” Мэтра [Огюста Конта – В.К.], смогли понять, что я не выдвинул абсолютно ничего, что противоречило бы идее Огюста Конта, то есть первого мыслителя, который задумал всеобщую историю наук точным образом, который прежде всего высветил её значение, а также попытался начертить для неё план и поставить перед ней цель» (Tannery, 1904, p. 15). Таннери указывает, что он не сделал ничего, кроме уточнения идей О. Конта в области истории науки. Этому соответствует основная идея его историко-научного проекта, который предполагает, что история наук помещается в общий контекст истории цивилизации, для которой наука является движущим фактором (Chemla, Peiffer, 2001, p. 375).

В своей программной речи по случаю конкурса на профессиру по всеобщей истории наук в Колледж де Франс в 1904 г. Таннери, разъясняя суть своего понимания истории науки, указывал, что всеобщая история наук не может пониматься в качестве простого синтеза отдельных историй наук, хотя материал для всеобщей истории наук поставляется именно специальными историями. Такая история, как считает Таннери, будет неполной, поскольку она предполагает, что исследователю придётся путём анализа излагать историю науки лишь выборочно (Tannery, 1904, pp. 5-6). Таннери убеждён, что история науки, написанная специалистом, будет интересна только специалисту и не подойдёт для преподавания широкой аудитории. В качестве примера всеобщей истории наук он рассматривает «Лекции по истории математики» М. Кантора, которую он называет «тотальной историей чистой математики» (Tannery, 1904, p. 9). Всеобщая история наук должна быть доступной для широкого круга образованной публики, должна исследовать не только филиацию идей, но социальные и культурные контексты науки. Таннери относит к всеобщей истории науки «всё, что касается биографии учёных, и, с другой стороны, всё, что касается либо взаимного влияния наук друг на друга, либо влияния интеллектуальной, экономической и социальной среды на научный прогресс или стагнацию» (Tannery, 1904, p. 13). Важным для проекта всеобщей истории наук Таннери является и внимание к интеллектуальному контексту каждой из эпох в истории, которые должны описываться хронологическом порядке.

Говоря о проекте и философско-методологических идеях Таннери, можно согласиться с характеристикой, данной К. Шемла и Ж. Пейффер: «Совокупность всех специальных историй, расположенных в рациональном предметном порядке, составляет общую специальную историю (как у Кантора), то есть историю всех науч-

²⁸ Журнал издавался А. Бером, который был тесно связан с первыми конгрессами по истории наук и с Международной академией истории наук.

ных дисциплин и субдисциплин, написанную для специалистов по каждой из них. Если, с другой стороны, общие истории науки для последовательных эпох определённой цивилизации объединить в хронологическом порядке, то получится общая история науки для этой цивилизации. Полная всеобщая история охватывает все цивилизации. Если каждая научная дисциплина имеет свою собственную логику, сопоставляемую с другими в общей специальной истории, то всеобщая история науки синтетически включает в себя эпоху. К общим элементам Таннери относит аргументированный перечень того, что содержится в документах, биографиях учёных, всё, что касается либо взаимного влияния наук друг на друга, либо влияния, оказываемого на научный прогресс (или стагнацию) интеллектуальной, экономической и социальной средой. Важно воссоздать вокруг великих учёных круг идей, которые они развивали, сосредоточить внимание для каждого периода на различных ступенях преподавания, способах распространения идей, выделить характерные черты интеллектуальной среды, а также и те особенности, которые отличают высших гениев» (Chemla, Peiffer, 2001, p. 377).

Насколько большое значение историко-научные идеи П. Таннери имели для первых конгрессов по истории науки, говорит факт их рецепции и развития организаторами этих мероприятий. В этой связи обращает на себя внимание крупный историк науки и организатор историко-научных учреждений Дж. Сартон (1884-1956), который имел непосредственное отношение к организации Второго конгресса по истории науки в Лондоне, хотя сам не принимал в нём участие. Дж. Сартон, которого Ю. Гарфилд назвал отцом истории науки (Garfield, 1985a, 1985b), был автором множества работ по истории науки. Они многократно переиздавались, но ни одна, к сожалению, не была переведена на русский язык.

Главным трудом Сартона стало неоконченное «Введение в историю науки». Сартон писал эту работу в течение почти всей своей жизни, она в полной мере отразила его историко-научную концепцию. Кроме участия в организации конгрессов по истории науки, в число его организаторских достижений входит основание американского Общества истории науки (с 1924 г.), а также двух самых авторитетных современных англоязычных историко-научных журналов – *Isis* и *Osiris*²⁹. Подобно широте взглядов Сартона, его историко-научные интересы охватывали историю практически всей европейской науки с Античности, а также историю средневековой арабской науки – во все эти области Сартон внёс существенный вклад.

Нужно признать, что Дж. Сартон был не только историком науки, но и философом-теоретиком, который формулировал принципы историко-научных исследований (Sarton, 1931). В своих про-

²⁹ Биографические данные с оценкой роли Дж. Сартон см. в спецвыпуске *Isis*: Vol. 75. No. 1. Mar., 1984.

граммных статьях, опубликованных в ранний период творчества, – в статье в основанном им в 1913 г. журнале *Isis*, раскрывающей замысел нового журнала (Sarton, 1913), а также в почти аналогичной статье 1916 г. в журнале *The Monist* (Sarton, 1916) – Дж. Сартон поясняет свои идеи, приверженность которым он сохранял до конца жизни. Также как и Таннери, Сартон считает себя продолжателем идей О. Конта, причём в области истории науки первым после Конта он признаёт именно П. Таннери (Sarton, 1913, p. 331), взгляды которого он полностью разделял.

Однако историю науки Сартон представляет как часть более общего проекта нового гуманизма. Как он отмечает, современная наука стремится к специализации и разделению труда, что порождает и кризисные явления в философии, к которым относится, например, философия А. Бергсона. Удовлетворить потребность в синтезе и в единстве знания может, как полагает Сартон, лишь позитивистская философия О. Конта, которая занималась изучением научных обобщений. Для этого необходима область, которая служит основанием для сотрудничества философии, истории и науки. Эту функцию выполняет, по мнению Сартона, история науки (Sarton, 1913, pp. 329-330). История науки изучает науку как целое, она стремится «изучить также взаимодействие между различными науками, с одной стороны, и всеми интеллектуальными и экономическими феноменами, с другой» (Sarton, 1913, p. 333).

Как пишет Сартон, главная цель истории науки заключается в том, чтобы «утвердить генезис и развитие научных фактов и идей, принимая во внимание все интеллектуальные взаимодействия и взаимовлияния, которые порождаются прогрессом цивилизации. В действительности это – история цивилизации, рассмотренная с высшей точки зрения. В центре внимания находится развитие науки, но общая история остаётся всегда в качестве фона» (Sarton, 1913, p. 333). Задача историка науки состоит в том, чтобы рассматривать целое науки и общего интеллектуального развития, для чего, помимо обычных методов истории, нужен и особый метод – историческая экзегеза (Sarton, 1913). В конечном счёте, понимая таким образом история науки имеет ценность в преподавании как учебная дисциплина, но самое главное – её цель состоит в создании *нового гуманизма*, который должен возникнуть в результате взаимодействия истории, философии и науки на основе истории науки. Сартон пишет: «Чтобы построить это будущее, чтобы сделать его прекрасным, как в те славные времена синтетического знания (например, во времена Фидия или Леонардо да Винчи), необходимо подготовить новый синтез. Мы предлагаем осуществить его путём нового, более тесного сотрудничества между учёным, философом и историком. Если это будет достигнуто, то родится столько прекрасного, что будет обязательно обеспечено также и сотрудничество с художником; век синтеза – это всегда век искусства. Этот синтез я назвал “новым гуманизмом”. Это нечто готовящееся, а не мечта» (Sarton, 1913, p. 361). Как верно, вслед за

известным энтомологом Ф.С. Боденхаймером, указывает Ю. Гарфилд, «в его [Сартона – В.К.] видении истории науки был воплощён синтез науки и гуманитарных наук, который помог бы сделать учёных не просто учёными, но также людьми и гражданами» (Garfield, 1985b, p. 248). Сартон стремился объединить гуманитарное знание и науку в надежде, что основанная на этом синтезе гуманистическая философия непременно приведёт к улучшению человека, поскольку именно наука, по его мнению, представляет собой наилучшую составную часть человеческой цивилизации.

Данные идеи и организаторские усилия П. Таннери и Дж. Сартона имели огромное значение для всех первых историко-научных конгрессов и организаций. Дж. Сартон имел прямое отношение ко Второму конгрессу, будучи его соорганизатором, а влияние П. Таннери можно усмотреть прежде всего в интеллектуальной атмосфере первых историко-научных конгрессов и обществ. Именно от первоначальных усилий П. Таннери и Дж. Сартона инициатива по дальнейшей институционализации историко-научных исследований переходит к Международному комитету по истории науки, который и стал главным организатором Второго конгресса по истории науки в Лондоне.

Основание Международного комитета (академии) истории науки и Первый конгресс по истории науки в Париже

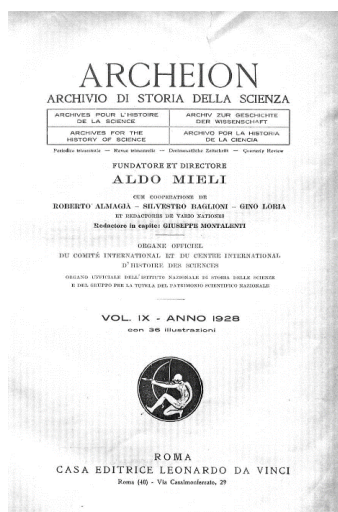
Идея организации специализированных историко-научных конгрессов тесно связана с Международным комитетом (академией) по истории науки. Международный комитет по истории науки был основан 17 августа 1928 г. во время работы секции по истории науки в рамках Шестого конгресса исторических наук, проходившего в Осло 14-18 августа 1928 г.³⁰ Непосредственным инициатором создания этой историко-научной организации был итальянский историк науки Альдо Миели. Он предложил создать общество, которое объединяло бы людей, заинтересованных историко-научными исследованиями. Идея А. Миели заключалась в том, чтобы создать «элиту истории науки, которая основывается лишь

³⁰ Шестой конгресс исторических наук проходил под эгидой Международного комитета исторических наук, а историки науки организовали под его эгидой секцию по истории наук, которая проходила 17 августа. На секции Альдо Миели представил идею по организации комитета (или академии) по истории науки. В этот день была утверждена комиссия по организации комитета, в которую вошли Абель Рей, Дж. Сартон, А. Сигерист, Ч. Сингер, К. Зудхоф, Л. Торндайк и Альдо Миели (они же были назначены первыми членами организации). 17 августа было определено в качестве даты основания комитета (академии), тогда же был утверждён и временный устав (Archeion, 1928, p. 568). Непосредственно инициатором создания этой академии (комитета) был именно А. Миели, который до 1950 г. оставался её неперменным секретарем. В первоначальном виде академия просуществовала до 1948 г. (Sarton, 1952, p. 254).

на персональной, научной и организационной ценности» (Таннери, 1934, с. 500). В качестве образца Миели рассматривал ранненовоявропейские научные академии. Единомышленниками и сооснователями нового историко-научного учреждения выступили выдающиеся историки науки: Абель Рей (1843-1940), Джордж Сартон (1884-1956), Генри Зигерист (1891-1957), Чарльз Сингер (1876-1960), Карл Зудхофф (1853-1938), Линн Торндайк (1882-1965). Они составили костяк комитета по истории науки. Активное участие

в создании комитета сыграл известный историк и философ Анри Берр (1863-1954), который основал журнал *Revue de Synthèse*. А. Берр сыграл также важную роль и в предоставлении помещения для комитета по тому адресу, где уже находился основанный Берром Международный центр синтеза, – Париж, ул. Кольбера, д. 12. В уставе Международного комитета по истории науки, утверждённом окончательно на сессии в Париже в мае 1929 г., указывалось, что в его задачи входит «организация с технической и научной точек зрения периодических международных собраний по истории науки» (Archeion, 1928, p. 113). Комитет был заинтересован в развитии контактов между историками науки и стремился создать международное историко-научное сообщество, поэтому проведение регулярных мероприятий не могло не входить в его приоритеты.

В соответствии с заявленными целями Международный комитет по истории науки начал организовывать специальные историко-научные конференции, которые проводились вне крупных научных мероприятий (исторических, философских или естественно-научных), как это было ранее. В рамках каждого конгресса проходили также и собрания членов самого комитета, на которых решались организационные вопросы, в том числе избирались новые члены и руководство Международного комитета по истории науки. Первый международный конгресс по истории науки был проведён в Париже 20-25 мая 1929 г. по адресу расположения комитета на ул. Кольбера, д. 12. Тем самым было положено начало истории проведения этих мероприятий, которые продолжают по сей день уже под эгидой Международного союза по истории и философии науки³¹. Интеллектуальной доминантой Первого конгресса по ис-

³¹ В 1947 г. на Пятом международном конгрессе по истории науки в Лозанне под эгидой ЮНЕСКО и Международного совета научных союзов

тории науки была память о наследии П. Таннери, который, как было показано, впервые и высказал идею проведения специализированных историко-научных мероприятий, а также предложил основать для этого специальную организацию. Преемственность с инициативами Таннери и его историко-научными идеями можно увидеть прежде всего в том, что в завершающий день конгресса (25 мая) было проведено торжественное заседание памяти П. Таннери, а его вдова была избрана почётным членом Международного комитета по истории науки. Члены комитета и организаторы первых историко-научных конгрессов считали, что реализовывают проект Таннери. Поскольку сам Таннери видел преемственность своих организационных усилий по отношению к деятельности О. Конта, можно с уверенностью говорить о континуитете в становлении международных конгрессов по истории науки еще с 1840-х гг., когда Конт впервые предложил создать во Франции кафедру всеобщей истории наук (Petit, 1995; Paul, 1976). Вероятно, в связи с идеями Таннери была сформулирована и тема Первого конгресса по истории науки: «Цивилизация – цивилизации – развитие». С содержательной точки зрения Первый конгресс по истории науки был посвящён достаточно специальной тематике, которая в большей степени фокусировалась на проблемах преподавания истории науки, сохранения памятников,

184 WILLIAM AND MARY QUARTERLY

SECOND INTERNATIONAL CONGRESS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

The Second International Congress of the History of Science and Technology will take place in London from Monday, June 29th to Friday, July 4th, 1951, with the Science Museum, South Kensington as its headquarters. Dr. Charles Singer will be the President.

The Congress originated with the Comité International d'Histoire des Sciences which was founded at Oslo on August 17th, 1928. This body meets annually in Paris and organizes every three years a Congress in which persons interested in the History of Science and Technology are invited to take part. For the coming Congress the Comité has been fortunate in enlisting the co-operation of its parent body the Comité International des Sciences Historiques together with that of two other international societies the History of Science Society, Washington, D. C. and the Newcomen Society for the Study of the History of Engineering and Technology, London. The aim of the Congress is to provide opportunity for intercourse and exchange of thought between all those who are interested in the various departments of the History of Science and Technology.

The programme will include morning sessions for the presentation and discussion of communications on the history of science and technology, afternoon visits to Kew Gardens, Down House, Greenwich, Barbiers Hall, the Royal College of Physicians, the British Museum, the Natural History Museum and the National Portrait Gallery, excursions to Oxford and Cambridge and social engagements in the evenings.

Further particulars can be obtained from the Honorary Secretary of the Congress, H. W. Dickinson, The Science Museum, South Kensington, London, S. W. 7.

был организован Международный союз истории науки (L'Union Internationale d'histoire des Sciences), который взял на себя функции организации конгрессов. Затем, в 1955 г., после его слияния с Международным союзом философии науки (International Union of Philosophy of Science) возник Международный союз истории и философии науки (International Union of History and Philosophy of Science), который проводит теперь всемирные конгрессы по двум отделениям – истории науки и логики и методологии науки. До 1947 г. все международные конгрессы по истории науки проводились Международным комитетом (академией) по истории науки (то есть с Первого по Пятый). С Шестого конгресса до настоящего времени эти мероприятия проводятся Международным союзом по истории и философии науки.

а также коммуникации историков науки. Много обсуждались, конечно, и конкретные вопросы самой истории науки. Например, Л. Торндайк сделал доклад на тему «Анонимный доклад по хирургии, приписываемый Джованни Брачииа из Милана или Пьетро Тоссиньяно». Рассматривались на Первом конгрессе и более общие темы – например, Х. Динглер сделал сообщение на тему «О месте Николая Орезмского в истории науки»; были представлены доклады по философии науки – Э. Метцжер выступила с темой «Философия М. Мейерсона и история науки» (*Archeion*, 1928, pp. 89-90). Важной составляющей Первого конгресса по истории науки было то, что сегодня называют культурной программой – состоялись визиты в Национальную библиотеку, музей истории медицины и Национальную консерваторию искусств и ремёсел. В целом посещение музеев занимало немного времени конгресса, а основное внимание было уделено докладам и решению организационных вопросов.

В ходе организационных заседаний членов комитета (*séances privées*) было избрано руководство Международного комитета по истории науки (бюро): президент (им до июля 1931 г. стал Чарльз Сингер), вице-президенты и непременный секретарь (с самого основания комитета им неофициально был Альдо Миели, который сохранил свой пост). Тогда же было решено, что печатным органом комитета станет журнал *Archeion*, издававшийся А. Миели с 1919 г., а также согласован план деятельности организации до 1933-34 гг. Планировалось, что комитет будет проводить заседания во время конгрессов, а также между ними. Главные оргвопросы предполагалось решать в ходе собраний, которые должны проводиться в дни конгрессов. На весну 1930 г. было запланировано второе собрание комитета, а на июль 1931 г. – третье собрание и Второй конгресс. Для проведения Второго конгресса был организован оргкомитет, президентом которого был избран Чарльз Сингер, а секретарями – Альдо Миели и Генри Дикинсон (секретарь Музея науки в Лондоне). Таким образом, время, место проведения лондонского конгресса, а также состав его оргкомитета были согласованы на первом собрании членов комитета по истории науки в мае 1929 г. (*Archeion*, 1928, pp. 124-126), а подготовка к его проведению началась сразу же после окончания парижского конгресса.

В мае 1930 г. на втором собрании комитета в Париже по предложению Ч. Сингера состав оргкомитета Второго конгресса по истории науки был изменён (отчёт от имени Ч. Сингера зачитывал М. Дикенсон). В него вошёл, в частности, Ульям Брэгг. В итоговый состав оргкомитета вошли также Джордж Сартон, Уолтер Адамс, сэр Ричард Грегори (главный редактор журнала *Nature*), сэр Генри Лайонс (директор Музея науки в Южном Кенсингтоне), жена Чарльза Сингера Доротея Сингер и др. Всего в оргкомитет входили 14 человек, при этом А. Миели в итоговом списке организаторов не значился. В число соорганизаторов, по предложению Ч. Сингера, было включено также основанное Дж. Сартонем Общество ис-

тории науки (США) и Ньюкоменовское общество (Британия). Тогда же были определены размеры оргвзноса. В качестве главного места проведения конгресса был выбран Музей науки в Южном Кенсингтоне (Archeion, 1930, pp. 189-192). Таким образом, в силу организационных причин Второй конгресс по истории науки оказался связан с Англией. Нужно отметить, что этому отчёту перед комитетом предшествовало и заседание самого оргкомитета Второго конгресса, которое прошло 14 марта 1930 г. По его результатам было сформировано информационное письмо о предстоящем Конгрессе по истории науки, которое было отправлено в журнал *Nature*, а также распространено в прессе. Кроме этого, был сформирован предварительный список учёных, которых планировалось пригласить. Информационные письма и объявления о предстоящем конгрессе были в итоге опубликованы – в частности, в журналах *Nature* (Second International Congress of the History of Science and Technology, 1931a), *The British Medical Journal* (International Congress of History of Science, 1931), *The William and Mary Quarterly* (Dickinson, 1930), *Man* (Adams, 1931), *The Monist* (Second International Congress of the History of Science and Technology, 1931b), *Archeion* (Archeion, 1930, p. 368) и др. Письмо от организаторов Второго конгресса – стандартное по своему содержанию – поступило и в СССР, во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (Смагина, 2020, с. 579-580).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что к весне 1930 г. подготовка к проведению Второго конгресса по истории науки – самой известной и влиятельной в интеллектуальном отношении конференции в этой области – была полностью завершена. Это стало итогом инициатив, существовавших ещё с самого начала XX в., когда П. Таннери впервые предложил организовывать специализированные историко-научные конференции и создавать специальные историко-научные учреждения. П. Таннери сыграл также важную роль в оформлении интеллектуального каркаса первых международных конгрессов по истории науки, в этом большое значение имела позитивистская философия. Сам П. Таннери оставался непререкаемым авторитетом для основателей Международного комитета по истории науки и для организаторов Первого и Второго международных конгрессов по истории науки. В целом важно, однако, понимать, что инициаторы мероприятия намеревались усилить международное позиционирование истории науки как самостоятельной области научных исследований. Главным организатором международных историко-научных конгрессов был Международный комитет по истории науки и его члены-основатели: А. Миэли, Ч. Сингер, Дж. Сартон, Дж. Лория Л. Торндайк, которые претендовали на особую роль – консолидацию зарождающего профессионального сообщества историков науки. Чтобы привлечь как

можно больше заинтересованных лиц, предполагалось проведение международных конгрессов по истории науки, которые объединяли бы представителей всех наук. По предложению Ч. Сингера, особенностью Второго международного конгресса должно было стать широкое участие представителей отдельных наук, которые самой историей науки профессионально не занимаются, однако имеют к ней интерес. Этим же, вероятно, было обусловлено и приглашение советской делегации. Работа по организации конгресса была продолжена вплоть до начала Второго конгресса в июле 1931 г.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Грэхэм, 1993 – *Грэхэм Л.* Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 19-31.

Жмудь, 2023 – *Жмудь Л.Я.* От истории наук к истории науки: эволюция историографии науки в Новое время // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2023. С. 33-37.

Илизаров, 2018 – *Илизаров С.С.* Подведение итогов: члены советской делегации о II (Лондонском) Международном конгрессе по истории науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Материалы научной конференции. 2018. С. 114-118.

Корсаков, 2018 – *Корсаков С.Н.* Слово товарищу Гессену // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 3. С. 202-204. <https://doi.org/10.5840/eps20185535>

Корсаков, Калашникова (сост.), 2016 – Борис Михайлович Гессен. 1893-1936 // Материалы к биобиблиографии учёных: Философия. Вып. 15 / Сост. С.Н. Корсаков, Л.А. Калашникова. М.: Наука, 2016. 220 с.

Куприянов, 2022 – *Куприянов В.А.* Обоснование науки о науке в европейской и советской философии науки в 1920-х гг. (к предыстории науковедения) // Философская мысль. 2022. № 11. С. 38-49. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.11.39186>

Сироткина, 2016 – *Сироткина И.Е.* По эту сторону социального: революция в понимании научного знания, от Волошина до SSK // Русская интеллектуальная революция 1910-1930-х годов: Материалы международной конференции (Москва, РАНХиГС, 30-31 октября 2014 г.). М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 148-159.

Смагина, 2020 – *Смагина Г.И.* «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020.

Таннери, 1902 – *Таннери П.* Первые шаги древнегреческой науки. СПб.: Типография Безобразова и Коми, 1902. 475 с.

Таннери, 1934 – *Таннери П.* Исторический очерк развития естествознания в Европе (С 1300 по 1900 гг.). М.; Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1934. 310 с.

Цзюнькай, Вэньпэй, Синютин, 2022 – *Цзюнькай Ц., Вэньпэй Т., Синютин М.В.* Утверждение советского марксизма в мировой научной среде: опыт работы советской делегации на Втором международном конгрессе по истории науки и техники // *Социология науки и технологий*. 2022. № 4. С. 83-109. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-4-83-109>

Шихан, 2022 – *Шихан Х.* Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы // *Дискурс-Пи*. 2022. № 19 (4). С. 10-29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Adams, 1931 – *Adams W.* Second International Congress of the History of Science and Technology // *Man*. Vol. 31 (Apr., 1931). P. 75.

Archeion, 1928 – *Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale*. 1928. Vol. 9.

Archeion, 1928 – *Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale*. 1929. Vol. 11.

Archeion, 1930 – *Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale*. 1930. Vol. 12.

Chemla, Peiffer, 2001 – *Chemla K. Peiffer J.* Paul Tannery et Joseph Needham deux plaidoyers pour une histoire générale des sciences // *Revue de Synthèse*. 2001. Vol. 122. Pp. 367-392. <https://doi.org/10.1007/BF02969536>

Congrès international d'histoire des sciences, 1900 – *Congrès international d'histoire des sciences* // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. T. 50. 1900. Pp. 544-555.

Dickinson, 1930 – *Dickinson H. W.* Second International Congress of the History of Science and Technology, London, July 1931 // *The William and Mary Quarterly*. 1930. Vol. 10. No. 3 (Jul., 1930). P. 268.

Freudenthal, McLaughlin, 2009 – *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann* / Eds. G. Freudenthal, P. McLaughlin. Dordrecht: Springer, 2009. 276 p.

Garfield, 1985a – *Garfield E.* George Sarton: the father of the history of science. Part 1. Sarton's early life in Belgium // *Essays of an Information Scientist. Current Contents*. 1985. Vol. 8. Pp. 241-247.

Garfield, 1985b – *Garfield E.* George Sarton: The father of the history of science. Part 2. Sarton shapes a new discipline // *Essays of an Information Scientist. Current Contents*. 1985. Vol. 8. Pp. 248-253.

Ienna, Rispoli, 2019 – *Ienna G., Rispoli G.* Boris Hessen at the crossroads of science and ideology from international circulation to the Soviet context // *Society and Politics*. 2019. No. 13. Pp. 37-63.

International Congress of History of Science, 1931 – *International Congress of History of Science* // *The British Medical Journal*. Vol. 1. No. 3656 (Jan. 31, 1931). P. 193.

Kokowski, 2022 – *Kokowski M.* Boris Hessen (1893-1936), «Społeczne i ekonomiczne korzenie Principiów Newtona» i paradoksalna historia historiografii nauki // *Studia Historiae Scientiarum*. 2022. No. 21. S. 555-610. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.22.017.15983>

Loria, 1929 – *Loria G.* Paul Tannery et son œuvre d'historien // *Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale*. 1929. Vol. 11. Pp. LXXX-XCII.

Oliveira, 2022 – Oliveira A. R. E. Boris Hessen's participation in the Second International Congress on the History of Science and Technology (1931) // *Advances in Historical Studies*. 2022. No. 11. Pp. 46-56. <https://doi.org/10.4236/ahs.2022.112005>

Paul, 1976 – Paul H. Scholarship and ideology: the chair of the general history of science at the College de France, 1892-1913 // *Isis*. 1976. Vol. 67. No. 3. Pp. 376-397.

Petit, 1995 – Petit A. L'héritage du positivisme dans la création de la chaire d'histoire générale des sciences au Collège de France // *Revue d'histoire des sciences*. 1995. T. 48. No. 4. Pp. 521-556. <https://doi.org/10.3406/rhs.1995.1241>

Sarton, 1913 – Sarton G. L'Histoire de la Science // *Isis*. 1913. Vol. 1. No. 1. Pp. 3-46.

Sarton, 1916 – Sarton G. The history of science // *The Monist*. 1916. Vol. 26. No. 3. Pp. 321-365.

Sarton, 1931 – Sarton G. The History of Science and the New Humanism. N. Y.: Holt and Co, cop. 1931. 178 p.

Sarton, 1952 – Sarton G. A Guide to the History of Science. A First Guide for the Study of the History of Science with Introductory Essays on Science and Tradition. Weltham, Mass.: Chronica Botanica Company, 1952. 316 p.

Second International Congress of the History of Science and Technology, 1931a – Second International Congress of the History of Science and Technology // *Nature*. 1931. No. 127. Pp. 873-874. <https://doi.org/10.1038/127873b0>

Second International Congress of the History of Science and Technology, 1931b – Second International Congress of the History of Science and Technology // *The Monist*. Vol. 41. No. 2 (April, 1931). P. 320.

Skordoulis, 2015 – Skordoulis C.D. Bukharin and the social study of science // *Studies in East European Thought*. 2015. No. 67. Pp. 75-89. <https://doi.org/10.1007/s11212-015-9230-9>

Talbot, Pattison, 2021 – Boris Hessen: Physics and Philosophy in the Soviet Union, 1927-1931. Neglected Debates on Emergence and Reduction / Eds. C. Talbot, O. Pattison. Cham: Springer, 2021. 169 p.

Tannery, 1887 – Tannery P. La Géométrie Grecque, Comment son Histoire Nous est Parvenue et ce que Nous en Savons. Paris: Gauthier-Villars, 1887. 188 p.

Tannery, 1893 – Tannery P. Recherches sur l'Histoire de l'Astronomie Ancienne. Paris: Gauthier-Villars, 1893. 370 p.

Tannery, 1904 – Tannery P. De l'histoire générale des sciences // *Revue de Synthèse Historique*. 1904. T. VIII. No. 22. Pp. 1-16.

References

Adams, W. (1931). Second International Congress of the History of Science and Technology. *Man*, 31, 75.

Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale (1928). Vol. 9.

Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale (1929). Vol. 11.

Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale (1930). Vol. 12.

Chemla, K. Peiffer, J. (2001). Paul Tannery et Joseph Needham deux plaidoyers pour une histoire générale des sciences. *Revue de Synthèse*, 122, 367-392. <https://doi.org/10.1007/BF02969536>

Chunkai, C., Wenpei, T., Sinyutin, M. V. (2022). The establishment of Soviet Marxism in the global scientific community: the experience of the Soviet delegation at the Second International Congress on the History of Science and Technology. *Sociology of Science and Technology*, 4, 83-109. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-4-83-109>

Congrès international d'histoire des sciences (1900). *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*, 50, 544-555.

Dickinson, H. W. (1930). Second International Congress of the History of Science and Technology, London, July 1931. *The William and Mary Quarterly*, 10 (3), 268.

Garfield, E. (1985). George Sarton: the father of the history of science. Part 1. Sarton's early life in Belgium. *Essays of an Information Scientist. Current Contents*, 8, 241-247.

Garfield, E. (1985). George Sarton: the father of the history of science. Part 2. Sarton shapes a new discipline. *Essays of an Information Scientist. Current Contents*, 8, 248-253.

Graham, L. (1993). The socio-political context of the B.M. Hesse on Newton. *Questions in the History of Natural Science and Technology*, 2, 19-31.

Ilizarov, S. S. (2018). Summing up: members of the Soviet delegation at the II (London) International Congress on the History of Science. In *Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology. Proceedings of the Scientific Conference* (pp. 114-118). Moscow Publ. (In Russian)

International Congress of History of Science (1931). *The British Medical Journal*, 1 (3656), 193.

Kupriyanov, V. A. (2022). The justification of the science of science in European and Soviet philosophy of science in the 1920s (towards the prehistory of science studies). *Philosophical Thought*, 11, 38-49. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.11.39186> (In Russian)

Korsakov, S. N. (2018). A word to comrade Hesse. *Epistemology and Philosophy of Science*, 55 (3), 202-204. <https://doi.org/10.5840/eps20185535> (In Russian)

Korsakova, S. N., Kalashnikova, L. A. (Eds.). (2016). *Boris Mikhailovich Gessen, 1893-1936*. Nauka Publ. (In Russian)

Kokowski, M. (2022). Boris Hesse (1893-1936), "Społeczne i ekonomiczne korzenie Principiów Newtona" and the paradoxical history of the historiography of science. *Studia Historiae Scientiarum*, 21, 555-610. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.22.017.15983>

Lauria, G. (1929). Paul Tannery et son œuvre d'historien. *Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale*, 11, LXXX-XCII.

Oliveira, A. R. E. (2022). Boris Hessen's participation in the Second International Congress on the History of Science and Technology (1931). *Advances in Historical Research*. 11, 46-56. <https://doi.org/10.4236/ahs.2022.112005>

Paul, H. (1976). Scholarship and ideology: the chair of the general history of science at the College de France, 1892-1913. *Isis*, 67 (3), 376-397.

Petit, A. (1995). L'héritage du positivisme dans la création de la chaire d'histoire générale des sciences au Collège de France. *Revue d'histoire des Sciences*, 48 (4), 521-556. <https://doi.org/10.3406/rhs.1995.1241>

Sarton, G. (1913). L'Histoire de la science. *Isis*. 1 (1), 3-46.

Sarton, G. (1916). The history of science. *The Monist*, 26, 3, 321-365.

Sarton, G. (1931). *The History of Science and the New Humanism*. Holt and co, cop. Publ.

Sarton, G. (1952). *A Guide to the History of Science. The First Guide to the Study of the History of Science with Introductory Essays on Science and Tradition*. Chronica Botanica Company Publ.

Second International Congress of the History of Science and Technology (1931). *Nature*, 127, 873-874.

Second International Congress of the History of Science and Technology (1931). *The Monist*, 41 (2), 320.

Sheehan, H. (2022). Marxism, science and scientific research: history and prospects. *Diskurs-Pi*, 19 (4), 10-29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10 (In Russian)

Sirotkina, I. E. (2016). On this side of the social: a revolution in the understanding of scientific knowledge, from Voloshin to SSK. In *Russian Intellectual Revolution of the 1910-1930s: Proceedings of the International Conference (Moscow, RANEP, 30-31 October 2014)* (pp. 148-159). New Literary Review. (In Russian)

Skordulis, K. D. (2015). Bukharin and the social studies of science. *Studies in East European Thought*, 67, 75-89. <https://doi.org/10.1007/s11212-015-9230-9>

Smagina, G. I. (2020). «*Understanding Science Historically...*»: *Russian History of Science in the First Decades of the 20th Century*. Rostock Publ. (In Russian)

Freudenthal, G., McLaughlin, P. (Eds.). (2009). *Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Gessen and Henrik Grossman*. Springer Publ. (In Russian)

Talbot, K., Pattison, O. (Eds.). (2021). *Boris Gessen: Physics and Philosophy in the Soviet Union, 1927-1931. The Forgotten Debate of Emergence and Decline*. Springer Publ. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-70045-4>

Tannery, P. (1887). *La Géométrie Grecque, Comment son Histoire Nous Est Parvenue et ce que Bous en Savons*, Gautier-Villars.

Tannery, P. (1893). *Recherches sur l'Histoire de l'Astronomie Ancienne*, Gautier-Villard.

Tannery, P. (1902). *The First Steps of Ancient Greek Science*. Bezobrazov and Komi Publ. (In Russian)

Tannery, P. (1904). De l'histoire générale des sciences. *Revue de Synthèse Historique*, VIII (22), 1-16.

Tannery, P. (1934). *Historical Sketch of the Development of Natural Science in Europe. (From 1300 to 1900)*. State Technical and Theoretical Pub. (In Russian)

Yenna, G., Rispoli, G. (2019). Boris Gessen at the crossroads of science and ideology from international appeal to the Soviet context. *Society and Politics*, 13, 37-63.

Zhmud, L. Ya. (2023). From the history of sciences to the history of science: the evolution of the historiography of science in modern time. In *Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology. Annual Scientific Conference, Moscow*. 33-37. (In Russian)

УДК 001.1; 101.8

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-145-167

ВТОРОЙ КОНГРЕСС ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ 1931 Г. В ЛОНДОНЕ В ИСТОРИИ НАУКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ЧАСТЬ II. ПРОВЕДЕНИЕ КОНГРЕССА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Куприянов Виктор Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, лит. Б;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0757-3752

Статья представляет собой вторую часть исследования, посвящённого истории Второго международного конгресса по истории науки в Лондоне 1931 г. Опираясь на российские и зарубежные источники, автор проводит реконструкцию программы конгресса, показывает ход его проведения. Второй международный конгресс в Лондоне имел целью привлечь как можно больше внимания к профессионализации истории науки. Как показано в статье, тематика конгресса касалась общих вопросов истории и философии науки, а также теоретических проблем естествознания (биологии и физики). С философской точки зрения организаторам конгресса была близка позитивистская концепция О. Конта, которую развивали такие известные историки науки, как П. Таннери и Дж. Сартон. Автор указывает, что советские учёные видели цель своего участия в конгрессе несколько иначе: для них важно было показать достижения молодого советского государства, а также распространить марксистско-ленинскую философию. Не исключались также и политические задачи – так, глава советской делегации Н.И. Бухарин рассматривал различия научных точек зрения сквозь призму политических взглядов. Автор обращает внимание на значение Второго международного конгресса по истории науки для историографии науки. Указывается, что советские учёные оказали влияние на творчество английских учёных-марксистов. В статье приводятся имена наиболее известных английских учёных, на мировоззрение которых серьёзное влияние оказали советские делегаты на историко-научном конгрессе 1931 г. В целом автор показывает, что значение участия советских учёных в рассматриваемом конгрессе не стоит преувеличивать, однако нужно признать, что именно марксистская историография проложила дорогу развитию экстернализма в истории и философии науки, предложив первую серьёзную экстерналистскую программу.

Ключевые слова: Гессен, Бухарин, историография науки, Сартон, Таннери, марксизм, экстернализм, конгресс по истории науки

Цитирование: Куприянов В.А. Второй конгресс по истории науки и техники 1931 г. в Лондоне в истории науки первой половины XX в. Часть II. Проведение конгресса и его значение для историографии // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 145-167. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-145-167

Рукопись получена: 7 ноября 2023

Пересмотрена: 4 декабря 2023

Принята: 8 декабря 2023

THE SECOND CONGRESS ON THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN LONDON, 1931 IN THE HISTORY OF SCIENCE OF THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY. PART II. THE HOLDING OF THE CONGRESS AND ITS SIGNIFICANCE FOR HISTORIOGRAPHY

Viktor A. Kupriyanov – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the Russian Academy of Science, St. Petersburg Branch, 5B, University embankment, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: nonignarus-artis@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0757-3752

The article represents the second part of a study devoted to the history of the Second International Congress on the History of Science in London in 1931. Based on Russian and foreign sources, the author reconstructs the program of the congress and shows the progress of its implementation. The Second International Congress in London aimed to attract as much attention as possible to the professionalization of the history of science. As shown in the article, the topics of the congress concerned general issues of the history of science and philosophy of science, as well as theoretical problems of natural science (biology and physics). From a philosophical point of view, the organizers of the congress were close to the positivist philosophy of O. Comte, which was developed by such famous historians of science as P. Tannery and J. Sarton. The author points out that Soviet scientists saw the purpose of their participation in the congress somewhat differently: for them it was important to show the achievements of the young Soviet state, as well as to spread Marxist-Leninist philosophy. Political tasks were also not excluded, as the head of the Soviet delegation N.I. Bukharin viewed differences in scientific viewpoints through the prism of political views. The author draws attention to the significance of the Second International Congress on the History of Science for the historiography of science. It is indicated that Soviet scientists influenced the work of English Marxist scientists. The article presents the names of the most famous English scientists, whose worldview was seriously affected by the influence of Soviet delegates at the historical and scientific congress of 1931. In general, the author shows that although the significance of the participation of Soviet scientists in the congress should not be exaggerated, it must be recognized that it was Marxist historiography that paved the way for the development of externalism in the history and phi-

losophy of science, proposing the first serious externalist program.

Keywords: Hesse, Bukharin, historiography of science, Sartre, Tannery, Marxism, externalism, Congress on the History of Science

How to cite: Kupriyanov, V.A. (2023). The Second Congress on the History of Science and Technology in London, 1931 in the history of science of the first half of the XXth century. Part II. The holding of the congress and its significance for historiography. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab, 6 (4):* 145-167. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-145-167 (In Russian)

Received: 7 November 2023

Revised: 4 December 2023

Accepted: 8 December 2023

Второй конгресс по истории науки в Лондоне 1931 г. стал одним из важнейших событий в историографии науки. В основном внимание историков привлекает участие в этом конгрессе советской делегации. Большая часть публикаций о Втором международном конгрессе по истории науки посвящена именно этому вопросу. В основном внимание уделяется формированию делегации, а также реакции на доклад Б.М. Гессена о Ньюtone, который чаще всего признаётся центральным событием этого мероприятия. В связи с докладом Гессена в основном зарубежные исследователи обращают внимание на экстернализм в историографии науки и влияние на неё марксизма (Горелик, 2018; Грэхэм, 1993; Graham, 1985; Kokowski, 2022; Winkler, 2007; The social and economic roots of the scientific revolution, 2009; Freudenthal, McLaughlin, 2009; Hessen, 2006; Chilvers, 2003; Ienna, Rispoli, 2019; Шихан, 2022; Sheehan, 2017). Однако работ, посвящённых истории организации самого конгресса и его особенностям, в исследовательской литературе почти нет.

В первой части настоящего исследования была проведена реконструкция истории подготовки Второго международного конгресса по истории науки в Лондоне (Куприянов, 2023). Идея организации международных конгрессов возникла в период 1900-1904 гг. во время первых конгрессов по истории и философии. Инициатором проведения самостоятельных историко-научных конгрессов был французский историк и философ науки Поль Таннери. Основная задача, которая стояла перед организаторами конгрессов, заключалась в консолидации историко-научного сообщества и увеличении интереса к истории науки как специальной области исследований. Цель данной статьи, представляющей вторую часть исследования об истории Второго конгресса, – показать ход конгресса, представить его основных участников и обратить внимание на значение этого события для историографии науки.

Проведение конгресса и участие советской делегации

Второй международный конгресс по истории науки в Лондоне открылся 29 июля 1931 г. В программу, как и во время Первого конгресса по истории науки в Париже 1929 г., входило множество культурно-развлекательных мероприятий. Помимо научных сессий, которые проходили в Музее науки, были запланированы посещения Королевского колледжа врачей, Национальной портретной галереи, Барберс-холла, Королевской обсерватории, Музея естественной истории, Ботанического сада, а также экскурсии в Кембридж и Оксфорд. Экскурсии проводились в отдельные дни: 1 июля – Кембридж, 4 июля – Оксфорд. Кроме этого, специально по случаю конгресса в Британском музее была организована выставка под названием «Первое столетие науки в Англии (Бруно – Ньютон, (1584-1687)» (Smith, 1911; Needham, 1978, p. 103). На все остальные дни были запланированы научные мероприятия и фуршеты, которые в результате заняли большую часть времени. Можно сказать, что программа была составлена так, чтобы научная часть всё время сопровождалась неформальным общением во время экскурсий и фуршетов. В рамках конгресса планировались вступительная лекция Чарльза Сингера (в первый день), а также четыре научных сессии. Первая сессия была запланирована на 30 июня и включала две части: «Наука как неотъемлемая часть общего исторического знания» и «Преподавание истории науки». 2 июля проводилась сессия на тему «Исторические и современные взаимоотношения физических и биологических наук», а 3 июля предусматривалась сессия «Взаимозависимость чистой и прикладной наук». Все эти сессии были проведены, поэтому в целом, включая известную специальную сессию, созванную по требованию советских делегатов, в рамках конгресса состоялось пять научных сессий. Культурная программа также была реализована полностью, о чём свидетельствуют как отчёты советских учёных, так и обзоры конференции³².

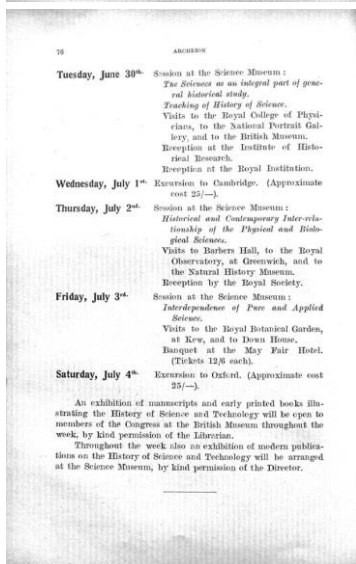
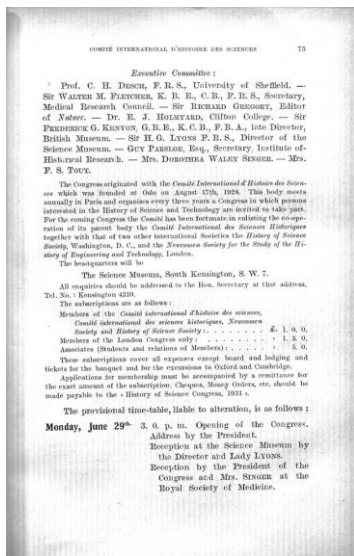
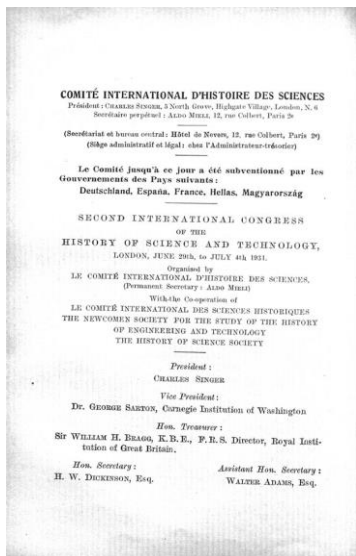
Таким образом, можно констатировать, что в отличие от Первого конгресса по истории науки, который с идейно-философской точки зрения был монотематическим, конгресс 1931 г. изначально предполагал обсуждение *трёх вопросов*: наука как неотъемлемая часть общего исторического знания, проблема отношения физических и биологических наук и взаимосвязь чистой и прикладной науки. Эти темы также были дополнены и *четвёртым вопросом* – проблемой преподавания истории науки. Несмотря на то, что заявленная тематика не была полностью исторической, нужно признать, что сами обозначенные проблемы в полной мере соответствовали главной задаче Второго конгресса – увеличить внимание к истории науки со стороны учёных-специалистов и тем самым

³² По итогам конгресса было опубликовано три обзора в журналах *Science. New Series* (Smith, 1911), *Nature* (Greenwood, 1931), *History* (Adams, 1931).

способствовать её всемерному развитию как самостоятельной *исторической дисциплины*. Именно в таком контексте и пришлось выступать советским учёным, которые имели, на наш взгляд, несколько иные задачи.

Предварительная программа конгресса (опубликована в № 13 журнала <i>Archeion</i>)³³	
Понедельник, 29 июня	- 15:00. Открытие Конгресса. Обращение президента Ч. Сингера - Приём в Музее науки у директора Г. Лайонса и леди Лайонс - Приём у президента конгресса и госпожи Сингер в Королевском медицинском обществе
Вторник, 30 июня	- Научные сессии в Музее науки: ▪ «Наука как неотъемлемая часть общего исторического изучения» ▪ «Преподавание истории науки» - Посещение Королевского колледжа врачей, Национальной портретной галереи, Британского музея - Приём в Институте исторических исследований - Приём в Королевском институте Великобритании
Среда, 1 июля	- Экскурсия в Кембридж
Четверг, 2 июля	- Научная сессия в Музее науки: ▪ «Исторические и современные взаимоотношения физических и биологических наук» - Посещение Барберс-холла, Королевской обсерватории в Гринвиче, Музея естественной истории - Приём в Королевском обществе
Пятница, 3 июля	- Научная сессия в Музее науки: ▪ «Взаимозависимость чистой и прикладной наук» - Посещение Королевского ботанического сада в Кью и Даун Хауса - Банкет в отеле <i>May Fair</i>
Суббота, 4 июля	- Экскурсия в Оксфорд

³³ Программу см.: (Archeion, 1931, pp. 74-76).

Как известно, в состав советской делегации входили Н.И. Бухарин (руководитель делегации), Б.М. Гессен, А.Ф. Иоффе, В.Ф. Миткевич, Б.М. Завадовский, М.И. Рубинштейн, Н.И. Вавилов и Э.Я. Кольман (Смагина, 2020, с. 119-127). Они принимали участие во всех научных сессиях конгресса и выступали содокладчиками заявленных докладчиков. На основании отчётов Н.И. Бухарина и М.И. Рубинштейна, представленных после возвращения в СССР 1 августа 1931 г. на заседании Президиума Комкадемии, можно сделать вывод, что организация конгресса выглядела для

советских делегатов необычной. Удивление у советских учёных вызвали заранее составленная программа и заблаговременно назначенный оргкомитет, ограниченный регламент выступлений спикеров, отсутствие итоговой резолюции, а также большая культурная программа (Рубинштейн, 2020, с. 581-582; Бухарин, Кольман, 2020, с. 600-602). Например, М.И. Рубинштейн в своём отчёте указывал, что повестка конгресса так составлена, что большую часть занимают развлекательные мероприятия, а советские учёные приехали для того, чтобы делать доклады. Однако, как передаёт Рубинштейн, им было отказано в изменении программы, так как, по мнению организаторов, во время

неформального общения есть возможность лучше познакомиться друг с другом (Рубинштейн, 2020, с. 581-582).

В первый день конгресса, помимо приветствий, был заслушан доклад президента конгресса и Международного комитета по истории науки *Чарльза Сингера*, текст был позже опубликован в журнале *Nature* (Singer, 1931). Этот доклад, представленный после вступительного слова министра образования Великобритании, стал инаугурационной речью и был призван определить направление работы конгресса. В своей речи Ч. Сингер обратил внимание на то, что наука – это прежде всего процесс, поэтому она развивается так же, как и прочие исторические явления – например, государство. Однако, как констатировал Сингер, история науки пока не получила широкого признания (Singer, 1931, р. 7). Свой доклад британский историк посвятил проблеме зарождения науки. По большей части он рассуждал о том, в каком веке наука появилась и как нужно понимать взаимоотношения Древней Греции и Египта в этой сфере. Суть процесса возникновения науки в Древней Греции он видел в постепенной рационализации. Доклад Сингера завершался констатацией: «Рационализация греческого интеллекта в течение пяти веков всегда казалась чудом – богоявлением. С другой стороны, древняя и медленно дезинтегрирующаяся научная традиция в Египте или на Ближнем Востоке хорошо согласуется с тем, что мы знаем об истории греческой науки. Существовали ли такие традиции – это вопрос факта, который может быть решён только египтологией или ассириологией. Тем временем папирус Ринда, папирус Эдвина Смита и Московский папирус сделали этот взгляд менее фантастическим, чем это казалось десять лет назад» (Singer, 1931, р. 10). Общий смысл доклада президента конгресса и Международного комитета по истории науки заключался не столько в обсуждении конкретной историко-научной проблемы, сколько в призыве изучать первоисточники по истории науки, не останавливаясь перед возникающими трудностями. Сингер стремился продемонстрировать, что история науки – такая же легитимная часть исторического знания, поэтому заслуживает такой же скрупулезной работы, как и изучение других исторических феноменов. Характеризуя доклад президента конгресса, М.И. Рубинштейн дал ему уничижительную оценку, что было свойственно в принципе для всех советских делегатов (Рубинштейн, 2020, с. 582-583).

Советские гости действовали на конгрессе сплочённо и скоординированно, осознавая задачи, которые перед ними стояли. Дж. Бернал сравнивал советскую делегацию с фалангой, которая действовала единообразно, вооружившись диалектическим марксизмом (Рубинштейн, 2020, с. 591). И действительно, перед советской делегацией стояли задачи распространения диалектического и исторического материализма и донесения до западных буржуазных учёных марксистской точки зрения. В своём отчёте перед Президиумом Комакадемии Н.И. Бухарин указывал: «Надо сказать, что эта борьба за время, за наши речи на этом конгрессе,

все контрмеры, которые мы принимали, это имело совершенно ясно политический смысл» (Бухарин, Кольман, 2020, с. 602). В результате, как отмечал Бухарин, «настоящей идейной драки, которой мы жаждали, мы не имели, потому что пальцы наши попадали в этакое-такое мягкое тесто» (Бухарин, Кольман, 2020, с. 605). Соответственно, дискуссии и споры (а здесь нужно подчеркнуть, что эти споры были созданы самими же советскими делегатами!) рассматривались отечественными учёными сквозь призму борьбы политических идей. Уже на первой научной сессии советские делегаты выступили в споре со своими западными коллегами с единой точки зрения, чем существенно оживили работу второго дня конгресса.

Первая научная сессия была посвящена теме «Наука как неотъемлемая часть всеобщего исторического изучения». Сессия проходила под руководством итальянского историка математики *Джино Лория* (1862-1954), который открыл заседание своим вступительным докладом. Принимали участие в сессии такие известные учёные, как английский историк *Джордж Норман Кларк* (1890-1979), английский агроном и историк науки *Уильям Сесил Дампье-Ветхам* (1867-1952), египетский физик *Али Мустафа Машараф* (1898-1950), английский физиолог *Арчибальд Хилл* (1886-1977) – лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1922 г., а также советские учёные: Э.Я. Кольман, М.И. Рубинштейн, Н.И. Бухарин, Б.М. Завадовский и А.Ф. Иоффе. Материалы конгресса и его обзоры, опубликованные в журналах *Nature*, *Science* и *History*, позволяют реконструировать ход как этой сессии, так и всех заседаний, а также понять, каким образом западные учёные восприняли выступление советских коллег.

Ход первой научной сессии конгресса раскрывает в полной мере суть контактов между советскими учёными-коммунистами и основной массой участников мероприятия. Судя по опубликованным материалам конгресса, именно на этой сессии развернулись активные идейные дискуссии между советскими делегатами и иностранными учёными, прежде всего с профессором А. Хиллом. Дж. Лория, открывая сессию, задал основную тему для дискуссии, продолжавшую инаугурационный доклад Ч. Сингера. Основная идея доклада Лория заключалась в том, что история науки приобретает огромный вес и становится такой же легитимной областью исторического интереса, как и политическая история; более того, новые источники заставляют по-новому смотреть на историю науки. Лория указывал, что если ранее от истории науки ожидали анекдотов и развлекательного чтения, то теперь от историков науки требуется точность, как и от представителей любой другой науки (Archeion, 1932, р. 271). Именно Лория озвучил на сессии идею о том, что теперь историки вместо биографий политиков и законодателей должны сосредоточиться на биографиях учёных. В этом контексте Лория указывал на новый гуманизм Дж. Сартона в качестве источника вдохновения и ссылаясь на проект всеобщей истории наук

П. Таннери. Своими рассуждениями Дж. Лория продолжал, по сути, ту же мысль, которую развивал во вступительной речи Ч. Сингер – история науки является разделом исторического знания, поэтому к ней применимы те же самые методы. Эта же мысль была отражена и в названии первой сессии конгресса.

Вокруг этой идеи вращались дискуссии на первой научной сессии. Выступающие участники сессии подчёркивали важность истории науки, необходимость её изучения для понимания общей истории. Профессор Кларк отмечал, что «место истории науки в общей истории заключается не в том, что она [история науки – В.К.] отделима от некоего неорганизованного агрегата, а в том, что она – живой член органически связанной реальности» (Archeion, 1932, p. 273). Профессор Дампье-Ветхам указывал, что в преподавании истории нужно следовать «естественному порядку»: от примитивных эмоций к закону и науке. На последнем этапе, после индустриальной революции, наука стала неотъемлемой частью жизни, поэтому студентам нужно с помощью истории науки показывать саму науку в её развитии. А. Хилл (самый крупный учёный из тех, кто присутствовал на конгрессе) развивал тезис своих коллег о том, что история науки является неотъемлемым элементом общей истории. Учёный подчёркивал, что раньше история была сосредоточена на политических деятелях, а теперь пришло время переосмыслить этот подход. Тезис Ч. Сингера о том, что Ньютон имел не меньшее значение для истории, чем Р. Уолпол (премьер-министр Великобритании), А. Хилл поддерживал и указывал, что невнимание к науке и ее истории – это проявление невежества и гордости, ведь наука является неотъемлемой частью культуры (Archeion, 1932, p. 274). Свой доклад, наполненный указаниями о большой роли Ньютона, Дарвина, Галилея и Эйнштейна в истории, Хилл завершил многозначительным вопросом о движущих силах истории: «Я не верю, что в спектакле истории человек – лишь кукла, контролируемая судьбой. Он в таком случае глупец, но он не имбецил, не автомат. Силы, которые его движут – это силы, которые он сам порождает, силы чувства, веры и знания. Неужели эти силы менее важны, чем результат, который они производят? Неужели изучение этих сил более удовлетворяет, чем запись их следов? И... не следует ли этим силам и научным открытиям дать больше места в книгах по истории?» (Archeion, 1932, p. 277).

На этом фоне доклады советских делегатов произвели фурор. Сессия «История науки как неотъемлемая часть общего исторического изучения» была главным идейным мероприятием второго дня конгресса, где столкнулись точки зрения организаторов и советских делегатов. На сессии выступили со своими докладами Э.Я. Кольман, Н.И. Бухарин, Б.М. Завадовский и А.Ф. Иоффе. Выступления советских делегатов резко отличались от речей предыдущих докладчиков. Своего рода триггером для объяснения марксистской философии истории в её применении к науке стало именно

выступление А. Хилла, которое было наиболее продолжительным. Кольман в ответ на доклад Хилла указал, что для того, чтобы понять, каким образом история науки является неотъемлемой частью всеобщей истории, профессору Хиллу следовало бы «занять ясную позицию в философии истории, следовало бы как минимум высказаться о том, в чём же заключаются движущие силы истории» (Бухарин, Кольман, 2020, с. 278). Проблема единства истории решается историческим материализмом, который и науку, и политику рассматривает в качестве надстройки над экономической основой общества. Для подтверждения своей точки зрения Кольман зачитал письмо Ч. Дарвина К. Марксу, хранящееся в московском Институте Маркса – Энгельса – Ленина. Мысль Кольмана заключалась в том, что революционное открытие Дарвина в области биологии было обусловлено экономической ситуацией в Англии, а также подготовлено учением Т. Мальтуса. Более того, письмо Дарвина Марксу Кольман использовал, чтобы показать, что создателю эволюционной теории удалось преодолеть классовые ограничения своего времени так же, как это получилось у К. Гаусса.

Яркое выступление Кольмана продолжили не менее яркие доклады М.И. Рубинштейна, Н.И. Бухарина и Б.М. Завадовского. М.И. Рубинштейн указал А. Хиллу, что разделение между историей человечества и историей науки и техники некорректно. Рубинштейн подчёркивал, что развитие науки всегда социально обусловлено, в течение последнего столетия оно происходит в условиях капитализма, без анализа которого развитие науки понять невозможно (Archeion, 1932, р. 280). Следуя марксистской философии, Рубинштейн разграничил две методологии: «С нашей точки зрения абсолютно бесполезно и ненаучно указывать на различие между всеобщей историей и историей науки и техники. Развитие науки и техники всегда происходило в условиях определённой социальной системы, в течение последнего века – в условиях капитализма. Невозможно понять что-либо в развитии, будь то в истории человечества или истории науки и техники, если не проводить научный анализ подъёма и падения капиталистической системы – научный анализ, которой был начат Карлом Марксом. Цель и мотив капиталистической системы производства – это выгода. И те же движущие силы определяют войны и битвы профессора Хилла и развитие науки и техники» (Archeion, 1932, р. 280). Таким образом, научная история, как считает Рубинштейн, заключается не в перечислении имён и событий, а в исследовании расцвета и заката социальной системы.

Так же в ответ на доклады Хилла и Дампье-Ветхэма высказывались в ходе сессии Бухарин и Завадовский. Бухарин указывал на то, что в основе научного поиска лежит выявление закона. История – не хаотичное движение и волюнтаристский процесс, зависящий исключительно от индивидуальных волеизъявлений. «История знания должна быть основана на истории общества, – заявил Бухарин, – а история знания есть только лишь социальная наука. Толь-

ко когда наука понимает себя в качестве социальной функции, научная история знаний оказывается возможной. Только потому, что знание есть неотъемлемая часть социальной жизни, история знания является неотъемлемой частью истории как таковой» (Archeion, 1932, p. 282). Именно Бухарин первым среди советских учёных подчеркнул, что только лишь марксистская теория может претендовать на статус научного понимания истории науки, поскольку именно марксизм рассматривает науку в качестве функции общества. М.И. Завадовский завершил серию выступлений советских делегатов, выразив сожаление, что организаторы конгресса ничего не сказали о таком знаковом событии, как возникновение в 1847 г. исторического материализма (Archeion, 1932, p. 286). В данном случае Завадовский имел в виду написание К. Марксом и Ф. Энгельсом «Немецкой идеологии», которая частично была впервые опубликована в СССР в 1924 г.

Резюмируя идейное содержание первой научной сессии, можно сделать вывод, что оно определялось столкновением двух противоположных представлений об истории, которые к тому времени стали классическими в философских дебатах и в данном случае оказались спроецированы на историю науки. Это *индивидуалистическое понимание*, которое отстаивал, в частности, А. Хилл, предполагавшее, что история движется благодаря воли выдающихся личностей, и *детерминистическое*, требовавшее выявления общего закона истории, который определяет волю индивидов. К актуализации этих дебатов в ходе сессии побудили аудиторию именно советские учёные-марксисты. Им философский уровень собеседников представлялся крайне низким, а самое главное – размытым. Н.И. Бухарин критически рассматривал дискуссию на этой сессии и указывал, что споры, которые произошли между советскими делегатами и западными учёными, отражают устаревшие споры между марксистами и народниками о роли личности в истории. По его мнению, вопроса о закономерностях исторического развития общества не ставилось, что показывает теоретическую ущербность дискуссии (Бухарин, Кольман, 2020, с. 603-604).

Таким образом, участие советских учёных уже в первой научной сессии конгресса обозначило расхождение в понимании главных научных и философских вопросов (причём линия разделения проходила именно в области общих философских позиций, а не конкретных проблем истории науки, которые в ходе конгресса обсуждались крайне мало). Основная мысль конгресса, как её можно понять из докладов Ч. Сингера, Дж. Лория, А. Хилла и др., заключалась в том, что история науки – такая же историческая дисциплина, которая требует работы с источниками. История науки заслуживает своего места в системе исторических наук, поэтому написание историко-научных трудов, поднимающихся выше уровня анекдотов и баск, является первостепенной задачей историков. С философской точки зрения, контовский позитивизм, который проповедовал, в частности, Дж. Сартон, был наиболее понятен и

SCIENCE
AT THE
CROSS ROADS

PAPEES PRESENTED
to the
INTERNATIONAL CONGRESS
of the
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
held in
LONDON
from June 29th to July 3rd, 1931
by the
DELEGATES OF THE U.S.S.R.

KNIGA (ENGLAND) LTD.
RUSH HOUSE, ALDWYCH, LONDON, W.C.2
1931

близок как организаторам конгресса – профессиональным историкам науки, так и учёным-естествоиспытателям, которые составляли основную массу участников этого мероприятия. На этом фоне советские делегаты предложили прежде всего иной философско-методологический подход, который полностью строился на материалистическом понимании истории. В качестве единого онтологического основания понималась экономическая деятельность, продуктом которой и является наука. Социально-экономические отношения являются в таком случае *экспланансом*, а наука во всём многообразии своей когнитивной деятельности – *экспланандумом*, по-

этому для объяснения науки нужно обращаться не к ней самой, а к внешним для неё факторам. Причём марксистский исторический материализм исходил из признания того, что история *законосообразна*, а задача истории как науки как раз и заключается в том, чтобы эксплицировать законы истории.

Из отчётов членов делегации и обзоров, опубликованных по итогам конгресса, известно, что после посещения первой научной сессии советские учёные через торгпредство СССР напечатали доклады³⁴, которые они планировали сделать, и потребовали отдельный день для их представления (*Science at the cross roads*, 1931). Таким образом, четыре научные сессии конгресса были дополнены ещё одной – внеочередной, которая прошла в последний день мероприятия – 4 июля 1931 г., когда планировалась поездка в Оксфорд. Именно для отдельного представления докладов и для лучшего понимания их смысла слушателями делегаты и опубликовали тексты.

Выступали представители СССР в следующем порядке. Сначала доклад на тему «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма» сделал Н.И. Бухарин, затем выступил М.И. Рубинштейн на тему «Отношения науки, технологий и экономики», после него – Б.М. Завадовский с докладом «Физическое и биологическое в процессе органической эволюции». Далее выступали Б.М. Гессен с темой «Социальные и экономические корни “Начал” Ньютона» и А.Ф. Иоффе с докладом, озаглавленным «Физика и техника». Выступление В.Ф. Миткевича было посвящено

³⁴ В советском издательстве «Книга», которое находилось в это время в Лондоне.

теме «Работа Фарадея и современное развитие в применении электрической энергии». Наконец, последним среди советских учёных выступил Н.И. Вавилов с докладом «Проблема происхождения мирового сельского хозяйства». Председательствовал на сессии президент конгресса Ч. Сингер, который дал возможность в тот же день выступить с докладами ещё трём участникам (Archeion, 1932, p. 532).

Н.И. Бухарин организацию советского дня конгресса представил как результат борьбы с организаторами конгресса (Бухарин, Кольман, 2020, с. 606). Решение потребовать для советской делегации отдельный день Н.И. Бухарин в своём отчёте перед Президиумом Комакадемии связывал с общей враждебностью, с которой столкнулись советские учёные на лондонском конгрессе. По его мнению, организаторы не уделяли достаточно времени советским учёным, поэтому через советское торгпредство доклады были изданы на английском языке и распространены среди слушателей перед выступлениями (Бухарин, Кольман, 2020, с. 602). В данном контексте нужно указать, что факт в целом враждебного отношения к советским учёным, отражённый как в отчёте М.И. Рубинштейна, так и в отчёте Н.И. Бухарина, подтверждается и воспоминаниями Э. Кольмана, опубликованными в 1982 г., после его эмиграции из СССР. Кольман писал: «На самом конгрессе многие относились к нам также с подозрением, – мол, не учёные прибыли, а большевики устраивать коммунистический переворот в доброй старой Англии. И, понятно, главной мишенью был член Политбюро Бухарин, вряд ли в условиях того времени он был подходящей главой советской научной делегации» (Кольман, 2011, с. 230).

Нужно понимать, что, как отмечено выше, подход Бухарина и других учёных-коммунистов был достаточно политизированным, ведь сама поездка в Лондон имела в качестве своей цели пропаганду коммунистической науки и достижений молодого советского государства. Советские учёные рассматривали различия в научных и особенно философских точках зрения в качестве поля для борьбы, на котором сталкиваются политические интересы. Об этом можно судить не только на основании отчётов, которые представили по итогам посещения Лондона Н.И. Бухарин, М.И. Рубинштейн, Б.М. Гессен и Э.Я. Кольман, но и хотя бы по таким фактам как митинг, организованный Обществом культурной связи, на котором Н.И. Бухарин рассказывал о достижениях первой пятилетки, и визит в английский парламент (Кольман, 2011, с. 232-233).

Что касается остальных четырёх научных сессий, запланированных и в итоге проведённых, то они не были наполнены столь бурными дискуссиями между советскими делегатами и другими участниками конгресса, хотя Иоффе, Бухарин, Гессен и Миткевич сделали в ходе некоторых из этих мероприятий полноценные доклады.

Говоря в целом о научной части конгресса, стоит обратить внимание, что сессии «Исторические и современные взаимоотношения

физических и биологических наук» и «Взаимозависимость чистой и прикладной наук» были сконцентрированы скорее на теоретических вопросах, и историко-научная составляющая в них не была главной. Выступали на этих сессиях в основном профессиональные естествоиспытатели, которые благодаря конгрессу получили возможность обсудить некоторые теоретические проблемы своих наук, что можно заметить и по названиям научных сессий. Лишь две сессии, проведённые во второй день конгресса, а также советскую сессию можно в полной мере связать с историей науки.

Если на сессии «Наука как неотъемлемая часть общего исторического изучения» обсуждались скорее проблемы философии истории науки, то сессия «Преподавание истории науки» была более конкретной. Кроме того, эта сессия также в полной мере отражала научные интересы организаторов конгресса и была продолжением аналогичных дискуссий, которые велись на парижском конгрессе 1929 г. В этой сессии, которая проходила под председательством известного американского патологоанатома и бактериолога *Уильяма Генри Уэлча* (1850-1934), выступали историки науки *Джино Лория*, *Генри Сигерист* и *Альдо Миели*, историк *Мишель Леритье* (1889-1951), историк науки и философ *Элен Мецжер* (1899-1944), французский философ и историк науки *Эмиль Мейерсон* (1859-1933), немецкий физик и историк науки *Фридрих Даннеман* (1858-1936) – автор известного, ставшего классическим четырёхтомника «Естественные науки в их развитии и их взаимосвязи»³⁵, американский математик и историк математики *Дэвид Смит* (1860-1944), французский историк науки *Пьер Брюне* (1893-1950), немецкий врач и историк медицины *Пауль Дипген* (1878-1966), чешский историк математики *Гвидо Веттер* (1881-1960) и др. Всего, опираясь на материалы конгресса, можно зафиксировать участие 26 учёных. Сессия собрала самое большое количество тех учёных, которые профессионально занимались историей науки, и была задокументирована в журнале *Archeion* наиболее подробно. Цель организаторов заключалась, очевидно, в том, чтобы, с одной стороны, представить общие проблемы преподавания науки, а с другой – осветить особенности преподавания истории науки в разных странах. В результате материалы этой сессии дают своего рода панораму институционализированной истории науки по состоянию на 1931 г.

В чём причина такого интереса к тематике преподавания истории науки со стороны организаторов конгресса? Как мы полагаем, ответ на этот вопрос связан с их общими идеями и мотивами. В этой связи вновь нельзя не обратить внимания на фигуру *Поля Таннери*. М. Леритье, которому А. Миели поручил составить обзор этой сессии, прямо об этом пишет: «Этот вопрос поставил на международном уровне учёный, память которого Международный ко-

³⁵ Переведён на русский язык и опубликован с 1932 по 1938 г. в трёх томах под названием «История естествознания. Естественные науки в их развитии и взаимодействии».

митет по истории науки окружил столь большим уважением, – Поль Таннери. Сначала на Международном конгрессе по сравнительной истории в Париже в 1900 г., затем на Международном конгрессе по историческим наукам, собравшемся в Риме тремя годами позже, Поль Таннери провозгласил, что история науки должна преподаваться не только в университетах, но и в лицеях, и в средних школах» (Archeion, 1931, pp. 159-160). В связи с этим предложением Таннери начал предпринимать попытки реализовать на практике идею преподавания истории науки со школы. Именно это дело Таннери продолжали и члены Международного комитета по истории науки как публикациями в издаваемых ими журналах, так и организацией специализированных научных сессий в рамках первых конгрессов по истории науки.

Тем не менее советских учёных проблема преподавания истории науки не интересовала, поэтому в этой сессии они в дискуссии с участниками конгресса не вступали. Того же нельзя сказать о сессиях, посвящённых взаимодействию теоретической и прикладной науки и отношениям между прикладной и теоретической наукой, которые проходили 2 и 3 июля соответственно. На этих двух сессиях советские учёные также выступили с сообщениями, которые были опубликованы в материалах конгресса (Archeion, 1932, pp. 497-515; Archeion, 1932, pp. 516-531). В сессии по вопросу об отношении биологических и физических наук, которой руководил американский биолог *Уильям Питтер* (1856-1944), выступил А.Ф. Иоффе. В ходе сессии по вопросу об отношении прикладной и чистой науки, проходившей под председательством сэра Генри Лайонса, директора Музея науки в Лондоне, выступили также Н.И. Бухарин, Б.М. Гессен, В.Ф. Миткевич и Н.И. Вавилов, которые и в данном случае воспользовались возможностью высказать марксистскую точку зрения. Подробные отзывы, содержащие критику своих оппонентов, советские учёные представили в своих отчётах. В основном Бухарин, Гессен и Рубинштейн, которые были идеологически более подкованными, чем Иоффе и Вавилов, указывали на «некомпетентность» западных учёных, не разбиравшихся в основах марксизма. Однако именно на этой сессии выступили английские учёные-марксисты *Джон Холдейн* (1892-1964), *Джозеф Нидэм* (1900-1995) и *Ланселот Хогбен* (1895-1975), выступления которых получили одобрение советских делегатов. Выступал на этой сессии и известный биолог *Эдвард Рассел* (1887-1954). Вполне ожидаемо, что основу дискуссий на биологической сессии составили споры между механистами и виталистами, что подтверждается как отчётами советских учёных, так и материалами конгресса.

Говоря же о последней сессии, посвящённой вопросу об отношении чистой и прикладной науки, можно отметить, что и в данном случае советские учёные убеждали своих западных коллег в их методологической «несостоятельности», пытались разъяснить им основы марксизма. Н.И. Бухарин указывал на историчность науки

как таковой и на бесперспективность «неподвижного формализма категорий» (Archeion, 1932, p. 523), а Гессен обратил внимание на деятельность как основу, объединяющую теорию и практику. Перефразируя известное высказывание И. Канта, Гессен сделал вывод: «Любая устоявшаяся теория оплодотворяется и направляется деятельностью. Если деятельность без знания слепа, то знание без деятельности пусто и лишено содержания» (Archeion, 1932, p. 526). В отчётах после возвращения в СССР советские делегаты обсуждения этой сессии также дали насмешливые и уничижительные оценки. Так, М.И. Рубинштейн, отчитываясь о сессии по вопросу отношений между чистой и прикладной наукой, сделал вывод о том, что она представляла собой полнейшую теоретическую беспомощность, как и большинство дискуссий на этом конгрессе (Рубинштейн, 2020, с. 586). Бухарин же указывал на «полуобывательский» характер рассуждений западных учёных и делал вывод, что «продуманной, чётко сформулированной точки зрения, которая бы обнимала все стороны вопроса, ни в коем случае развито не было» (Бухарин, Кольман, 2020, с. 605). С одной стороны, отсутствие ясной философской основы, а с другой – использование устаревшей, по мнению советских делегатов, терминологии составляли основной недостаток дискуссий, которые происходили на конгрессе.

В заключение нужно указать, что, помимо работы в рамках научных сессий, советские учёные посещали научные учреждения Великобритании, участвовали в экскурсиях и встречах с учёными и политиками. Так, Н.И. Бухарин, кроме участия в митинге, беседовал с Дж. Э. Муром – одним из пионеров аналитической философии. В свойственной ему манере Бухарин высмеивал в отчёте основной интерес Мура – этику, а также его незнание марксизма (Бухарин, Кольман, 2020, с. 611). Таким образом, произошёл первый контакт советской/российской философской мысли с зарождающейся аналитической философией. Посещая Кембридж, советские делегаты совершили визит к П.Л. Капице. Как писал в своих воспоминаниях Э. Кольман, целью встречи с Капицей было уговорить его вернуться в СССР (Кольман, 2011, с. 233-234). Н.И. Вавилов воспользовался возможностью поработать в английских библиотеках и пообщаться с английскими ботаниками (Вавилов, 2020, с. 621). Б.М. Гессен посетил библиотеку Патентного бюро и Лондонскую палату мер и весов (Гессен, 2020, с. 597).

Значение Второго международного конгресса по истории науки в Лондоне

Второй международный конгресс по истории науки в Лондоне остался в истории самым известным историко-научным мероприятием подобного рода. Участие советской делегации сделало этот конгресс знаковым идейным событием, в рамках которого обсуждались философские и мировоззренческие проблемы, связанные с историей науки. На конгрессе столкнулись две различных страте-

гии историко-научной методологии. Организаторы конгресса и члены Международного комитета по истории науки стремились к «историзации истории науки», подчёркивая, что история науки – не менее важная область истории, чем политическая или экономическая история. На практике же их задача состояла в том, чтобы привлечь внимание широкой научной общественности к истории науки, поэтому для участия в конгрессе были приглашены многие учёные-специалисты, которые профессионально историей науки не занимались. С методологической точки зрения для организаторов Второго международного конгресса важным было конкретное изучение источников и реконструкция исторических событий в том или ином контексте. В этом смысле фигура П. Таннери была знаковой. Например, М. Леритье, говоря о Таннери и его понимании истории науки в связи со Вторым конгрессом по истории науки в Лондоне, писал о том, что ранее история была в большей степени политической наукой и часто экономическая история составляла основу преподавания истории, а «теперь историки всеобщей истории признают, что всеобщая история целостна, что она должна представлять не только политический аспект и не только экономический, но и в более общем виде аспект культурный, который должен быть в конце концов историей цивилизации, включать в себя не только победы силы, но также и победы интеллекта, с помощью которого открываются секреты природы, используются ресурсы и приручаются её слепые силы» (Archeion, 1931, pp. 160-161).

Именно такие идеи доминировали среди организаторов и участников первых конгрессов по истории науки, для которых П. Таннери с его позитивистским мировоззрением был непререкаемым авторитетом. Несомненно, что на этом фоне точка зрения, представленная советскими учеными, была новшеством. Советские учёные исходили из тезиса о социальной обусловленности знания, поэтому решение проблем истории науки виделось им в изучении политической и экономической истории. Наука по своей сути – социальный феномен и социальный продукт, как и вся сфера деятельности человека, поэтому приоритет должен отдаваться именно социальным исследованиям, направленным на выявление законов социальной действительности. Таким образом, выявлялось единство исторического процесса.

В целом нельзя при этом сказать, что идея социальной обусловленности знания не была в то время представлена в научных и философских исследованиях³⁶. В этой связи можно указать на работы М. Шелера по социологии познания, на работы польских философов и социологов Ф. Знанецкого, М. Оссовской и С. Оссовского и, конечно, на французскую традицию социологии познания, инициированную Э. Дюркгеймом. Однако именно марксистский подход, развитый впервые советскими учёными, открыл дорогу для кон-

³⁶ См. обзор истории становления социологии знания Р. Мертона: (Merton, 1973).

кретных социальных исследований науки и дал основу для формирования *экстерналистского подхода к пониманию науки*. Поэтому, хотя сам по себе марксизм, как основа историографии и социологии науки, не получил ни в Англии, ни вообще в науке преобладающего значения, не став в результате единственной программой экстернализма в истории науки, всё-таки сама постановка вопроса о социальных корнях науки и ясная методология, которая позволяла бы исследовать эту проблему, оказались в то время востребованными. В итоге, говоря об общем значении Второго конгресса по истории науки в Лондоне, можно его охарактеризовать как событие, в рамках которого впервые возникло различие интернализма и экстернализма в истории и философии науки, что имело значение не только для СССР и России. Таким образом, *1931 г. можно обозначить как момент зарождения данной проблематики, оформление которой завершилось публикациями работ Р. Мертона «Наука, технологии и общество в Англии XVII в.» (1938 г.) и А. Койре «Этюды о Галилее» (1939 г.)*³⁷.

В заключение отметим, что в трёх опубликованных обзорах конгресса были отмечены выступления советских делегатов (Smith, 1911; Needham, 1978; Adams, 1931). Это говорит о том, что выступления советских учёных не прошли незамеченными, также как и сборник статей «Наука на распутье», уже в 1931 г. получивший отзыв в английской научной периодике (Mavin, 1931). Рецензент сборника оценил его содержание скорее отрицательно, высказав возражение против разделения науки на «буржуазную» и «социалистическую» и указав при этом на универсальность научной истины и её независимость от классов или сословий. При этом он отметил и то, что социальность науки и её связь с обществом можно понимать и по-другому: «До тех пор, пока промышленность находится в руках частных производителей, открытия науки будут использоваться этими лицами для улучшения их собственного благополучия. Первый результат, если наука сильна и её приложение реализуемо, будет заключаться в том, что растёт прибыль, хотя при этом преимущества от этого будут постепенно распространяться в обществе в соответствии с экономическими и моральными отношениями, существующими в нём. Таким образом, несомненно, что первичный результат применения науки в XIX в. был созданием большого самостоятельного среднего класса, основывающегося на научно-организованной промышленности. Но за этим развитием последовало распространение выгод на всё общество (благодаря социальным реформам, низким ценам, профсоюзам и т. д.). ... Позволит ли русский метод в конце концов обеспечить то же самое, или даже больше, предстоит ещё увидеть; до сих пор этого, конечно же, не произошло» (Mavin, 1931, pp. 170-171).

³⁷ Замечание А. Койре о гессеновском понимании генезиса механики И. Ньютона см.: (Койре, 1965, p. 6).

Несомненно, что советским учёным удалось вызвать интерес со стороны английских марксистов. Второй международный конгресс по истории науки стал переломным моментом в интеллектуальной биографии *Дж. Д. Бернала* (1901-1971), *Дж. Нидэма* (1900-1995), *Л. Хогбена* (1895-1975), *Дж. Б. С. Холдейна* (1892-1964) и *Х. Леви* (1889-1975), а также способствовал формированию марксистского взгляда на науку в англоговорящих странах, а затем и в континентальной Европе. Учёные-марксисты, которые испытали на себе влияние Бухарина, Гессена и других советских марксистов, в той или иной степени сохранили свои взгляды на науку и общество до конца жизни. Однако в целом нельзя сказать, что марксистская интерпретация истории науки стала доминирующей и имела определяющее влияние на историю и философию науки. О значимости рецепции марксистского понимания науки и, соответственно, марксистской трактовки экстернализма говорит публикация в 1971 г. второго издания сборника «Наука на распутье» (*Science at the Cross Roads*, 1971). Хотя републикация сборника свидетельствовала о сохраняющемся интересе к марксистскому пониманию науки, все-таки рецепция этого подхода была ограниченной. Так, стоит согласиться с оценкой известного английского историка науки А.Р. Холла, который, говоря о влиянии советских марксистов, писал о том, что сборник «Наука на распутье» не имел никакого серьёзного влияния в Западной Европе, его читала только англоязычная аудитория. При этом марксистский подход не оказал «никакого влияния на большинство учёных или научных журналистов ни в Великобритании, ни в Соединённых Штатах. Хотя в 1940-е гг. (как и позднее) среди историков и историков науки, а также среди учёных были марксисты, ни всеобщая история, ни историография науки не были серьёзно затронуты диалектическим материализмом и исследованиями по типу Гессена» (Hall, 1975 p. 265). Иными словами, марксистская историография и философия науки остались хоть и важным, но лишь *одним из многих способов* интерпретации науки и её истории.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бухарин, Кольман, 2020 – *Бухарин Н.И., Кольман Э.Я.* Доклады Н.И. Бухарина и Э.Я. Кольмана на заседании Президиума Коммунистической

академии 1 августа 1931 г. о поездке на Второй международный конгресс по истории науки и техники в Лондон // Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. С. 599-618.

Вавилов, 2020 – Вавилов Н.И. Отчёт Н.И. Вавилова об участии во II Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне // Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. С. 620-623.

Гессен, 2020 – Гессен Б.М. Доклад Б.М. Гессена на заседании Президиума Коммунистической академии 1 августа 1931 г. о поездке на Второй международный конгресс по истории науки в Лондоне // Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. С. 595-599.

Горелик, 2018 – Горелик Г.Е. Объяснение Гессена и вопрос Нидэма, или как марксизм помог задать важный вопрос и помешал ответить на него // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 3. С. 153-171.

Грэхэм, 1993 – Грэхэм Л. Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 19-31.

Кольман, 2011 – Кольман Э.Я. Мы не должны были так жить! М.: Человек, 2011. 568 с.

Куприянов, 2023 – Куприянов В.А. Второй конгресс по истории науки и техники 1931 г. в Лондоне в истории науки первой половины XX в. Часть I. Зарождение идеи международных конгрессов по истории науки // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. (В печати).

Рубинштейн, 2020 – Рубинштейн М.И. Доклад М.И. Рубинштейна на заседании Президиума Комакадемии о поездке советской делегации на II Международный конгресс по истории науки и техники в Лондон // Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. С. 581-594.

Смагина, 2020 – Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. 672 с.

Шихан, 2022 – Шихан Х. Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы // Дискурс-Пи. 2022. № 19 (4). С. 10-29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Adams, 1931 – Adams W. The International Congress of the History of Science and Technology // History. 1931. Vol. 16. No. 63. Pp. 202-213.

Archeion, 1931 – Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale. 1931. Vol. 13.

Archeion, 1932 – Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale. 1932. Vol. 14.

Chilvers, 2003 – Chilvers C. The dilemmas of seditious men: the Crowther – Hessen correspondence in the 1930s // The British Journal for the History of Science. 2003. Vol. 36. No. 4. Pp. 417-435. <https://doi.org/10.1017/S0007087403005156>

Freudenthal, McLaughlin, 2009 – Freudenthal G., McLaughlin P. Classical Marxist historiography of science: the Hessen-Grossmann-thesis // The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution. Boston Studies in the Philosophy of Science / Eds. G. Freudenthal, P. McLaughlin. 2009. Vol. 278. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9604-4_1

Graham, 1985 – *Graham L. R.* The socio-political roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the history of science // *Social Studies of Science*. 1985. Vol. 15. No. 4. Pp. 705-722.

Greenwood, 1931 – *Greenwood T.* The International Congress of the History of Science and Technology // *Nature*. 1931. No. 128. Pp. 77-79. <https://doi.org/10.1038/128077a0>

Hall, 1975 – *Hall R. A. N.* Bukharin (Ed.). [1971]: Science at the Cross Roads. Papers Presented to the International Congress of the History of Science and Technology, 1931 by the Delegates of the USSR. L.: Frank Cass & Co. // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1975. Vol. 26. No. 3. Pp. 265-267.

Hessen, 2006 – *Hessen B.* Les Racines Sociales et é Conomiques des Principia de Newton: Une Rencontre entre Newton et Marx à Londres en 1931. Paris: Vuibert, 2006. 228 p.

Ienna, Rispoli, 2019 – *Ienna G., Rispoli G.* Boris Hessen at the crossroads of science and ideology from international circulation to the Soviet context // *Society and Politics*. 2019. No. 13. Pp. 37-63.

Kokowski, 2022 – *Kokowski M.* Boris Hessen (1893-1936), «Społeczne i ekonomiczne korzenie Principiów Newtona» i paradoksalna historia historiografii nauki // *Studia Historiae Scientiarum*. 2022. No. 21. S. 555-610. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.22.017.15983>

Koyre, 1965 – *Koyre A.* The significance of the Newtonian synthesis // *Newtonian Studies*. L.: Chapman & Hall, 1965. Pp. 3-24.

Mavin, 1931 – *Mavin F. S.* Science at the cross roads // *Nature*. 1931. No. 128. Pp. 170-171. <https://doi.org/10.1038/128170a0>

Merton, 1973 – *Merton R. K.* The paradigm of sociology of science // *Merton R. K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1973. Pp. 9-40.

Needham, 1978 – *Needham J.* Address to the opening session of the XV International Congress of the History of Science, Edinburgh, 11 August 1977 // *The British Journal for the History of Science*. 1978. No. 11. Pp. 103-113. <https://doi.org/10.1017/S0007087400016538>

Science at the cross roads, 1931 – Science at the cross roads. Papers presented to the International Congress of the History of Science and Technology held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the USSR. London: Kniga bush house, 1931. 235 p.

Sheehan, 2017 – *Sheehan H.* Marxism and the Philosophy of Science. A Critical History. The First Hundred Years. L.: Humanities Press, 2017. 456 p.

Singer, 1931 – *Singer Ch.* The beginnings of science // *Nature*. 1931. No. 128. Pp. 7-10. <https://doi.org/10.1038/128007a0>

Smith, 1911 – *Smith D. E.* The Second International Congress of the History of Science and Technology // *Science. New Series*. 1931. Vol. 74. No. 1911. Pp. 175-179.

The social and economic roots of the scientific revolution, 2009 – The social and economic roots of the scientific revolution: texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann / Freudenthal, G., McLaughlin, P. (Eds.). Dordrecht: Springer, 2009. 276 p.

Winkler, 2007 – *Winkler R.-L.* Ein unveröffentlichtes Manuskript von Boris Hessen: "Materialien und Dokumente zur Geschichte der Physik" (Druckfahnen, 1936, 700 Seiten, russ.) // *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietaät der Wissenschaften zu Berlin*. 2007. No. 92. S.133-172.

References

- Adams, W. (1931). International Congress on the History of Science and Technology. *History*, 16 (63), 202-213.
- Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale (1931). 13.
- Archeion: archivio di storia della scienza: periodico trimestrale: organo ufficiale dell'Istituto nazionale di storia delle scienze e del Gruppo per la tutela del patrimonio scientifico nazionale (1932). 14.
- Bukharin, N. I. (1971). *Science at the Crossroads. Papers presented at the International Congress on the History of Science and Technology, 1931. Delegates of the USSR*. Frank Cass & Co. Ltd.
- Bukharin, N. I., Kolman, E. Ya. (2020). Reports of N. I. Bukharin and I. Ya. Kolman at a meeting of the Presidium of the Communist Academy on August 1, 1931 on travel to the Second International Congress on the History of Science and Technology in London. In G. I. Smagina. *"To Know Science in French...": the Russian History of Science in the First Decade of the XX Century* (pp. 599-618). Rostock Publ. (In Russian)
- Chilvers, S. (2003). The dilemmas of the rebels: the Crowther – Hesse correspondence in the 1930s. *British Journal of the History of Science*, 36 (4), 417-435. <https://doi.org/10.1017/S0007087403005156>
- Freudenthal, G., McLaughlin, P. (Eds.). (2009). *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: texts by Boris Gessen and Henrik Grossman*. Springer.
- Freudenthal, G., McLaughlin, P. (2009). Classical Marxist historiography of science: the thesis of Hesse – Grossman. In G. Freudenthal, P. McLaughlin (Eds.). *Social and Economic Roots of the Scientific Revolution. Boston Studies in the Philosophy of Science*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9604-4_1
- Hall, R. A. (1975). N. Bukharin (Ed.). [1971]: Science at the crossroads. Papers presented at the International Congress on the History of Science and Technology, 1931 by delegates of the USSR. London: Frank Cass & Co. *British Journal of Philosophy of Science*, 26 (3), 265-267.
- Hesse, B. (2006). *Les Racines Sociales et e' Conomiquesdes Principia de Newton: Une Rencontre entre Newton et Marx a` Londres en 1931*. Vuibert.
- Hessen, B. M. (2020). Report of B. M. Hessen at a meeting of the Presidium of the Communist Academy on August 1, 1931 on travel to the Second International Congress on the History of Science in London. In G. I. Smagina. *"To Know Science in French...": the Russian History of Science in the First Decade of the XX Century* (pp. 595-599). Rostock Publ. (In Russian)
- Gorelik, G. E. (2018). Gessen's explanation and Needham's question, or how Marxism helped to ask an important question and prevented answering it. *Epistemology and Philosophy of Science*, 55 (3), 153-171. (In Russian)
- Graham, L. R. (1985). The socio-political roots of Boris Gessen: Soviet Marxism and the history of science. *Social Studies of Science*, 15 (4), 705-722.
- Graham, L. R. (1993). Socio-political context of B. M. Hessen's report on Newton. *Questions of the History of Natural Science and Technology*, 2, 19-31. (In Russian)
- Greenwood, T. (1931). International Congress on the History of Science and Technology. *Nature*, 128, 77-79. <https://doi.org/10.1038/128077a0>
- Ienna, G., Rispoli, G. (2019). Boris Gessen at the junction of science and ideology: from international appeal to the Soviet context. *Society and Politics*, 13, 37-63.

Kokowski, M. (2022). Boris Gessen (1893-1936), "The political and economic justification of Newton's principles" and the paradoxical history of the historiography of science. *Studia Historiae Scientiarum*, 21, 555-610. <https://doi.org/10.4467/2543702XSHS.22.017.15983>

Kolman, E. Ya. (2011). *We Shouldn't Have Lived Like This!* Chelovek Publ. (In Russian)

Koyré, A. (1965). The significance of Newtonian synthesis. In *Newtonian Studies* (pp. 3-24). Chapman & Hall.

Kupriyanov, V. A. (2023). The Second Congress on the History of Science and Technology, 1931 in the history of science of the first half of the XXth century. Part I. The birth and development of international congresses on the history of science. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4) (in print). (In Russian)

Mavin, F. S. (1931). Science at the crossroads. *Nature*, 128, 170-171. <https://doi.org/10.1038/128170a0>

Merton, R. K. (1973). Paradigm of sociology of science. In R. K. Merton. *Sociology of Science. Theoretical and Empirical Research* (pp. 9-40). University of Chicago Press.

Needham, J. (1978). Speech at the opening of the XV International Congress on the History of Science, Edinburgh, August 11, 1977. *British Journal of the History of Science*, 11, 103-113. <https://doi.org/10.1017/S0007087400016538>

Rubinstein, M. I. (2020). Report by M. I. Rubinstein at a meeting of the Presidium of the Communist Academy on August 1, 1931 on travel to the Second International Congress on the History of Science in London. In G. I. Smagina. *"To Know Science in French...": the Russian History of Science in the First Decade of the XX Century* (pp. 581-594). Rostock Publ. (In Russian)

Science at the Crossroads. Papers presented by delegates of the USSR at the International Congress on the History of Science and Technology, held in London from June 29 to July 3, 1931. Bush House Book.

Sheehan, H. (2017). *Marxism and Philosophy of Science. Critical History. The First Hundred Years.* Humanities Press.

Sheehan, H. (2022). Marx, science and new science: history and prospects. *Discourse-Pi*, 19 (4), 10-29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10 (In Russian)

Singer, Ch. (1931). Rudiments of science. *Nature*, 128, 7-10. <https://doi.org/10.1038/128007a0>

Smagina, G. I. (2020). *"To Know Science Historically...": the Russian History of Science in the First Decades of the XX Century.* Rostock Publ. (In Russian)

Smith, D. E. (1911). The Second International Congress on the History of Science and Technology. *Science. A New Series*, 74 (1911), 175-179.

Vavilov, N. I. (2020). N. I. Vavilov's report on participation in the Second International Congress on the History of Science and Technology in London. In G. I. Smagina. *"To Know Science in French...": the Russian History of Science in the First Decade of the XX Century* (pp. 620-623). Rostock Publ. (In Russian)

Winkler, R.-L. (2007). Ein unveröffentlichtes Manuskript von Boris Hessen: "Materialien und Dokumente zur Geschichte der Physik" (Druckfahnen, 1936, 700 Seiten, russ.). *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin*, 92, 133-172.

УДК 316.454.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-168-185

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЙ ПРОБЛЕМНЫЙ ФОН РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ 2022 Г.: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППОВЫХ ДИСКУССИЙ

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

Анализируя социологические данные, полученные в ходе проведения фокус-групповых бесед в трёх российских регионах (Нижегородской, Тюменской и Ростовской областях) в октябре-ноябре 2022 г., автор исследует актуальное психоэмоциональное состояние российского общества, а также наиболее остро воспринимаемый россиянами проблемный фон этого периода.

Социологические данные свидетельствовали о ключевом влиянии на социальные настроения россиян начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО) на Украине, а также объявленной в сентябре мобилизации: в настроениях многих информантов преобладали чувства неуверенности, страха и тревоги. Однако, несмотря на обеспокоенность и ощущение бессилья, многие участники фокус-групповых бесед поддерживали спецоперацию. Активнее других это делали пожилые мужчины, регулярно получающие новостную и аналитическую информацию из федеральных телеканалов. Но переживания по поводу нынешней ситуации в стране не сказались на общем одобрении респондентами направления государственного развития. Отмечая значительные успехи в развитии строительной отрасли, поддержке малого бизнеса и социальной политике государства, граждане были недовольны отсутствием экономической стабильности и коррупцией.

Хотя следствием поляризации мнений россиян об актуальной политике российских властей стало ослабление общественной консолидированности, сограждан объединил (особенно внутри их ближайшего круга – семьи, друзей, единомышленников) сформировавшийся после объявления мобилизации запрос на взаимопомощь и взаимную поддержку.

Ключевые слова: СВО, социальная консолидация, проблемный фон, фокус-группы

Цитирование: Бараш Р.Э. Психоэмоциональное состояние и актуальный проблемный фон российского общества в конце 2022 г.: по материалам фокус-групповых дискуссий // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 168-185. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-168-185

Рукопись получена: 15 октября 2023

Пересмотрена: 2 декабря 2023

Принята: 5 декабря 2023

PSYCHOLOGICAL AND EMOTIONAL STATUS AND ACTUAL PROBLEM BACKGROUND OF RUSSIA'S SOCIETY AT THE END OF 2022: THE FOCUS GROUP DISCUSSIONS CONCLUSIONS

Raisa E. Barash – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences. 24/35 bld. 5, Krzhizhanovskogo St., 117218 Moscow, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com

Analyzing sociological data from the focus group discussions that took place in the Nizhny Novgorod region, in the Tyumen and Rostov ones in October-November, 2022, the author investigates the current psychological and emotional status of the Russia's citizens, as well as the problems, that are mostly important for them.

Sociological data indicated, that the Special military operation (SVO) in Ukraine, started in February, 2022, as well as the mobilization, announced in September, had the key influence on the citizens' emotions: many informants felt by the end of the year uncertainty, fear and anxiety. However, despite their concern and feeling of impotence, many focus groups participants supported SVO, especially the old men who used to receive news and analytical information from the federal TV. Despite warring about the current situation, the respondents mostly supported the general vector of the state development. Although the opinion polarization about current Russian politics, many citizens were consolidated within their "closest circle" of family, friends, and like-minded people under the request for mutual help and mutual support.

Keywords: SVO, social consolidation, distressed background, focus groups

How to cite: Barash, R.E. (2023). Psychological and emotional status and actual problem background of Russia's society at the end of 2022: the focus group discussions conclusions. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 168-185. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-168-185 (In Russian)

Received: 15 October 2023

Revised: 2 December 2023

Accepted: 5 December 2023

2022 год стал для российского общества трудным испытанием. Едва пережив стресс пандемии COVID-19, ограничения привычного образа жизни, резкое падение уровня и качества жизни, граждане оказались в ситуации начала специальной военной операции (СВО) на Украине.

В период кризисов, как замечает В. Радаев, – будь то экономическая рецессия, пандемия или начало СВО, – в обществе усиливается поляризация мнений, однако люди стремятся приспособиться к возникшим трудностям (Радаев, 2023), в том числе психологически. Несмотря на намеренную стабилизацию руководством страны в 2022 г. политических смыслов и дискурсов в информационном пространстве (Байша, 2023), многие россияне сообщали о чувствах растерянности и тревоги (Бурикова, Джгамадзе, 2023), страхе бедности (Звоновский, Ходыкин, 2023), а социологические данные весны 2022 г. фиксировали рост симпатий консервативным идеям (Бараш, 2022б).

Методология исследования

С целью изучения психоэмоционального состояния россиян, проблемного фона российского общества в октябре-ноябре 2022 г. в трёх субъектах Российской Федерации: Нижегородской, Тюменской и Ростовской областях – были проведены фокус-групповые беседы, к участию в которых приглашались граждане РФ, постоянно проживающие на территории этих регионов в течение более трёх лет. В равной доле были представлены совершеннолетние мужчины и женщины, соблюдалась пропорция представленности среди участников фокус-групповых бесед горожан и жителей села. Число участников каждой фокус-группы составило 12 человек, всего в исследовании были задействованы 36 человек.

Психоэмоциональное состояние российского общества в конце 2022 г.

Центральным событием 2022 г., определившим эмоции россиян, их отношение к актуальной ситуации, стала начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция на Украине. Подавляющее большинство информантов не были готовы к решительным внешнеполитическим действиям российского руководства, хотя многие предполагали их. Начало СВО заставило россиян серьёзно задуматься о будущем, своём и страны, вызвало чувство неопределённости, неуверенности и тревоги.

- *Базовое чувство сегодня – «неизвестность». Непонятно, что происходит и что будет происходить. Особенно в последнее время в связи с мобилизацией не знаешь, будет ли она полная. Неизвестно, к чему готовиться? К худшему или к лучшему? (муж., 21 год, Тюменская область (далее – ТО));*
- *[Общество словно] бурлящий котёл, никуда не идёт, находится на перепутье... Если до этого как-то можно было увидеть движение, направление, предположить закономерности развития, то сейчас их нет, нет и никаких планов тоже. В понедельник не знаешь, что будет во вторник (муж., 47 лет, Тюменская область).*

Многими актуальная ситуация общей неопределённости, неуверенности в завтрашнем дне воспринималась как возвращение к состоянию «выученной беспомощности» периода пандемии COVID-19.

- *[Ощущается общая] нестабильность, жизнь как будто по спирали идёт. В принципе такова историческая линия [развития России]: взлёты и падения. Все ожидают, когда это устаканится. Хочется увидеть, что же будет дальше. Нестабильность началась в период пандемии, сейчас она нарастает, а люди просто ждут, что же будет дальше (жен., 22 года, ТО);*
- *[Сейчас] неизвестно, куда идёт вся эта ситуация. Такое чувство у меня с 2020 года. Тревожность сегодня естественна, к этому располагает обстановка в мире. Неизвестно, какой будет мобилизация, будет ли она полной. Эта неизвестность нагнетает тревогу и напряжение (жен., 23 года, ТО);*
- *Все устали, особенно от того, что нет стабильности: то пандемия, то спецоперации. Люди устали эмоционально, люди устали выживать. Очень тяжело (жен., 59 лет, Нижегородская область (далее – НО));*
- *За три года, если брать в ретроспективе, [в стране] произошёл рост и благосостояния, и позитива. Но в последние полгода по объективным причинам, связанным с Украиной, в настроениях людей утвердилась тревожность, а у некоторых – паника. Но и до этого, во время пандемии 2020-2021 гг., в обществе нарастала тревожность (муж., 32 года, ТО).*

Воспоминания о периоде пандемии всколыхнули во многих гражданах чувство недоверия государству, а также страх перед попытками бюрократического аппарата установить тотальный контроль над гражданами.

- *Сейчас общее ощущение контроля. Но и по поводу метафоры бурлящего котла и перепутья я тоже согласен. Больше всего беспокоит контроль – то, что государство пытается контролировать все сферы деятельности граждан (муж., 19 лет, ТО).*

Осенью 2022 г., после объявления властями о проведении мобилизации, переживания граждан по поводу СВО стали ещё острее, вызвав у многих из них чувства тревоги и страха.

- *У меня состояние тревожности, напряжения, тупика... Сильнее всего переживаю тревожность. Потому что я вчера видела, как в сельской местности люди уже провожали мобилизованных (жен., 23 года, ТО);*
- *Общее ощущение: тревога, мальчики, сыновья. Очень большое волнение (жен., 63 года, Ростовская область (далее – РО));*

- *Мальчики, военные действия, мобилизация (жен., 67 лет, РО);*
- *В обществе доминируют тревожные настроения... Причина не только во внешнеполитической ситуации, но и в том, что внутривнутриполитическая ситуация также достаточно шаткая. На протяжении последнего десятилетия в стране было проведено много важных реформ. И происходящее сейчас диссонирует с этими многолетними изменениями (жен., 31 год, РО);*
- *Страшно от того, что происходит сейчас (жен., 45 лет, НО);*
- *Люди остро чувствуют [происходящее]. У меня в близком окружении супруга и супруг находятся в постоянном напряжении по поводу украинской ситуации (муж., 32 года, ТО).*

Тревожность, ощущение неопределённости оказались созвучны с недовольством граждан социально-экономическими проблемами, продолжающимся падением доходов и ростом цен в стране. Многие информанты признавались в эмоциональной усталости, выгорании, депрессивных ощущениях.

- *Эмоциональное выгорание. Спецоперация – это страшно, потому что есть те, кто на Украине живёт, есть те, кто пошёл служить в российской армии (жен., 45 лет, НО);*
- *Подавленность. Сейчас просто хочется верить, что всё будет хорошо (жен., 42 года, ТО);*
- *[Общее тревожное состояние] стало следствием множества факторов: ухода из России многих компаний, проблем из-за коронавируса, невозможности получить медицинскую помощь. Сначала все силы были брошены на борьбу с коронавирусом. Сейчас ещё сильнее ухудшается социально-экономическая ситуация в стране, нет роста экономики, что отражается на зарплатах, пенсиях. А [цены на] продукты в продуктовой корзине растут. Людям очень тяжело (жен., 59 лет, НО).*

Неожиданное начало СВО и объявленная мобилизация породили в гражданах ощущение беспомощности и даже фаталистические настроения.

- *Душа каждого человека проходит свой жизненный путь, свои испытания. И всё, что сейчас происходит, наперёд запланировано (муж., 18 лет, НО).*

Хотя начало СВО и объявление мобилизации вызывали у большинства информантов тревогу и бессилье, некоторые участники фокус-групп говорили о начале СВО с воодушевлением, полностью поддерживая её начало.

- *У меня два пункта. Первый пункт – «направление правильное». И второй пункт – «спокойствие»... Я думаю, всё будет нормально (муж., 56 лет, ТО);*

- *Я горда за наше правительство и очень рада, что нашлись люди, которые начали в мире что-то менять. Не стали отсиживаться и ждать, пока ситуация сама утрясётся. Наше правительство и конкретно В.В. Путин заслуживают уважения за свой решительный шаг (жен., 42 года, РО);*
- *С тем, что происходит во внешней политике, я согласен. И даже испытываю гордость по этому поводу (муж., 21 год, РО).*

Как показал анализ социально-демографических характеристик информантов, в авангарде поддержки СВО находятся пожилые мужчины-пенсионеры, основным источником новостной и аналитической информации для которых является федеральное телевидение. У женщин и молодых мужчин СВО вызывала преимущественно чувство тревоги и неопределённости.

- *Сегодня, конечно, важна для всех россиян победа. Но также важно не дать нашему населению измучать, своих детей мы всё-таки родили для жизни, для счастливой жизни (жен., 67 лет, РО).*

Несмотря на эмоциональный шок большинства участников фокус-групповых бесед в связи с началом СВО и мобилизации, многие из них полагали, что граждане обязаны поддерживать своё государство и любые решения его руководителей.

- *Все мы граждане, все мы имеем российский паспорт, и самое худшее, что мы можем делать в сложной для страны ситуации – это высказываться негативно о своём государстве. Потому что, когда стране плохо, её лучше поддерживать, нежели топить дальше, это приведёт к худшему сценарию (муж., 21 год, РО).*

Сомнений в необходимости проведения спецоперации или в её целях информанты не озвучивали, называя причинами СВО необходимость защиты Россией своих геополитических интересов, а также традиционных ценностей – прежде всего семейных.

- *Сейчас мы являемся частью перестраивания Россией однополярного мира во главе с США. Я немного увлекаюсь геополитикой и могу объяснить, почему это правильно, и к чему это приведёт в дальнейшем. Да, сейчас тяжело, и тяжело будет, наверное, в ближайшие несколько десятков лет, многие не застанут момент, когда станет легче. Но альтернатива происходящему гораздо хуже и печальнее для нас, потому что заявления представителей НАТО о том, что у России должно остаться 17 регионов, меня как минимум настораживают (муж., 21 год, РО);*
- *Традиционные ценности – это в первую очередь ценности семьи, и в России это главная ценность. Мы за это на Украине и боремся сейчас. За нормальные семейные отношения, семейную этику... Мы должны доказать обществу, что надо ориентироваться на нашу собственную страну, в которой есть и хорошее, и плохое, и кораблестроение,*

и водка. Если раньше было противостояние на уровне партий, то сейчас, когда сравнилась позиция и ЛДПР, и КПРФ, и Единой России, наше общество должно понимать, что кампания на Украине ведётся ради того, чтобы мы спасли наше государство (муж., 58 лет, НО).

Хотя начало СВО и объявление мобилизации породили в обществе напряжённость и тревожные эмоции, общие ожидания граждан от будущего страны были сбалансированными и сдержанно положительными.

Общая оценка гражданами положения дел в стране

Рассуждая о положении дел в стране и направлении её развития, информанты в целом с надеждой и оптимизмом высказывались о будущем.

- *Сегодня очень много крутых инициатив делается для молодёжи – например, проекты, направленные на поддержание здоровья. Много проектов направлены на благоустройство территорий, социально значимых мест, парков, площадок. Несколько лет назад не было ничего подобного. Есть немало государственных инициатив, направленных на развитие бизнеса (жен., 31 год, НО);*

- *Ситуация в стране – это сочетание тенденций развития и деградации. Деградирует, например, система образования. С одной стороны, школьный курс дисциплин по многим предметам содержит много лишней информации. С другой стороны, историю страны мои ровесники и люди младше меня знают плохо. Одновременно развивается промышленное производство. Из-за санкций промышленность начинает развиваться в том направлении, в котором она раньше не развивалась. Всё происходит постепенно, трудно и тяжело, но рано или поздно мы достигнем успеха (муж., 18 лет, НО).*

В числе положительных моментов развития России на современном этапе информанты называли попытки руководства страны поддержать развитие строительной отрасли и субсидирование малого бизнеса. Причём многие информанты об активной поддержке этих сфер экономики говорили на основании собственного жизненного опыта, как участники ипотечных программ или как самозанятые.

А вот заявления информантов о развитии национальной промышленности носили преимущественно декларативный характер, не были подкреплены конкретной информацией об открытии либо реновации промышленных предприятий в регионах их проживания.

- *Страна и в частности мой регион развивается очень хорошо. Если сравнивать с тем, что было 10 лет назад, сегодня область расстроилась, объективно развивается жи-*

личное строительство. Гражданам выделяют много средств, оказывают материальную помощь. Я, как самозанятый, открыла своё дело, получила стартовый капитал на открытие. Точно знаю, что активно развивается ИТ-сфера (жен., 27 лет, НО).

Многие участники фокус-групповых бесед с одобрением отзывались о реализуемой российским государством политике поддержки социально не защищённых групп населения, целевом субсидировании пенсионеров, многодетных семей, инвалидов, одиноких матерей, развитой программе выплат социальных пособий и корзин помощи.

- *Государство даёт материнский капитал, льготную ипотеку (жен., 27 лет, НО);*
- *Сегодня существует немало проектов, направленных на повышение благосостояния людей, это соцвыплаты, ипотечные программы (жен., 31 год, НО).*

Главной причиной недовольства граждан ситуацией в стране информанты назвали отсутствие экономической стабильности.

- *Мне не нравится постоянный рост цен. Если говорить о нашей области, не нравится абсолютно неадекватное соотношение заработной платы и стоимости недвижимости, непомерно высокие налоги на неё в Нижегородской области. Зарплата в Москве, наверное, будет больше, чем в Нижнем Новгороде, а стоимость продуктов точно такая же. Единственное – транспорт в Москве дороже. А в целом для граждан постоянный рост цен означает отсутствие уверенности в завтрашнем дне и гарантий благополучия (жен., 31 год, НО).*

Недовольство ситуацией в стране также связано с крайне медленными темпами экономических и индустриальных преобразований в стране. Но о низких темпах экономического развития граждане говорили скорее с надеждой, чем с претензией, пытаясь найти положительные аспекты в самом факте развития тех или иных отраслей экономики. Симптоматично, что, оценивая общий вектор развития страны, информанты рассматривали совокупные достижения последних двадцати лет, отсчитывая хронологическую черту начала «новой России» от вступления на пост президента В.В. Путина и противопоставляя этот период собственным представлениям о «депрессивных» 1990-х гг.

- *Я недовольна тем, что всё развивается очень медленно (жен., 27 лет, НО).*

Неспешное социально-экономическое развитие участники опроса объясняли несколько наивно, связывая, в частности, низкие темпы социально-экономических преобразований в стране с её территориальной протяжённостью, большими размерами.

- *Проблема в том, что страна большая, и поэтому медленно развивается (жен., 27 лет, НО);*

- Страна в целом развивается, но из-за своих размеров развивается медленно. По сравнению с тем, что было в 1990-е гг., позитивных изменений очень много (жен., 45 лет, НО);
- Страна, несомненно, идёт вперёд. Проблема нашей страны в её размерах: царь в одной стороне, граждане – совсем в другой. Столица в Москве, а воруют на Дальнем Востоке. География – это судьба страны, поэтому развитие идёт очень медленно. Но хотя это развитие медленное, оно идёт во всех областях (муж., 58 лет, НО).

Несмотря на социально-экономические проблемы и непростое эмоционально-психологическое состояние, участники фокус-групповых бесед старались сохранять оптимизм, находя мотивацию к этому в своей частной жизни и постоянном саморазвитии.

- Меня окружают люди, которые стремятся к постоянному развитию: кто-то учится, кто-то старается добиться высокого профессионального уровня. Все в моем окружении стремятся к оптимизму, пытаются быть «на позитиве» (муж., 21 год, ТО);
- Несмотря на тревожность, что-то позитивное всё-таки остаётся в жизни людей. Мои знакомые, несмотря на обстоятельства, постоянно к чему-то стремятся, учатся, развиваются. И на фоне тревоги желание людей что-то делать, чего-то достигать даже усилилось. Людям необходимо найти точку опоры, за которую они смогут держаться и пройти нынешний «неровный участок дороги» (жен., 22 года, НО).

Несмотря на участие в СВО знакомых и родственников некоторых информантов, а также вероятность мобилизации подлежащих воинскому призыву участников фокус-групп, наиболее значимыми для России угрозами большинство называли внутренние, а не внешние факторы. Внешнюю угрозу суверенитету страны многие информанты называли переоценённой, называя ядерный потенциал России достаточным аргументом её невовлечения в международный конфликт.

- Считаю внешней угрозой абсолютно надуманной. В страну, обладающую ядерным оружием, никто не сунется. С 1945 г. на СССР не было ни одного нападения. НАТО – это оборонительный блок, аналог того, чем была Организация Варшавского договора. НАТО и создавалось как противовес ОВД, существовали два блока, никто ни на кого не нападал, был паритет. Он есть и сейчас, и это ядерный паритет (муж., 64 года, РО).

Наиболее беспокоящим внутренним фактором дестабилизации национальной безопасности информанты называли коррупцию.

- Основная угроза стабильности находится внутри страны. Это коррупция (муж., 18 лет, НО).

Внутренней угрозой национальной безопасности информанты также называли опасность разрушения вертикали власти, утрату

нынешним руководством контроля над политической системой. Однако ни централизация власти в стране, ни отсутствие системы политической конкуренции непосредственно не беспокоили информантов.

- *[Опасаясь] разрушения власти. У хорошей страны хороший правитель. Есть риск, что в России будет плохой правитель, и тогда мы будем жить плохо (жен., 27 лет, НО);*
- *Мой страх, что Владимир Владимирович уже не молодой, и, если он уйдёт с политической арены, [начнётся дестабилизация] (жен., 42 года, РО).*

К внутренним факторам дестабилизации ситуации в стране некоторые информанты причисляли «неблагонадёжных», на их взгляд, сограждан, способных своими действиями или установками подорвать национальную безопасность. Под влиянием соответствующей медийной повестки под «неблагонадёжными» гражданами информанты подразумевали лиц, признанных иностранными агентами или находящихся под деструктивным влиянием зарубежных сил.

- *Внутренняя угроза страшнее. Каждый гражданин потенциально является риском для своей страны. От того, что каждый из нас думает, зависит, как мы будем жить. Либо мы будем действовать сообща, либо будет бардак. Если от внешней угрозы можно защититься, от внутренней угрозы защититься сложнее (жен., 45 лет, НО);*
- *[Опасаясь] внутренних [угроз]. Любые внешние угрозы используют внутренние недостатки страны и общества... Если есть «потерянные» люди, которые не чувствуют корней, не чувствуют общности, внешние силы могут их использовать для дестабилизации. Эти люди не извне «десантируются» на территорию России, они живут в стране, но по тем или иным причинам (по каким – это отдельный большой разговор), они ощущают себя потерянными, не чувствуют себя частью страны, общества. Поэтому любая первопричина дестабилизации находится внутри страны, а внешние силы – неважно: политические, экономические и т. д. – могут эту слабость использовать (муж., 32 года, ТО);*
- *И внешние, и внутренние угрозы равно опасны. Но внутренние угрозы меня беспокоят больше – например, безвольная позиция многих людей, которые со всем соглашаются, не принимают участия в жизни страны, не пытаются отстаивать свои права, чтобы изменить жизнь общества к лучшему (жен., 31 год, НО);*
- *Каждый человек может быть угрозой. И внутри страны у нас тоже фронт, на котором мы должны вести войну ради нашей страны (муж., 58 лет, НО).*

Консолидированность российского общества

Социологические данные 2021 г. фиксировали сплочённость россиян внутри их ближайшего круга: в семье, среди друзей и коллег, а также желание помогать самым близким под влиянием пандемии COVID-19 и карантинных ограничений (Бараш, 2022а). При этом стремление к системной социальной солидарности было не особенно высоким.

В 2022 г. многие информанты указывали, что после начала СВО и объявления мобилизации в их окружении выросла раздражительность и конфликтность. Разобщённости способствовала поляризация мнений по политическим вопросам, особенно среди самых близких людей.

- *В последний год нарастала тревожность и деление людей на группы. Когда люди придерживаются разных мнений, между ними меньше взаимодействия и взаимопонимания. Многие сегодня даже не пытаются понимать друг друга, кто-то конфликтует, а кто-то абстрагируется от окружающих (муж., 19 лет, ТО);*
- *За последние полгода после начала СВО люди в моём окружении заняли чёткую позицию за или против, и представители этих «лагерей» просто перестали друг с другом общаться. В том числе самые близкие друг другу люди: брат и сестра, родители и дети. И это не негативная реакция на отличающееся мнение, но его тотальное отрицание (муж., 32 года, ТО);*
- *У нас конфликтная ситуация на учёбе. Кто-то из преподавателей поддерживает нашу позицию, кто-то считает совсем иначе. И очень сложно учиться в такой атмосфере (муж., 21 год, ТО).*

Тревожность и «выученная беспомощность» многих людей сделали их нечувствительными к эмоциям окружающих, заставили замкнуться, сосредоточиться на собственном выживании, ослабили эмпатию.

- *Люди стали черствее. В последнее время происходит много печальных и страшных событий, и чтобы сохранить себя, отрешиться от негатива, от плохих новостей, люди теряют чувствительность. Мы видим, например, в новостях, что где-то погибли люди, где-то был артобстрел. И человек думает, что, если это произошло не у соседей, не на соседней улице, не у меня, зачем я буду из-за этого переживать? То, что раньше вызвало бы бурю эмоций, сейчас, буквально в последние год-два, после пандемии и начала СВО, уже не вызывает таких эмоций, мы становимся черствее, замыкаемся, чтобы сохранить себя. Это буквально инстинкт самосохранения (муж., 47 лет, ТО).*

Если сторонники и противники вакцинации в 2020-2021 гг. вынужденно, но взаимодействовали, вместе переживая пандемию и

сопутствующие ограничения, то отношение к СВО, как отмечали участники фокус-групповых дискуссий, буквально развело в разные стороны некогда близких людей.

- *Я вижу в своём кругу общения два непримиримых лагеря, внутри которых люди буквально «сцементировались», максимально объединились. Первый лагерь – это «всё пропало, пора валить», второй лагерь – это «ребята, живы будем, не помрём, всё нормально, призовут – поедем». И людей внутри этих лагерей беспокоят противоположные проблемы: одни обсуждают, как быстрее уехать, другие – как купить телогрейку, спальник. Внутри этих лагерей я вижу усиливающуюся консолидацию, но между ними дикая пропасть. Одни других даже слушать не хотят (муж., 32 года, ТО);*
- *Вокруг меня люди объединились в две группы на основании своего отношения к СВО (жен., 59 лет, НО).*

Эмиграция сограждан в этой ситуации воспринимается информантами с сожалением и даже с грустью из-за их решения покинуть Родину.

- *Мы сейчас живём в очень страшное время, но скоро проснётся национальное коллективное сознание, и все поддержат нашу страну. Буквально вчера знакомый показал мне группу в Telegram'e: «Куда уехать из страны», на которую подписаны 35 тысяч человек, а 13 тысяч обсуждают, куда уехать из страны. Люди раскупают билеты в Ереван, в Тбилиси, в Баку, в Казахстан, уезжают, но толком не понимают, что они будут делать за рубежом (жен., 31 год, РО);*
- *Те, кто не согласен с политикой нашей страны, страну нашу покинули. И в стране остались либо согласные, либо аполитичные люди (муж., 21 год, РО);*
- *Зачем, почему ты бежишь? Неужели ты думаешь, что тебя кто-то ждёт в чужой стране? (муж., 32 года, ТО).*

Запрос на взаимопомощь и поддержку, по признанию информантов, стал особенно актуален после объявленной мобилизации. Страх перед последней объединил людей сильнее, чем общий враг. Если в 2021 г. участники фокус-групп предполагали, что сплотить российское общество может сопротивление граждан общему врагу (Бараш, 2022б), то данные 2022 г. продемонстрировали, что военная угроза спровоцировала скорее страх и тревожность.

- *После мобилизации... люди объединились... многим было очень страшно, очень тревожно. Люди делились переживаниями, поддерживали друг друга, пытались друг друга успокоить и поддержать. В течение нескольких дней [после объявления мобилизации] я видела вокруг много поддержки и сопереживания (жен., 22 года, ТО).*

Но рассчитывают информанты на реальную поддержку и помощь со стороны своего ближнего круга, прежде всего семьи.

- *Поддержки можно дожидаться только от близких. Раньше друг мог бы прийти на помощь, но сейчас товарищеские отношения строятся на принципе выгоды: ты помоги мне, а я – тебе. Раньше помощь шла от души, сейчас на взаимовыгодных условиях (муж., 18 лет, НО);*
- *Конечно, хочется поддержать, других. Но в первую очередь нужно помогать семье, родным (жен., 42 года, ТО);*
- *Поддержка [оказывается] чаще всего в семье и проявляется в совместных действиях: вместе идём гулять или едем на дачу бабушке с дедушкой помогать. Недавно мы с ребятами сажали деревья, особенно младшим это нравится (муж., 47 лет, РО);*
- *Могу сказать, что есть соседская взаимопомощь. Иногда помогают даже незнакомые люди. Например, была бытовая ситуация: зимой «сел на снег», рядом была шиномонтажка, подошёл, попросил помощи, вышли четыре мужика, и мы все вместе вытолкнули машину из снега (муж., 47 лет, ТО).*

Многие информанты говорили, что рассчитывают на помощь со стороны единомышленников и коллег.

- *Я общаюсь с людьми, которые всегда готовы помочь. Это, к примеру, мои коллеги по учёбе, наша небольшая учебная группа. Если преподаватели просят группу выручить коллегу, мы обязательно помогаем (муж., 21 год, ТО);*
- *Мы тесно взаимодействуем с соседями. В деревне есть речка и она обросла деревьями. Хазрат Амир собирает людей, и мы все вместе речку очищаем. Часто мы и праздники организуем (жен., 42 года, ТО).*

Информанты во всех регионах проведения фокус-групповых бесед указывали на сильный консолидационный потенциал солидарных действий, направленных на заботу о месте своего проживания и улучшение качества жизни в своём городе, посёлке или районе.

- *В районе, в котором я живу, есть берёзовая роща. Люди разбрасывают там бутылки, бьют стекла, мусорят. И в прошлом году жители нашего района вышли большим коллективом на уборку этой рощи. Или другой пример солидарности – в этом году я проходил практику по учёбе и попросил своего куратора найти мне организацию, где я смогу пройти практику. В организации, в которой я проходил практику, были совершенно незнакомые мне люди, но все были ко мне добры, старались проявлять отзывчивость (муж., 21 год, ТО);*
- *Если вы вдруг поедете на север из Тюмени, в Сургут, в Нефтеюганск и т. д., не дай Бог, вдруг сломается машина, 10 из 10 проезжающих мимо водителей остановятся и предложат свою помощь. Не потому, что местные жители настроены особенно коллективистски, а потому, что по-*

другому человек в тех суровых краях не выживет. И все это прекрасно понимают. Чем богаче человек, тем у него больше страха за своё имущество, тем больше у него подозрений, что кто-то на его имущество позарится, поэтому он будет закрытее. Поэтому коллективизма, на мой взгляд, больше в нашей [Тюменской] области, чем в других регионах. В первую очередь по природным, естественным, причинам (муж., 21 год, ТО);

- Коллективные действия для нашего региона [Нижегородской области] очень характерны. Регулярно проводится фестиваль «Рок чистой воды», а на следующий день в месте проведения волонтеры собирают мусор, очищают Гребной канал. И, если несколько лет назад вообще никто не задумывался о необходимости заботы о территории проживания, то сейчас локальный активизм активно развивается (жен., 45 лет, НО);

- Я вижу коллективизм среди жителей больших городов, особенно Нижнего Новгорода. (жен., 27 лет, НО);

- Когда случается беда, народ у нас действительно объединяется. А хотелось бы, чтобы объединение было и постоянным (жен., 59 лет, НО).

Многие информанты ностальгировали по коллективизму советского общества, противопоставляя его современной аномии. Советский коллективизм информанты связывали с равенством (прежде всего имущественным) всех советских граждан, с одинаково скромной и трудной жизнью, которую облегчала взаимопомощь. Но современное российское общество устроено гораздо сложнее, чем советское, и в ситуации серьезного имущественного неравенства россиян у них очень разные возможности, а соответственно, жизненные цели и проблемы. Современное российское общество слишком многосоставное, чтобы объединиться ради единой цели.

- Я, живя в сельской местности, часто думаю о том коллективизме, который был раньше. Да, он, конечно, был силен. Но сейчас в той же самой деревне живут те же самые люди, что и 20 лет назад. И непонятно, куда из этих людей «испарился» тот самый коллективизм. Молодёжь я не беру в расчёт, молодые люди друг другу чуть ли не враги. Даже те соседи, которые 20 лет назад картошку вместе сажали, они сейчас не очень-то и дружны, потому что современное общество очень разобщено. В первую очередь из-за финансового, имущественного неравенства: у кого-то появилось больше денег, у кого-то меньше, и нет уже духа коллективизма (жен., 31 год, ТО).

Многие информанты указывали на своё деятельное желание преодолеть отчуждение или разделённость в собственной семье, реализуемое прежде всего через сознательно уважительное и толерантное отношение к чужой позиции.

• *Это и в моей семье происходило... Мой отец продвигал определённую позицию, противоположную моей. И я ему объяснял, что всё далеко не так однозначно, как он заявляет или сообщает тот источник информации, на который он ссылается. Я не продвигал определённой позиции, а говорил лишь о том, что нет и не может быть однозначной трактовки события или проблемы. Отец упорно меня не слушал, мы конфликтовали. Но в последние пару месяцев мы не конфликтуем, просто стараемся не обсуждать «опасные темы», чтобы сохранить наше общение (муж., 19 лет, ТО).*

Информанты подчёркивали необходимость признания права каждого человека на собственное мнение и точку зрения, каким бы оно ни было.

• *Сейчас люди буквально разошлись по разные стороны баррикад, «окуклились» в идейно противоположные лагеря либо за, либо против. И, наверное, действительно, не стоит всех «под одну гребёнку грести», требовать от всех одинакового мнения. Нужно пытаться воздерживаться от вовлечения в провокации, когда, «купившись» на некоторое яблоко раздора, люди спорят и разъединяются (муж., 32 года, ТО).*

В неспособности россиян к конструктивной самоорганизации некоторые информанты даже видели «руку власти», сопротивляющейся низовой самоорганизации и гражданскому активизму граждан.

• *Коллективизм – это способ государства управлять обществом. Государство может коллективизм разжечь, поддерживать инициативы граждан и их объединение для каких-то целей. Но также государство может коллективизм и потушить. Мне кажется, государство даже может поддерживать противоборствующие идейные лагеря, чтобы в людях не было сплочённости. Не секрет, что сегодня многие граждане не довольны политикой государства, хотя бы политических изменений. И чтобы предотвратить самоорганизацию граждан, создание движений, выступающих за политические изменения, государство, если рассуждать чисто гипотетически, может поддерживать социальную или идеологическую разобщённость граждан. В итоге люди становятся по разные стороны баррикад, нет сплочённости – нет и угрозы для государства (муж., 18 лет, РО).*

Участники фокус-групповых дискуссий замечали, что представители разных поколений по-разному относятся к взаимопомощи и солидарному действию. В отличие от старших поколений, которые информантам кажутся более отзывчивыми и участливыми, молодёжь дискуссионты считали более индивидуалистичной.

• *Старшие поколения больше откликаются на просьбы окружающих, а те, кто помоложе, индивидуалистичны, сразу же задумываются: «А что мне это даст? А зачем*

мне это делать? Вот я на 5 минут переработал, посчитайте мне, пожалуйста, оплатите». Этих людей нельзя обвинять или хвалить, они оказались под влиянием другого времени, других правил. Сейчас установился другой порядок, появились новые правила (муж., 47 лет, ТО);

- Можно говорить о разрыве в установках представителей различных поколений, представления о помощи и участии у россиян разных возрастов не совпадают (муж., 47 лет, ТО);*

- Мне кажется, у поколения 30-40-летних есть тяга к индивидуальности, а также к рационализации своих действий, они постоянно задаются вопросом: «Зачем мне это делать, для чего?». Лично я это связываю с периодом 1990-х гг., когда общественная мораль формировалась специфическими сериалами «Криминальная Россия», «Бандитский Петербург», «Бригада» и т. д., и дети ориентировались на то, что нужно в первую очередь зарабатывать деньги и из всего извлекать выгоду. Самые молодые люди, только окончившие школу, более добрые и отзывчивые, чем те, кто вырос в 1990-е гг. Но старшее поколение всё равно более доброе и отзывчивое, чем молодёжь (муж., 32 года, ТО).*

В ходе дискуссий информанты говорили о нарастающей включённости россиян в сети взаимопомощи. Эта взаимопомощь, однако, не всеобъемлюща, но реализуется в рамках групп интересов: среди соседей, единомышленников, соратников.

- Общество делится по интересам. Представители этих групп поддерживают друг друга (жен., 22 года, ТО).*

- Степень единения зависит от того, как устроена организация: по интересам или стихийно, это малая или большая группа, насколько регулярно взаимодействуют участники (муж., 47 лет, ТО).*

Основные выводы, полученные в ходе реализации исследовательских мероприятий

На социальные настроения жителей Нижегородской, Тюменской и Ростовской областей в 2022 г. ключевым образом повлияла начавшаяся в феврале спецоперация на Украине, а также объявленная в сентябре мобилизация. Большинство информантов признавались в чувствах неуверенности, страха и тревоги.

Несмотря на обеспокоенность и ощущение бессилия, многие участники фокус-групповых бесед поддерживали спецоперацию. Более других – пожилые мужчины, основным источником новостной и аналитической информации которых являлось федеральное телевидение. В целом чувство тревоги по поводу актуальной ситуации не повлекло скепсиса в оценках информантами общего направления развития страны. Участники фокус-групповых дискуссий в целом одобряли общую стратегию развития страны, отме-

чая значительные успехи в развитии строительной отрасли, поддержки малого бизнеса и социальной политики государства. Недовольство граждан было связано с отсутствием экономической стабильности и распространением коррупции.

Респонденты замечали, что следствием напряжённости 2021-2022 гг. стала растущая в их окружении раздражительность, конфликтность. Поляризация общества, в том числе и близких людей, коллег, друзей, родственников, по-разному относящихся к актуальной политике российских властей, заметно ослабила общественную консолидированность. Вместе с тем сограждан очень объединил (особенно внутри их ближайшего круга семьи, друзей, единомышленников) сформировавшийся после объявления мобилизации запрос на взаимопомощь и взаимную поддержку.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бараш, 2022а – *Бараш Р.Э.* Коронавирус в контексте российской повседневности. Опыт фокус-групповых бесед // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 109-139. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139>

Бараш, 2022б – *Бараш Р.Э.* Российское общество 2020-х гг.: попытка идейного самоопределения // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2S. С. 88-102. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.818>; EDN: DVMJBE

Байша, 2023 – *Байша О.А.* СВО и закрытие дискурсов: вытеснение альтернативных смыслов и фиксация гегемонистских значений // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (дата обращения: 15.10.2023).

Бурикова, Джгамадзе, 2023 – *Бурикова И.С., Джгамадзе К.Б.* Социально-психологическая адаптация к глобальной турбулентности: от тревоги к рутине // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (дата обращения: 15.10.2023).

Звоновский, Ходыкин, 2023 – *Звоновский, В.Б., Ходыкин А.В.* Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 3-29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>

Радеев, 2023 – Радеев В.В. Реальность повседневной жизни: социально-экономические практики российского населения после начала СВО // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (дата обращения: 15.10.2023).

References

Baisha, O.A. (2023). SVO and the closure of discourses: the displacement of alternative meanings and the fixation of hegemonic meanings. *Sociodigger*, 4, 9 (28). Retrieved October 15, 2023, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (In Russian)

Barash, R. E. (2022a). COVID-19 in the context of the Russia's citizens' everyday life. Some conclusions of the focus group discussions. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4), 109-139, <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139>. (In Russian)

Barash, R. E. (2022b). Russian society in the 2020s: an attempt at ideological self-determination. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13 (2), 88-102, <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.818>; EDN: DVMJBE. (In Russian)

Burikova, I. S., Jgamadze, K. B. (2023). Socio-psychological adaptation to global turbulence: from anxiety to routine. *Sociodigger*, 4, 9 (28). Retrieved October 15, 2023, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (In Russian)

Radaev, V. V. (2023). The reality of everyday life: socio-economic practices of the Russian population after the beginning of SVO. *Sociodigger*, 4, 9 (28). Retrieved October 15, 2023, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/realnost-povsednevnoi-zhizni-socialno-ehkonomicheskie-praktiki-rossiiskogo-naselenija-posle-nachala-svo> (In Russian)

Zvonovsky, V. B., Khodykin, A. V. (2023). Perception of economic changes during the special military operation in Russian public opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4 (176), 3-29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372> (In Russian)

УДК 316.4

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-186-196

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЛИДАРИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Наталья Николаевна Седова – старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН). Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5;
e-mail: nnsedova@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-8492-7847

В статье приводится анализ групповых, коллективистских ценностей российской молодёжи как предпосылок её возможной солидаризации и коллективных действий. Статья опирается на результаты социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН и других исследовательских центров, а также научных публикаций 2015-2021 гг., посвящённых ценностным ориентациям современной молодёжи. Анализ отталкивается от идеи изучения отношения российского общества к переменам, сформулированной В.В. Петуховым, и его выводов о росте установок на перемены в обществе в целом и среди молодёжи в частности, о запросе значительной части молодёжи на прозападный курс развития страны, минимизацию роли государства в экономике. Проведённый автором анализ материалов свидетельствует об усилении в молодёжной среде значимости ценностей индивидуализма, восприятии коллективизма и коллективного действия как инструмента достижения личных целей. Подчёркивается снижение уровня межличностного и институционального доверия, а также нарастание среди молодёжи ощущения бессубъектности, что понижает потенциал солидарных действий и актуализирует их неполитическую повестку, безопасные и бесконфликтные форматы. Ставится вопрос о возможностях позитивных сценариев солидаризации молодёжи. Делается вывод о необходимости новых оснований, которые соответствовали бы ценностным установкам молодёжи и возможностям их реализации в новых обстоятельствах, условий для иных жизненных стратегий молодёжи и поддержания у представителей этой группы чувства жизненной перспективы.

Ключевые слова: молодёжь, ценности, ценностные установки, индивидуализм, коллективизм, солидарность, коллективные действия, гражданское участие, гражданская активность

Цитирование: Седова Н.Н. Перспективы солидаризации и коллективных действий в контексте развития ценностных установок российской молодёжи // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 186-196.
DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-186-196

Рукопись получена: 1 ноября 2023

Пересмотрена: 27 ноября 2023

Принята: 30 ноября 2023

PROSPECTS FOR SOLIDARITY AND COLLECTIVE ACTION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF VALUE ATTITUDES OF RUSSIAN YOUTH

Natalia N. Sedova – Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 24/35, bldg. 5 Krzhizhanovskogo St., 117218 Moscow, Russian Federation; e-mail: nnsedova@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-8492-7847

The article analyzes group, collectivist values of Russian youth as prerequisites for its potential solidarization and collective actions. The article is based on the results of sociological researches of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS and other research centers, as well as scientific publications of 2015-2021 on the value orientations of modern youth. The analysis proceeds from the idea of studying the attitude of Russian society to change laid down by V.V. Petukhov. He wrote about the increasing demand for changes in society as a whole and especially among young people, about the request of a significant part of youth for a pro-Western course of development of the country, minimization of the role of the state in the economy. The analysis of the materials conducted by the author testifies to the strengthening of the significance of individualistic values in the youth environment, to the perception of collectivism and collective action as a tool for achieving personal goals. It emphasizes the decrease in the level of interpersonal and institutional trust, as well as the growing senses of non-subjectivity among young people, which reduce the potential for solidarity actions and actualize their non-political agenda, safe and conflict-free formats. There is raised a question about possibilities for positive scenarios of youth solidarization. The conclusion is made about the need for new foundations that would correspond to the values of young people and the possibilities for their implementation in the new realities, for the conditions for new life strategies for young people and for maintaining a sense of life perspective in the new realities among them.

Keywords: youth, values, worldview, individualism, collectivism, solidarity, solidarization, collective actions, protest, subjectivity, conflicts, civic participation, civic engagement, the West, crisis, changes, trust, communications

How to cite: Sedova, N.N. (2023). Prospects for solidarity and collective action in the context of the development of value attitudes of Russian youth. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 186-196. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-186-196 (In Russian)

Received: 1 November 2023

Revised: 27 November 2023

Accepted: 30 November 2023

Владимир Васильевич Петухов с большим профессиональным интересом и человеческой теплотой относился к молодёжи, ценил её открытость миру, всему новому, живость и энтузиазм. Научный интерес для него представляли исследования ценностей и настроений молодёжи, её жизненных стратегий и видения будущего, мотивов и проявлений социальной и гражданской активности, субъектности группы. В 2020 г. в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» вышла его статья, посвящённая российской молодёжи и её роли в трансформации общества (Петухов, 2020). В ней Владимир Васильевич высказал несколько идей, очень важных для понимания того, как и почему молодёжь реагирует на сегодняшние драматические изменения в социально-политической и экономической ситуации в России и мире, какие есть уязвимые, болевые точки для динамики умонастроений группы.

Изучая динамику общественных настроений, в качестве одного из важнейших трендов В. Петухов отмечал растущий запрос общества на перемены, который особенно был выражен именно среди молодёжи. По данным исследований Института социологии, на которые он опирался в своём анализе, доля населения, нацеленного на перемены в стране, с середины 2010-х к 2019 г. выросла с 30-31 до 57 %. За этот же период доля молодёжи с аналогичными установками выросла с 36-39 до 75 % (Петухов, 2020, с. 124). Анализируя динамику запроса россиян на перемены в стране в более долгосрочной ретроспективе (2006-2023 гг.), можно сделать вывод о в целом волнообразном характере динамики запроса населения на перемены, когда периоды его роста сменяются периодами роста противоположного запроса – на стабильность. Так, пик запроса на перемены 2019 г. ознаменовал собой очередную смену тренда и дальнейшее снижение доли россиян, высказывающихся за перемены в стране, вплоть до минимального за весь период наблюдений значения (38 % в 2023 г.). На протяжении всего периода наблюдений с 2008 г. молодёжь действительно отличалась повышенным запросом на перемены по сравнению с населением в целом. Но наиболее велик этот отрыв был не в периоды, когда ситуация в обществе менялась и новая тенденция начинала развиваться, а когда тот или иной тренд (на стабильность или на перемены) уже находился в активной фазе развития, подходил к своему пику, незадолго до слома вектора (рис. 1). Иначе говоря, молодёжь в данном случае скорее встраивается в общий актуальный тренд на перемены или на стабильность, который уже существует, проявлен и развивается в обществе, скорее подхватывает, нежели задаёт тренд.

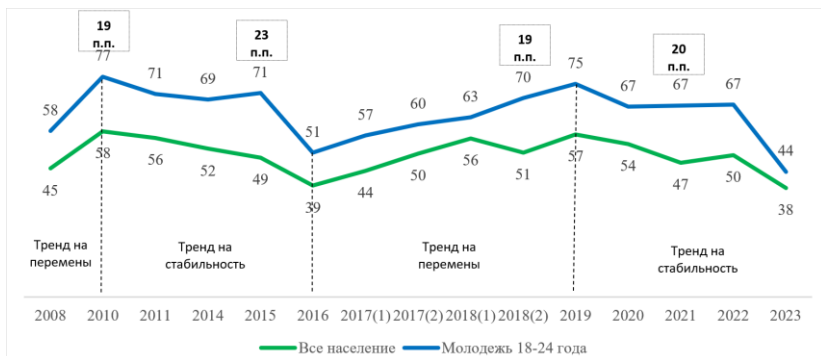

Рис. 1. Динамика запроса на перемены среди молодёжи 18-24 лет и населения в целом (суждение «Страна нуждается в существенных переменах»); ИС ФНИСЦ РАН, 2008-2023 гг., %. Дополнительно приведены величины максимальных разрывов показателей между молодёжью и населением в целом, п.п.

Характеризуя запрос молодёжи на перемены, В. Петухов обозначил в качестве справедливого вывод Д. Руденкина о том, что стремление молодёжи к преобразованиям обусловлено главным образом разрывом между ценностями и текущим общественным устройством. Он процитировал: «Если идеальному обществу молодёжь оказалась склонна приписывать такие ценности, как справедливость, честность, закон, то в российском социуме она стабильно видит примат силы, личного успеха, денег и иных индивидуалистических ценностей» (Руденкин, 2019, с.5 [цит. по: Петухов, 2020, 125]). Справедливости ради отметим, что исследования свидетельствуют – сама молодёжь разделяет индивидуалистические ценности ощутимо чаще, чем старшее поколение, мы это проиллюстрируем далее. Здесь же для нас важно подчеркнуть разрыв в восприятии молодёжью образа идеального и реального общественного устройства как основание для запроса на перемены.

В продолжение этой мысли В. Петухов, опираясь на данные исследования 2018 г., подчёркивал, что видение молодёжью будущего страны связано с более высокой оценкой идей демократии, прав человека и свободы самовыражения, сближения с Западом, свободного рынка и минимизации вмешательства государства в экономику (особенно в самых молодых группах и по сравнению с представлениями старшего поколения). И, напротив, в желаемом будущем России молодёжь заметно реже по сравнению с населением в целом хотела бы видеть возврат страны к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, сильную жёсткую власть, способную обеспечить порядок. Результаты исследования 2023 г. подтверждают эти наблюдения (табл. 1). Очевидно, текущая ситуация в стране в связи со специальной военной операцией является реакцией на обратные тенденции, особенно в части несближения с Западом.

Таблица 2

Какой хотели бы видеть Россию будущего представители молодёжи 18-24 лет и населения в целом (можно было дать не более трёх ответов; упорядочено по величине и знаку отклонения показателей среди молодёжи 18-24 лет от показателей по населению в целом), ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

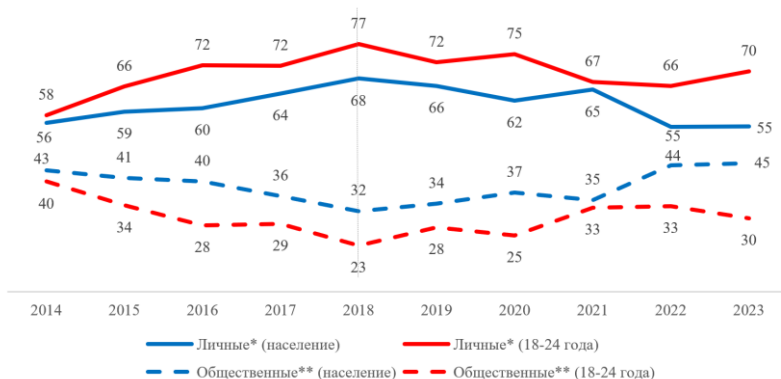
Какой Вы хотели бы видеть Россию будущего?	Молодёжь 18-24 лет	Население в целом	Отклонение показателя в группе 18-24 лет от населения в целом (п.п., по модулю)
Страной – активным партнёром Запада, современных развитых стран	19	8	11
Страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	46	35	11
Страной, в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	19	11	8
Страной, в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	11	11	0
Страной, где обеспечивается социальная справедливость	40	45	5
Страной, в которой ограничиваются социальные неравенство и социальное расслоение	8	14	6
Великой державой мира	26	33	7
Страной, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	22	33	11
Страной, сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности	21	38	17

Насколько молодёжь в целом и отдельные её группы готовы принимать и встраиваться в новые условия, адаптировать к ним собственные жизненные стратегии либо, напротив, будет противостоять новым трендам в каких-либо формах, как будет трансформироваться роль молодёжи в новом обществе – эти вопросы сегодня стоят перед исследователями, властью и обществом в целом. Для понимания этих перспектив обратимся к анализу трендов в части групповых, коллективистских ценностей молодёжи как предпосылок возможной её солидаризации и коллективных действий. В качестве материалов для этого анализа выступают результаты социологических исследований различных центров и публикации последних лет, посвящённые ценностным ориентациям современной молодёжи. Частично результаты анализа были опубликованы в докладе «Ценностные ориентации современной молодё-

жи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований», подготовленном при участии автора данной статьи (Ценностные, 2021, web).

Имея в виду общую динамику мировоззрения разных поколений молодёжи, следует отметить, что исторически она в целом наследует советским традициям коллективизма. Как подчёркивает Е. Омельченко, «если Запад – это в большей степени индивидуальный биографический проект, то Россия – коллективный, где главное – это стремление быть частью общности, присоединиться и реализовывать не только свои личные интересы, но более широкой общности – народа, поколения, фирмы» (Социолог, web). Однако постепенно значимость коллективного ментального советского наследия уступала тренду освоения индивидуалистических ценностей и норм, шёл дрейф от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным. Исследования показывали усиление значимости ценностей индивидуализма и личного успеха, а также снижение значимости ценностей, связанных с ориентацией на взаимопомощь (Тихонова, 2012; Лапин, 2010; Магун, Руднев, 2010; Комментарий, 2021, web). И если до 2015 г. ещё были признаки развития солидарностей, то затем динамика настроений вернулась к тренду на усиление индивидуализма (Пессимизм, 2018, web).

Молодёжь находится в авангарде этого тренда – большинство молодых россиян ставит личные интересы выше, чем интересы страны и общества. Причём в 2023 г. впервые разница в позициях молодёжи 18-24 лет и населения в целом достигла 15 п.п. (рис. 2). Можно предположить, что происходящие в стране и мире события вызвали у части молодёжи защитную реакцию в виде фокусировки на Я-пространстве, «маленьком мире», ближнем круге.

Я-ориентированная модель мировоззрения молодёжи считается и в представлениях о качествах окружающих их людей. На первом плане находятся личная жизнь и успех (ответственность за свою семью, активность и целеустремлённость, ум и образо-

ванность), на периферии – то, что обращено вовне (*душевность, честность, бескорыстие и готовность помочь другим, искренность*)³⁸. Обращённость на себя наблюдается во многих европейских странах, но Россия их во многом опережает, находясь, например, в замыкающей группе стран по уровню ориентации людей на помощь друг другу³⁹.

Ценности коллективизма периферийны для молодёжи и применительно к видению идеального будущего России. Его характеризуют такие маркеры, как *мир и закон*, ценности условного «социализма» (*порядок, справедливость, патриотизм*), «капитализма» (*свобода*) и «демократии» (*права человека, демократии*). А вот *взаимопомощь, согласие, братство* только замыкают список (Великая, Шушпанова, 2021).

Впрочем, молодёжь ценит *инструментальную* силу и возможности группы, коллектива, в том числе *для достижения индивидуальных целей*. Например, среди факторов достижения лидерских позиций *правильно подобранная команда единомышленников* делит первое место с *опытом* (по 45 %), заметно опережая *личные качества, знания, деньги* и др.⁴⁰ В мотивации общественно-политической активности молодёжи *общественные цели*, вроде стремления сделать мир лучше, создать единый фронт с единомышленниками, помочь людям или выразить политический протест (6-19 %), *уравновешиваются прагматичными задачами и личными интересами*: защитить свои права и разнообразить жизнь, получить новый опыт, провести время со своими друзьями и найти новых (5-13 %)⁴¹.

На фоне усложнения картины групповых идентичностей *молодёжь солидаризируется не в рамках групповой идентичности, а на основе разделения ценностей*. По наблюдениям Е. Омельченко, «внутри любой субкультурной сцены мы начинаем обнаруживать людей, которые придерживаются радикально противоположных взглядов на гендерное равенство, феминизм», а «разделённость ценностей может объединять молодёжь из субкультурных групп и мейнстримную, иногда даже гопников» (Социолог, web). В этой связи упомянем наблюдения В. Петухова, обращающего внимание, что в числе ключевых ценностей общественного развития, вокруг которых складывается и усиливается в последние годы солидари-

³⁸ Данные общероссийского опроса Института социологии ФНИСЦ РАН 2019 г., выборка 2000 респондентов; рассчитано автором.

³⁹ По данным исследования *European Social Survey* – URL: <http://www.ess.ru.ru/> (дата обращения: 01.10.2021); на основании расчётов автора.

⁴⁰ Рассчитано автором по данным общероссийского опроса ВЦИОМ 2020 г., выборка 1600 респондентов. Массив данных размещён на официальном сайте ВЦИОМ как сопровождение к аналитическому обзору «Лидер 2020: идеал и реальность» – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10234> (дата обращения: 07.04.2021).

⁴¹ Данные общероссийского опроса Института социологии ФНИСЦ РАН 2020 г., выборка 2000 респондентов; рассчитано автором.

зация молодёжи, лидирующее место занимает *социальная справедливость* (с 2014 по 2018 гг. число сторонников этой идеи выросло с 40 до 52 % среди 18-24-летних и с 45 до 55 % среди 25-34-летних); при этом наблюдался рост поддержки молодёжью идеи *сближения России с Западом и вхождения в «общеевропейский дом»* (рост за четыре года с 14 до 29 %) (Петухов, 2020, с. 129).

Следующий важнейший тренд – снижение межличностного доверия на фоне роста неопределённости. Накануне пандемии исследователи из Левада-Центра⁴² фиксировали узость радиуса доверия молодёжи, подчёркивая, что молодёжь полностью доверяет только самым близким людям; в коллективах (учебных, производственных, соседских) начинает проявляться недоверие; ещё выше остороженность в отношении людей другой веры, иных политических взглядов (Гудков, Зоркая, Кочергина, 2020). Исследования Института социологии также показывали дисбаланс настроений в пользу недоверия: в 2020 г. почти у половины представителей молодёжи (48 %) уровень межличностного доверия был близок к срединному уровню, а на полюсах преобладали настроения осторожности (36 %) при вдвое меньшей доле доверяющих (16 %). В период пандемии с её тотальной неопределённостью среди молодёжи наметился дополнительный тренд на осторожность, а установки на доверие, напротив, несколько ослабли (Информационно-аналитический, 2021, web).

Характерная черта молодёжи – невысокая общественно-политическая солидаризация, подпитываемая в том числе низкими оценками возможностей влиять на ситуацию. Исследования демонстрируют тотальный скепсис молодёжи в отношении возможностей повлиять на политику государства в целом (85 %) или хотя бы на власть на местах (70 %)⁴³. Коллективные действия молодёжи сегодня принимают формы, при которых минимальны риски конфликтов с властью, высока эмоциональная отдача и можно получить быстрый и зримый результат усилий. Среди направлений коллективных действий популярны добровольчество и волонтерство, экологический активизм, трансформация городских пространств. При этом молодёжь отдаёт предпочтение участию, которое, по наблюдениям В. Петухова, не требует формальной и продолжительной по времени включённости, практикуя повседневную гражданственность (Петухов, 2020). Безопасность и бесконфликтность коллективного действия – ещё один тренд, отражающий настроения молодёжи в сфере потенциальной солидаризации и активизма. В. Петухов определял возможный фронт участия молодёжи в общественных преобразованиях так: «Стать частью коалиции общественных сил, нацеленных на политические перемены, а в рамках гражданских инициатив – привлечь внимание общества к темам,

⁴² Российское юридическое лицо, имеющее статус иностранного агента.

⁴³ Данные общероссийского опроса Института социологии ФНИСЦ РАН 2020 г., выборка 2000 респондентов; рассчитано автором.

которые пока мало заботят государство и ключевых политических игроков» (Петухов, 2020, с. 134).

Ещё один знаковый тренд – движение от виртуализации коммуникаций к виртуализации коллективизма. Социальные сети упрощают и позволяют сделать постоянным взаимодействие внутри малых групп, создают внутри локальных сообществ *структуру регулярных горизонтальных коммуникаций*. По данным исследований Института социологии 2023 г., в обыденной практике 23,7 % молодёжи 18-24 лет ищут в социальных сетях людей с общими интересами (при 12,7 % населения в целом). По данным ВЦИОМ 5-6 % делают это ежедневно, 6-10 % – несколько раз в неделю⁴⁴. При этом *соцсети становятся и коллективным организатором для молодёжи* – почти треть молодёжи по состоянию на 2020 г. участвовали в интернет-сообществах (Горшков, Шереги, 2020, с. 207).

Суммируя выводы, современную российскую молодёжь можно описать как группу, сфокусированную в значительной своей части на ценностях индивидуализма и личного успеха, воспринимающую коллективизм и коллективное действие через призму прагматичного подхода к достижению личных целей. Потенциал солидарных действий ослаблен за счёт снижающегося уровня доверия, ощущения собственной бессубъектности. Ключевым становится вопрос о возможностях солидаризации молодёжи для решения созидательных задач, конструктивного взаимодействия с властью. Позитивные сценарии солидаризации требуют новых оснований, которые могли бы быть восприняты молодёжью, соответствовали бы её ценностям, а также создания условий для жизненных стратегий, актуальных для новых обстоятельств и представляющих собой сопоставимые альтернативы по отношению к утраченным стратегиям, поддержания чувства собственной жизненной перспективы в современных реалиях.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Великая, Шушпанова, 2021 – Великая Н.М., Шушпанова И.С. Российская молодёжь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского

⁴⁴ Рассчитано по данным ВЦИОМ, открытая база данных «Спутник», свободный поиск – URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=138&q_id=11358&date=23.09.2018 (дата обращения: 10.10.2021).

государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 29-40.

Горшков, Шереги, 2020 – *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

Гудков, Зоркая, Кочергина, 2020 – *Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е.* Российское «Поколение Z»: установки и ценности, 2019-2020. М: Фонд им. Фридриха Эберта, 2020. 148 с.

Информационно-аналитический, 2021, web – Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. 109 с. 11.11.2021. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> (дата обращения: 26.10.2023).

Комментарий, 2021, web – Комментарий О. Журавлева к вопросу Т. Самсоновой «Видим ли мы какие-то изменения в ценностях россиян за последние 20 лет?» // Яндекс. Кью. 05.03.2021. URL: https://yandex.ru/q/question/vidim_li_my_kakie_to_izmeneniia_v_zh_20_37da0d80/ (дата обращения: 26.10.2023).

Лапин, 2010 – *Лапин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28-36.

Магун, Руднев, 2010 – *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5-22.

Пессимизм, 2018, web – Пессимизм и «гринпизм». Как изменились ценности россиян за 20 лет. 26.10.2018. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2018/10/26/175339.phtml> (дата обращения: 26.10.2023).

Петухов, 2020 – *Петухов В.В.* Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138.

Руденкин, 2019, web – *Руденкин Д.В.* Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодёжи: итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 1. Т. 10. 20.03.2019. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf> (дата обращения: 26.10.2023).

Социолог, 2015, web – Социолог Елена Омельченко – о поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов // The Village. 27.03.2015. URL: <https://village.scrn.me/people/whats-new/178619-omelchenko> (дата обращения: 10.04.2022).

Тихонова, 2012 – *Тихонова Н.Е.* Особенности российских модернистов и перспективы культурной динамики России. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 38-52.

Ценностные, 2021, web – Ценностные ориентации современной молодёжи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований // ЦИРКОН. 2021. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 07.04.2022).

References

Gorshkov, M.K., Sheregi, F. E. (2020). *Russian Youth in the Mirror of Sociology. For the Results of Long-Term Research*. Federal Center of

Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)

Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E. (2020). *Russian "Generation Z": Attitudes and Values, 2019-2020*. Friedrich Ebert Foundation. (In Russian)

Informational and Analytical Bulletin (INAB). Russian Society in a Pandemic: a Year Later (Experience of Sociological Diagnostics (2021). 2. Retrieved October 26, 2023, from <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> (In Russian)

Lapin, N. I. (2010). Functional-orienting clusters of basic values of the population of Russia and its regions. *Sociological Research*, 1, 28-36. (In Russian)

Magun, V. S., Rudnev, M. G. (2010). Basic values of Russians in the European context (article one). *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 5-22. (In Russian)

O. Zhuravlev's comment on T. Samsonova's question: "Have we seen any changes in the values of Russians over the past 20 years?" (2021). *Yandex. Q*. Retrieved October 26, 2023, from https://yandex.ru/q/question/vidim_li_my_kakie_to_izmeneniia_v_zh_za_20_37da0d80/ (In Russian)

Pessimism and "Greenpeaceism". How Russians' Values Have Changed over the Past 20 Years (2018). Retrieved October 26, 2023, from <https://adindex.ru/news/researches/2018/10/26/175339.phtml> (In Russian)

Petukhov, V. V. (2020). Russian youth and its role in the transformation of the society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 3, 119-138. (In Russian)

Rudenko, D. V. (2019). Factor of values in the formation of protest moods of young people: the results of a pilot survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 1 (10). Retrieved October 26, 2023, from <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf> (in Russian)

Sociologist Elena Omelchenko – about the conquest of Crimea, pragmatic patriotism and the disappearance of the Goths (2015). *The Village*. Retrieved April 10, 2022, from URL: <https://village.scrn.me/people/whats-new/178619-omelchenko> (in Russian)

Tikhonova, N.E. (2012). Features of Russian modernists and prospects for the cultural dynamics of Russia. Article 1. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 38-52. (In Russian)

Value Orientations of Modern Youth. Analytical Review of the Results of International and Russian Studies (2021). ZIRCON Publ. Retrieved April 7, 2022, from <http://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (In Russian)

Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2020). Russian youth about the prospects and images of the country's future socio-political development. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 2 (14), 29-40. (In Russian)

The Digital Scholar: Philosopher's lab

Цифровой ученый: лаборатория философа

2023. Т. 6. №4.

Учредители: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки».

Главный редактор: И.Т. Касавин
Зам. главного редактора: А.Н. Ткачев
Ответственный секретарь: С.В. Шибаршина

Дизайн обложки: Н.Д. Астахова
Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Формат 60x100 1/16.
Гарнитура «Times», «Calibri»
Уч.-изд. л. 12,4. Усл. печ. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ № .
Подписано в печать с оригинал-макета: 27.12.2023 г.

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС 77 — 72454 от 05.03.2018

Официальный сайт журнала «The Digital Scholar: Philosopher's Lab /
Цифровой ученый: лаборатория философа»
<http://www.digital-scholar.unn.ru>